СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

V.

СМѢСЬ.

=

VII.

ПИСЬМА
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

═

Часть четвертая.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

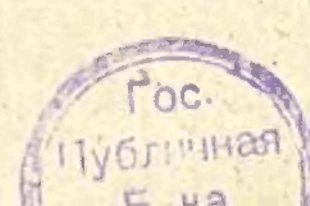
ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Изданіе четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1834.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1834 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Изданіе книгопродавца Смирдина.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

Парижъ, Мая. . . .

13 Мая, въ день Вознесенья, ходилъ я въ деревеньку Сюрень, лежащую въ двухъ миляхъ отъ Парижа на берегу Сены. Мнѣ сказали, что тамъ съ великою торжественностію будутъ короновать розами осьмнадцатилѣтнюю добродѣтельную дѣвушку; но какая горесть! нынѣшній годъ не было праздника — la fête de la Rosiere. Отель-де-Виль, или Городской Приказъ, не заплатилъ процентовъ съ капитала, положеннаго какимъ-то Гм. Эліотомъ для награжденія сельской невинности, хотя на это требовалось не болѣе 300 ливровъ. Приходскому священнику надлежало послѣ вечерни объявить имена трехъ достойнѣйшихъ Сюренскихъ дѣвушекъ; деревенскіе старшины выбирали изъ нихъ одну, украшали цвѣтами, хвалили ея добродѣтель, водили по деревнѣ и пѣли хоромъ:

Безъ награды добродѣтель
Не бываетъ никогда;
Ей въ подсолнечной свидѣтель
Богъ и совѣсть завсегда.
Люди также примѣчаютъ,
Кто похвально жизнь ведетъ;
За невинность увѣнчаютъ
Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ *. . .

Парижскія дамы всегда любопытствовали видѣть невинность такъ близко отъ Парижа, брали участіе въ веселіи Сюренскихъ поселянъ и не стыдились танцовать съ ними по-деревенски. — Я обѣдалъ въ трактирѣ съ нарядными земледѣльцами, которые потчивали меня своимъ краснымъ виномъ, увѣряя, что Сюренской виноградъ и Сюренскіе нравы славны во всемъ околоткѣ. Одинъ изъ нихъ, съ гордымъ видомъ выправляя свои бѣлыя, длинныя манжеты, сказывалъ мнѣ, что всѣ три дочери его были увѣнчаны розами, и всѣ три нашли себѣ достойныхъ жениховъ.

Давно уже сельская простота не веселила меня столько, какъ нынѣшній день — и наслаждаться ею въ 7 верстахъ отъ Парижа! Я не могъ наговориться съ крестьянами и съ крестьянками; послѣднія довольно смѣлы, но не безстыдны. «Куда ты идешь съ книжкою?» спросилъ я у миленькой дѣвушки. — *Въ церковь,* отвѣчала она: *молиться Богу.* — «Жаль, что я не вашего закона; а мнѣ хотѣ-

* Ей непремѣнно надлежало быть осьмнадцати лѣтъ.

лось бы молиться подлѣ тебя, красавица.» — Mais le bon Dieu est de toutes les réligions, Monsieur. *Богъ единъ во всѣхъ законахъ.* — Согласитесь, друзья мои, что такая философія въ сельской дѣвушкѣ не совсѣмъ обыкновенна. Вообще всѣ Сюренскіе жители казались мнѣ умными и щасливыми, можетъ быть отъ веселаго расположенія души моей.

Вечеръ провелъ я также очень пріятно въ деревнѣ Исси, въ прекрасныхъ садахъ Герцога Инфантадоса и Принцессы Шиме. Тутъ есть несравненная аллея изъ древнихъ, каштановыхъ деревъ (лучше самой Тюльерійской), и въ концѣ ея превеликой водоемъ. Видъ съ терраса прелестенъ: замокъ Мёдонъ, Бельвю, Булонской лѣсъ, неизмѣримая равнина, по которой течетъ Сена, и на краю горизонта Монъ-Валерьенъ.

Вообще Парижскія окрестности весьма пріятны. Вездѣ прекрасныя деревеньки, аллеи, сады; вездѣ разсѣяны драгоцѣнности Искусствъ; въ каждой сельской церкви найдете хорошія картины, замѣчанія достойные монументы, памятники Французской Исторіи. Съ нѣкотораго времени я всякой день бываю за городомъ, и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цвѣтетъ, и весна нѣжными оттѣнками переливается въ лѣто.

═

*

Парижъ, Мая. . . .

Я худо пользуюсь здѣшними знакомствами и обществомъ; я скупъ на время: мнѣ жаль тратить его въ трехъ или четырехъ домахъ, гдѣ меня принимаютъ. Холодная учтивость не привлекательна. Госпожа *Гло** увѣряетъ, что въ домѣ ея собираются лучшіе Авторы; но мнѣ не случилось видѣть у нее ни одного извѣстнаго. Говорятъ отрывками; все личности, jargon, языкъ непонятный для чужестранца; молчишь, зѣваешь, или скажешь слова два на вопросы: *какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? сколько мѣсяцовъ катаются у васъ въ саняхъ? ѣздите ли вы на оленяхъ зимою?* Это не весело; и хотя столъ Госпожи *Гло** очень вкусенъ, однакожь мнѣ пріятнѣе обѣдать за деньги у какого нибудь Ресторатёра, смотрѣть на множество людей, вслушиваться иногда въ шумные разговоры или про себя думать, сочинять планъ для остальнаго дня. Госпожа П*, другая моя знакомка, миловидна и любезна, такъ что я съ удовольствіемъ былъ у нее разъ пять. Мы говорили о Швейцаріи, о Руссо, о щастіи простой жизни, даже о любви въ метафизическомъ смыслѣ; но вотъ неудобность: къ ней ѣздитъ молодой Баронъ Д*, и какъ скоро онъ въ двери, я дѣлаюсь лишнимъ; это не много оскорбительно для моего самолюбія. Баронъ же хотя и не есть Баронъ Нѣмецкій, однакожь взгляды его на меня очень грубы. Онъ садится съ ногами

на диванѣ подлѣ хозяйки, играетъ ролю разсѣяннаго или сонливаго; плюетъ на Англійскій коверъ; кладетъ голову на подушку — а какъ его не выгоняютъ, то надобно думать, что онъ имѣетъ право выгонять другихъ изъ кабинета Госпожи Н*. Смекнувъ такимъ образомъ, беру шляпу и скрываюсь. Прованская красавица раздумала ѣхать въ Швейцарію и быть жительницею горы Нёфшательской *. Баронъ смѣется надъ такою мыслію, и называетъ ее вдохновеніемъ старомоднаго романизма.

Здѣсь теперь не много Русскихъ: фамилія Князя Г*, П*, и болѣе никого, кромѣ Посланника, Секретаря М* и Г. У*, съ которыми вижусь не рѣдко. У* не богатъ, но умѣлъ собрать прекрасную библіотеку и множество рѣдкихъ манускриптовъ на разныхъ языкахъ. У него есть оригинальныя письма Генриха IV, Лудовика XIII, XIV и XV, Кардинала Ришельё, Англійской Королевы Елисаветы и проч. Онъ знакомъ со всѣми здѣшними Библіотекарями, и черезъ нихъ достаетъ рѣдкости за бездѣлку, особливо въ нынѣшнее смутное время. Въ тотъ день, какъ народъ разграбилъ Бастильской архивъ, У* купилъ за луидоръ цѣлую кипу бумагъ, между прочими нѣсколько трогательныхъ писемъ какого-то несчастнаго Автора къ Полицеймейстеру и журналъ одного изъ заключенныхъ во время

* Описанной Жанъ Жакомъ въ письмѣ къ д'Аланберту.

Людовика XIV. Онъ увѣренъ, что его писалъ тайный арестантъ, извѣстный подъ именемъ *Желѣзной маски*, о которомъ Вольтеръ говоритъ слѣдующее: «Черезъ нѣсколько мѣся-«цовъ по смерти Кардинала Мазарина случи-«лось происшествіе, которое можно назвать «безпримѣрнымъ, и котораго (что также у-«дивительно) совсѣмъ не знали Историки. Съ «величайшею тайною посланъ былъ на остро-«вовъ Святой Маргариты неизвѣстный аре-«стантъ, молодой человѣкъ, высокой ростомъ «и благородный видомъ. Онъ носилъ маску «съ желѣзною пружиною, которая не мѣшала «ему ѣсть. Офицеръ имѣлъ повелѣніе убить «его, есть-ли бы онъ снялъ ее. Сей человѣкъ «содержался на островѣ до самаго того вре-«мени, какъ Губернаторъ Пиньерольской, Сен-«Марсъ, въ 1690 году сдѣланъ былъ Бастиль-«скимъ начальникомъ, и самъ перевезъ его въ «Бастилію, также въ маскѣ. Министръ Лу-«вуа былъ у него на островѣ Св. Маргариты. «говорилъ съ нимъ стоя и съ великимъ почте-«ніемъ. Въ Бастиліи отвели ему самыя луч-«шія комнаты, и ни въ чемъ не отказывали. «Всего болѣе любилъ онъ тонкое бѣлье и кру-«жева; зналъ музыку; игралъ на гитарѣ, имѣлъ «самый изобильный столъ, и Губернаторъ «рѣдко передъ нимъ садился. Старый Бастиль-«ской Докторъ никогда не видалъ его лица. «Онъ былъ, по словамъ сего Медика, чрезвы-«чайно статенъ, имѣлъ пріятный голосъ, «говорилъ пріятно, никогда не жаловался на

«заключеніе, и таилъ свое имя. — Сей неиз-
«вѣстный умеръ въ 1703 году и погребенъ
«ночью въ церкви Св. Павла. Никто изъ лю-
«дей знаменитыхъ въ Европѣ не пропадалъ во
«время его заключенія; но онъ безъ сомнѣнія
«былъ важный человѣкъ. Вотъ что случилось
«въ первые дни его пребыванія на островѣ
«Святой Маргариты.... Самъ Губернаторъ
«носилъ ему кушанье, и выходя, запиралъ ком-
«нату. Заключенный начертилъ однажды нѣ-
«сколько словъ на серебряной тарелкѣ и бро-
«силъ ее въ окно на лодку, стоявшую внизу
«подлѣ самой башни. Рыбакъ, хозяинъ лодки,
«поднялъ тарелку и принесъ Губернатору,
«который съ великимъ безпокойствомъ спро-
«силъ: видѣлъ ли онъ надпись, и не показы-
«валъ ли кому нибудь тарелки? Я только-что
«нашелъ ее, а самъ не умѣю читать, отвѣ-
«чалъ рыбакъ. Однакожъ Губернаторъ удер-
«жалъ рыбака, чтобы увѣриться въ истинѣ
«его словъ. Наконецъ, отпуская, сказалъ ему:
«*поди и благодари Бога, что не умѣешь читать.*
«Одинъ изъ достовѣрныхъ людей, которымъ
«сей случай былъ извѣстенъ, живъ еще и
«нынѣ. Шамиларъ, послѣдній изъ Министровъ,
«зналъ тайну заключеннаго. Фельдмаршалъ
«Фёльядъ, зять его, сказывалъ мнѣ, что онъ
«на колѣняхъ просилъ тестя своего объявить
«ему, кто былъ сей человѣкъ, извѣстный
«только подъ именемъ *Желѣзной маски.* Шами-
«ларъ отвѣчалъ, что онъ клялся хранить го-
«сударственную тайну, и не можетъ от-

«крыть ее. Однимъ словомъ, многіе изъ на-
«шихъ современниковъ свидѣтельствуютъ ис-
«тину мною разсказаннаго, и я не знаю ника-
«кого историческаго происшествія, которое
«было бы удивительнѣе и вѣрнѣе онаго.» —
Въ жизни Герцога Ришельё, недавно напечатанной, сія любопытная загадка, справедливо или нѣтъ, рѣшится. Авторъ говоритъ, будто человѣкъ съ Желѣзною маскою былъ сынъ Королевы Анны и близнецъ Лудовика XIV, скрытый отъ свѣта Кардиналомъ Ришельё, для того, чтобы ему не вздумалось когда нибудь спорить о коронѣ съ братомъ своимъ. Гипотеза не совсѣмъ вѣроятная! Равно какъ и то не совсѣмъ вѣроятно, чтобы журналъ заключеннаго, которымъ землякъ мой дорожитъ до крайности, былъ въ самомъ дѣлѣ писанъ Желѣзною маскою. У него одно доказательство: «заключенный въ разныхъ мѣ-
«стахъ упоминаетъ о шоколадѣ, который къ
«нему по утрамъ посили; при Лудовикѣ XIV
«пили шоколадъ одни знатные; а какъ въ это
«время (сколько извѣстно) никто изъ важныхъ
«людей, кромѣ человѣка съ желѣзною маскою,
«не содержался въ Бастиліи, то надобно,
«чтобы журналъ былъ его!» Впрочемъ Авторъ сихъ дневныхъ записокъ, Желѣзная маска или другой кто, не говоритъ ничего примѣчанія достойнаго: однѣ жалобы на скуку, на жестокость заключенія, въ несвязныхъ словахъ, безъ ороографіи — и все тутъ.

═

Парижъ, Мая. . .

Шесть дней сряду, въ 10 часовъ утра, хожу я въ улицу Св. Якова, въ Кармелитской монастырь. . . «За чѣмъ?» спросите вы: «за тѣмъ ли, чтобы разсматривать тамошнюю церковь, древнѣйшую въ Парижѣ, и нѣкогда окруженную густымъ, мрачнымъ лѣсомъ, гдѣ Св. Діонисій въ подземной глубинѣ укрывался отъ враговъ своихъ, то есть, враговъ Христіанства, благочестія и добродѣтели? За тѣмъ ли, чтобы рѣшить споръ Историковъ, — изъ которыхъ одни приписываютъ строеніе сего храма язычникамъ, а другіе Королю Роберту: одни утверждаютъ, что статуя, видимая вверху, на порталѣ, есть образъ богини Цереры: а другіе увѣряютъ, что она представляетъ Архангела Михаила? Или за тѣмъ, чтобы удивляться великолѣпію олтарей, ихъ бронзѣ, золоту, барельефамъ!». . . Нѣтъ: я хожу въ Кармелитской монастырь для того, чтобы видѣть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюна, таять сердцемъ, и даже плакать!. . . О чудо несравненнаго искусства! я вижу не холодныя краски, и не бездушное полотно, но живую, Ангельскую красоту, въ горести, въ слезахъ, которыя изъ небесныхъ голубыхъ глазъ ея льются на грудь мою; чувствую теплоту, жаръ ихъ, вмѣстѣ съ нею плачу. Она узнала суету міра и злополучіе страстей! Сердце ея, для свѣта охладѣвшее, пылаетъ предъ олта-

ремъ Всевышняго. Не муки адскія ужасаютъ Магдалину, но мысль, что она не достойна любви Того, Кто любимъ ею столь ревностно и пламенно: любви Отца небеснаго — чувство нѣжное, однѣмъ прекраснымъ душамъ извѣстное! *Прости меня*, говоритъ ея сердце. *Прости меня*, говоритъ ея взоръ. . . Ахъ! не только Богъ, совершенная благость, но и самые люди, рѣдко не жестокіе, какихъ бы слабостей не простили такому искреннему, святому раскаянію? . . . Никогда я не думалъ, не воображалъ, чтобы картина могла быть столь краснорѣчива и трогательна. Чѣмъ болѣе смотрю на нее, тѣмъ глубже вникаю чувствомъ въ ея красоты. Все прелестно въ Магдалинѣ: лице, станъ, руки, растрепанные волосы, служащіе покровомъ для лилейной груди; всего же прелестнѣе глаза, отъ слезъ покраснѣвшіе. . . Я видѣлъ много славныхъ произведеній живописи: хвалилъ, удивлялся искусству; но эту картину *желалъ бы имѣть; былъ бы щастливъ съ нею*; однимъ словомъ, *люблю ее*! Она стояла бы въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, всегда передъ моими глазами. . .

Но открыть ли вамъ тайную прелесть ея для моего сердца? Лебрюнъ, въ видѣ Магдалины, изобразилъ нѣжную, прекрасную Герцогиню Лавальеръ, которая въ Лудовикѣ XIV любила не Царя, а человѣка, и всѣмъ ему пожертвовала: своимъ сердцемъ, невинностію, спокойствіемъ, свѣтомъ. Я воображаю тихую лун-

ную ночь, когда, гуляя въ Версальскомъ Паркѣ съ своими подругами, милая Лавальеръ сказала имъ: «вы говорите о придворныхъ красавцахъ, «а забываете перваго: нашего любезнаго Короля. «Не пышность трона ослѣпляетъ глаза мои; «нѣтъ, и въ сельской хижинѣ, въ платьѣ бѣдна«го пастушка предпочла бы я его всѣмъ му«щинамъ на свѣтѣ.» — Король былъ въ двухъ шагахъ отъ прелестной; скрывался за деревомъ, слышалъ ея слова, и сердце ему сказало: «вотъ та, которую ты любить долженъ!» Онъ не зналъ ее; на другой день старался говорить со всѣми придворными дамами; узналъ Лавальеръ по голосу — и нѣсколько лѣтъ, будучи обожаемъ, самъ обожалъ ее; измѣнилъ — и нещастная оставила свѣтъ, заключилась въ Кармелитскомъ монастырѣ, истребила въ душѣ всѣ земныя склонности, жила 36 лѣтъ единственно для добродѣтели, для Неба, подъ именемъ Луизы, *сестры милосердія*, ревностно исполняя строгія должности Ордена и званія своего.

=

Парижъ, Мая . . .

Я думаю теперь: какое могло бъ быть самое любопытнѣйшее описаніе Парижа? Исчисленіе здѣшнихъ монументовъ Искусства (разсѣян-

ныхъ, такъ сказать, по всѣмъ улицамъ) рѣдкихъ вещей въ разныхъ родахъ, предметовъ великолѣпія, вкуса, имѣетъ конечно свою цѣну: но десять такихъ описаній, и самыхъ подробныхъ, отдалъ бы я за одну краткую *характеристику* или за *галлерею примѣчанія достойныхъ людей въ Парижѣ*, живущихъ не въ огромныхъ палатахъ, а по большей части на высокихъ чердакахъ, въ тѣсномъ уголкѣ, въ неизвѣстности. Вотъ обширное поле, на которомъ можно собрать тысячу любопытныхъ анекдотовъ! Здѣсь-то бѣдность, недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, доводитъ человѣка до удивительныхъ хитростей, истощаетъ и разумъ и воображеніе! Здѣсь многіе люди, которые всякой день являются на гульбищахъ, въ Пале-Роялѣ, даже въ спектакляхъ, причесанные волосъ къ волосу, распудренные, съ большимъ кошелькомъ на спинѣ, съ длинною шпагою на бедрѣ, въ черномъ кафтанѣ, не имѣютъ копѣйки вѣрнаго дохода; а живутъ, веселятся, и, судя по наружному виду, безпечны какъ птицы небесныя. Средства? они разнообразны, безчисленны, и нигдѣ кромѣ Парижа неизвѣстны. На примѣръ: человѣкъ, изрядно одѣтый, который сидитъ въ Café de Chartres за чашкою *бавaруаза*, говоритъ не умолкая, съ видомъ благороднымъ, пріятнымъ, шутитъ, разсказываетъ забавные анекдоты — знаете ли, чѣмъ живетъ? продажею *афишъ*, или всякаго рода печатныхъ объявленій, которыми здѣсь быва-

ютъ облѣплены стѣны. Почью, когда городъ успокоится и люди по домамъ разбредутся, онъ ходитъ собирать свой кормъ, изъ улицы въ улицу, сдираетъ со стѣнъ печатные листы, относитъ ихъ къ пирожникамъ, имѣющимъ нужду въ бумагѣ, получаетъ за то нѣсколько копѣекъ, ливра два или цѣлой *экю*, ложится на соломенной тюфякъ въ какомъ нибудь *грепье* *, и засыпаетъ покойнѣе многихъ Крезовъ. Другой человѣкъ, который также всякой день бываетъ *въ публикѣ*, то есть, въ Тюльери, Пале-Рояль, и котораго вы по кафтану сочтете Клеркомъ **, есть. . . откупщикъ; но прошу угадать, какой? У него на откупѣ. . . всѣ булавки, теряемыя дамами въ Италіянскомъ Спектаклѣ. Когда занавѣсъ опускается и всѣ зрители выходятъ изъ залы, онъ только-что является въ Театръ, и съ дозволенія Директорскаго, между тѣмъ какъ гасятъ свѣчи, ходитъ изъ ложи въ ложу подбирать булавки; ни одна не укроется отъ его мышьихъ глазъ, гдѣ бы она ни лежала; и въ то мгновеніе, какъ слуга хочетъ гасить последнюю свѣчу, нашъ откупщикъ хватаетъ последнюю булавку; говоритъ: *слава Богу! завтра я не умру съ голоду!* и бѣжитъ съ своимъ пакетомъ къ лавочнику. — Я былъ въ Мазариновой Библіотекѣ и смотрѣлъ на ряды книгъ безъ всякихъ мыслей. Ко мнѣ подошелъ сѣдый старикъ въ темномъ кафтанѣ, и сказалъ: «вы

* То есть, чердакъ. ** Писаремъ.

желаете видѣть примѣчанія достойныя книги и манускрипты?» — Желалъ бы, государь мой! — «Я къ вашимъ услугамъ.» И старикъ началъ мнѣ показывать рѣдкія изданія, древнія рукописи, безпрестанно говоря, изъясняя. Я думалъ, что онъ Библіотекарь: совсѣмъ нѣтъ; но тридцать лѣтъ служитъ тамъ *живымъ каталогомъ* для любителей и читателей книгъ. Надзиратели Мазариновой Коллегіи дозволяютъ старику хозяйствовать въ Библіотекѣ, и чрезъ то промышлять себѣ хлѣбъ. Дайте ему *экю* или мѣдную копѣйку: онъ возьметъ ихъ съ равною благодарностію; не скажетъ: *мало!* не сморщитъ лба; также и за горсть серебряной монеты не поклонится вамъ ниже обыкновеннаго. Парижской нищій хочетъ имѣть наружность благороднаго человѣка. Онъ беретъ подаяніе безъ стыда; но за грубое слово вызоветъ васъ на поединокъ: у него есть шпага!

Въ *Галлерећ примѣчанія достойныхъ людей* занялъ бы конечно не послѣднее мѣсто одинъ здѣшній Ситоикъ, извѣстный подъ именемъ *четырнадцати-луковотнаго* (de quatorze-oignons). Истинный Діогеновъ человѣкъ, отказывающій себѣ во всемъ, что не есть въ строгомъ смыслѣ необходимо для жизни. Онъ промысломъ *носильщикъ* *; все его имѣніе состоитъ въ большой корзинѣ; днемъ разноситъ въ ней по коммиссіи всякую всячину, а ночью спитъ какъ

* Porte-faix.

въ альковѣ на городской площади, подъ колоннадою. Сорокъ лѣтъ не перемѣняетъ своего камзола; въ случаѣ нужды нашиваетъ заплаты, и такимъ образомъ онъ времени до времени возобновляетъ его, какъ Природа, по мнѣнію Медиковъ, возобновляетъ въ разные періоды человѣческое тѣло. 14 луковицъ составляютъ его дневную пищу. Не думайте, чтобы онъ жилъ такъ по необходимости; нѣтъ, бѣдные просятъ у него милостыни, и получаютъ; другіе берутъ въ займы — но Парижской Діогенъ никогда не требуетъ назадъ своихъ денегъ, ежедневно выработывая 3 и 4 ливра. Онъ умѣетъ быть благодѣтелемъ и другомъ; говоритъ мало, но съ выразительнымъ Лаконизмомъ. Многіе Ученые знакомы съ нимъ. Химистъ Л* спросилъ у него однажды: «щастливъ ли ты, добрый человѣкъ?» — Думаю, отвѣчалъ нашъ Философъ. — «Въ чемъ состоятъ твои удовольствія?» — Въ работѣ, отдыхѣ, въ безпечности. — «Прибавь еще: въ благодѣяніяхъ. Я знаю, что ты дѣлаешь много добра.» — Какого? — «Подаешь милостыню.» — Отдаю лишнее. — «Молишься ли Богу?» — Благодарю Его. — «За что?» — За себя. — «Ты не боишься смерти?» — Ни жизни, ни смерти. — «Читаешь книги?» — Не имѣю времени. — «Бываетъ ли тебѣ скучно?» — Я никогда не бываю празденъ. — «Не завидуешь никому?» — Я доволенъ собою. — «Ты истинный мудрецъ.» — Я человѣкъ. — «Же-

лаю твоей дружбы.» — Всѣ люди друзья мои. — «Есть злые.» — Ихъ не знаю.

Къ великому моему сожалѣнiю я не видалъ сего новаго Дiогена. Онъ скрылся при началѣ Революцiи. Иные думаютъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ доказательство, что въ самомъ низкомъ состоянiи можетъ родиться и жить *Генiй дѣятельной мудрости.*

═

Парижъ, Мая. . . .

Нынѣшнiй день видѣлъ я двѣ чудесныя школы: училище природноглухихъ и нѣмыхъ (которымъ посредствомъ знаковъ сообщаютъ самыя трудныя, сложныя, метафизическiя идеи *; которые знаютъ совершенно Грамматику, разбираютъ всѣ книги, и сами пишутъ яснымъ, чистымъ, правильнымъ слогомъ) и еще другую, не менѣе удивительную школу природно-слѣпыхъ, которые умѣютъ читать, знаютъ Музыку, Географiю, Математику. Аббатъ л'Епе, основатель перваго училища, умеръ; мѣсто его заступилъ Аббатъ Сикаръ: онъ съ великою ревностiю посвящаетъ себя искусству дѣлать получеловѣковъ совершенными людьми, замѣняя въ нихъ, такъ сказать,

* См. Третью Часть Писемъ Русскаго Путешественника.

новымъ органомъ слухъ и языкъ. Молодой Шведъ, бывшій вмѣстѣ со мною у Сикара, написалъ на бумажкѣ: *вы конечно жалѣете о л'Епе* — и подалъ ее одному изъ учениковъ, который тотчасъ, схвативъ перо, отвѣчалъ: *безъ сомнѣнія; онъ нашъ благодѣтель, разбудилъ въ насъ умъ, далъ намъ мысли и другова учителя, подобнаго ему въ искусствѣ и въ ревности быть нашимъ просвѣтителемъ, другомъ, вторымъ отцомъ.* Многіе изъ нѣмыхъ страстно любятъ чтеніе, такъ, что для сохраненія ихъ глазъ надобно отнимать у нихъ книги. Съ удивительною скоростію говорятъ они знаками между собою, выражая самыя отвлеченныя идеи; кажется, будто не могутъ нарадоваться своею новою способностію.

Въ другой школѣ, заведенной Господиномъ Гаюи, слѣпые учатся Ариѳметикѣ, чтенію, Музыкѣ и Географіи посредствомъ *выпуклыхъ* (en relief) знаковъ, буквъ, нотъ и ландкартъ, разбираемыхъ ими по осязанію. Ученикъ, щупая ряды литеръ и нотъ, передъ нимъ лежащихъ, читаетъ, поетъ; прикоснувшись рукою къ ландкартѣ, говоритъ: *здѣсь Парижъ, тутъ Москва; здѣсь Отагити, тутъ Филиппинскіе острова.* Шведъ тихонько перевернулъ карту; слѣпой, дотронувшись до нее, сказалъ: *она лежитъ вверхъ ногами*, и снова оборотилъ ее. Какъ у зрячихъ судятъ глаза о разстояніи предметовъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ у слѣпыхъ осязаніе удивительно тонкое, вѣрно *согласнтное* съ памятью и воображені-

емъ. На примѣръ: естьли я, зажмуривъ глаза, ощупаю нѣсколько предметовъ, то мнѣ очень трудно будетъ вообразить ихъ взаимное между собою отношеніе, отъ непривычки судить о вещахъ по осязанію; напротивъ того слѣпые воображаютъ по ощупи такъ же быстро, какъ мы по глазамъ. Надзиратель хотѣлъ сдѣлать намъ полное удовольствіе, и велѣлъ слѣпымъ ученикамъ своимъ пѣть гимнъ, сочиненный для нихъ Оберомъ. Прекрасные голоса! трогательная мелодія! милыя слова! Мы заплакали. Надзиратель увидѣлъ слезы наши, и велѣлъ ученикамъ повторить гимнъ. Вотъ переводъ его:

Владыка міра и судьбины!
Дай видѣть намъ лучь солнца Твоего
Хотя на часъ, на мигъ единый,
И новой тьмой для насъ покрой его:
Лишь только бъ мы узрѣли
Благотворителей своихъ,
И милый образъ ихъ
Навѣкъ въ сердцахъ запечатлѣли.

Парижъ, Мая. . .

Вы получали бы отъ меня не листы, а цѣлыя тетради, естьли бы я описывалъ вамъ всѣ картины, статуи и монументы мною

видимыя. Здѣсь церкви кажутся галлереями живописи или Академіями Скульптуры. Мудрено ли? Со времен Франциска I донынѣ Художества цвѣли въ Парижѣ какъ въ отчизнѣ своей. Замѣчу только, что у меня осталось въ памяти.

Напримѣръ: соборная церковь Богоматери, Notre Dame — зданіе готическое, огромное и почтенное своею древностію — наполнена картинами лучшихъ Французскихъ живописцевъ; но я, не говоря объ нихъ ни слова, опишу вамъ единственно памятникъ супружеской любви, сооруженный тамъ новою Артемизою. Графиня д'Аркуръ, потерявъ супруга, хотѣла посредствомъ сего мавзолея, изваяннаго Пигалемъ, оставить долговременную память своей нѣжности и печали. Ангелъ одною рукою снимаетъ камень съ могилы д'Аркура, а другою держитъ свѣтильникъ, чтобы снова воспламенить въ немъ искру жизни. Супругъ, оживленный благотворною теплотою, хочетъ встать, и слабую руку простираетъ къ милой супругѣ, которая бросается въ его объятія. Но смерть неумолимая стоитъ за д'Аркуромъ, указываетъ на свой песокъ, и даетъ знать, что время жизни прошло! Ангелъ гаситъ свѣтильникъ. . . . Сказываютъ, что нѣжная Графиня, безпрестанно оплакивая кончину любезнаго, видѣла точно такой сонъ: Художникъ изобразилъ его по ея описанію — и никогда рѣзецъ Пигалевъ не дѣйствовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ въ семъ

трогательномъ, меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ.

Тутъ же видѣлъ я грубую статую Короля Филиппа Валуа. Побѣдивъ непріятелей, онъ въѣхалъ верхомъ въ соборную Парижскую церковь. Художникъ такъ и представилъ его: на лошади, съ мечемъ въ рукѣ — не много уваженія къ святынѣ храма!

Въ Сорбонскую церковь ходятъ всѣ удивляться искусству ваятеля Жирардона. На монументѣ, въ древнемъ вкусѣ, представленъ Кардиналъ Ришельё; умирая въ объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ правую руку на сердце, а въ лѣвой держитъ духовныя свои творенія. Наука, въ видѣ молодой женщины, рыдаетъ у ногъ его. — Говорятъ, что Петръ Великій, смотря на сей памятникъ, сказалъ внуку Кардинала, Герцогу Ришельё: *Твой дѣдъ былъ величайшій изъ Министровъ; я отдалъ бы половину своего Государства за то, чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ Франціею.* Не вѣрю этому анекдоту; или Государь нашъ не зналъ всѣхъ злодѣйствъ Кардинала, хитраго Министра, но свирѣпаго человѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя Наукъ, но завистника и гонителя великихъ дарованій. Я представилъ бы Кардинала не съ Христіанскою, святою Религіею, а съ чудовищемъ, которое называется Политикою, и которое описываетъ Вольтеръ въ Генріадѣ:

Дщерь гордости властолюбивой,
Обмановъ и коварства мать,
Всѣ виды можетъ принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною въ опасный часъ;
Но сонъ вовѣки не смыкаетъ
Ея глубоко-впадшихъ глазъ;
Она трудится, вымышляетъ;
Печать у Истины беретъ,
И взоры обольщаетъ ею;
За Небо будто возстаетъ,
Но адской злобою своею
Разитъ лишь собственныхъ враговъ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

Въ церкви Целестиновъ (des Celestins) есть придѣлъ Герцога Орлеанскаго, который напоминаетъ страшное и нещастное приключеніе. Карлъ VI вздумалъ однажды для маскерада нарядиться Сатиромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ. Герцогъ Орлеанской подошелъ къ нимъ съ факеломъ, и нечаянно зажегъ мохнатое платье на одномъ изъ нихъ. Къ нещастію, они были связаны цѣпочкою другъ съ другомъ, и не могли скоро распутаться: огонь разлился, обхватилъ ихъ, и въ нѣсколько минутъ почти всѣ сгорѣли. Король спасенъ былъ Герцогинею де Берри, которая

бросила на него свою мантелью, и затушила пламя. Герцогъ, чтобы загладить свою бѣдственную неосторожность, соорудилъ великолѣпный олтарь въ церкви Целестиновъ. — Тамъ много картинъ и памятниковъ; между прочими монументъ Леона, Царя Армянскаго, который, будучи выгнанъ изъ земли своей Турками, умеръ въ Парижѣ въ 1393 году. Фруасаръ, современный Историкъ, говоритъ объ немъ слѣдующее: «Лишенный трона, сохранилъ онъ «царскія добродѣтели, и еще прибавилъ къ «нимъ новую: великодушное терпѣніе; съ бла«годѣтелемъ своимъ, Карломъ VI, обходился «какъ съ другомъ, не забывая собственнаго «царскаго сана; а смерть Леонова была достой«на жизни его.» — Близъ гробницы нещастнаго Царя, въ готическомъ вкусѣ, нѣжная дочь соорудила памятникъ нѣжной манери. Черная мраморная урна стоитъ на бѣлой колоннѣ, съ надписью: «Будучи другомъ дней своихъ, она «заставляла ихъ плакать. . . только отъ бла«годарности; скромность ея даже удивлялась «необыкновенной любви нашей» (прекрасная черта!) «Да будетъ сей памятникъ священъ для «добрыхъ и чувствительныхъ сердецъ! Здѣсь «погребена Марія Гокаръ, Графиня де Коссе, «умершая 29 Сентября 1779 году.» — Подлѣ трогательной надписи видите вы смѣшную, надъ гробомъ рыцаря Бриссака. Вотъ она: «Что «я? мертвой или живой? Мертвой: нѣтъ, жи«вой. Ты спросишь: почему? отвѣчаю: потому, «что имя мое вездѣ шумитъ, вездѣ гремитъ

«(mon nom court et bruit en tous lieux).» — Въ сей же церкви стоитъ славная Пилонова группа, три нагія Граціи, одна другой лучше, и все прекрасныя; но не странно ли видѣть языческихъ богинь въ храмѣ истиннаго Бога? Такъ угодно было Катеринѣ Медицисъ. Она велѣла заключить сердце свое въ одну урну съ сердцемъ Генриха II, и поставить ее на голову Граціямъ. Чудная мысль!

═

Въ церкви Св. Кома погребенъ нѣкто Трульякъ, рогатой человѣкъ. Онъ былъ представленъ за чудо Генриху IV, который подарилъ его своему конюшему; а конюшій показывалъ его за деньги народу. Сей бѣдный Сатиръ крайне оскорблялся своимъ уродствомъ и умеръ съ горя. На гробѣ его вырѣзали эпитафію такого содержанія:

Здѣсь погребенъ Трульякъ. Не будучи женатъ,
Сей жалкой человѣкъ (о диво!) былъ рогатъ!

═

Въ церкви Св. Стефана, которой странная архитектура представляетъ вамъ соединеніе Греческаго вкуса съ готическимъ, найдете вы

гробъ нѣжнаго Расина безъ всякой эпитафіи; но его имя напоминаетъ лучшія произведенія Французской Мельпомены — и довольно. Тутъ же погребенъ Паскаль (Философъ, Теологъ, остроумный Авторъ, котораго Провинціальныя письма донынѣ ставятся въ примѣръ хорошаго Французскаго слога); Турнефоръ, славный Ботанистъ и путешественникъ; Тонье, искусный Медикъ (котораго эпитафія говоритъ: *Теперь только, смертные, страшитесь смерти: ибо Тонье умеръ и васъ лечить некому*), и живописецъ ле-Сюеръ, прозванный Французскимъ Рафаэлемъ: предметъ зависти и даже злобы другихъ современныхъ живописцовъ! На примѣръ, ле-Брюнъ не могъ равнодушно слышать, чтобы говорили о ле-Сюеровыхъ картинахъ, и видя его при послѣднемъ издыханіи, сказалъ: *теперь гора свалится у меня съ плечь, и смерть этого человѣка выметъ занозу изъ моего сердца!* Въ другое время, смотря на ле-Сюерову картину, и думая, что его никто не слышитъ, ле-Брюнъ шепталъ: *прекрасно! удивительно! несравненно!* Горестно слышать такіе черные анекдоты о великихъ Артистахъ; и какъ я люблю живописца Магдалины, такъ гнушаюсь врагомъ ле-Сюеровымъ.

Въ церкви Св. Евстафія погребенъ Кольберъ. Памятникъ достоинъ его памяти. Онъ изображенъ на колѣняхъ, на черной мраморной гробницѣ, передъ Ангеломъ, держащимъ разогнутую книгу. Изобиліе и Религія, въ видѣ женщинъ, стоятъ подлѣ. Великій Министръ, слава Франціи и Людовика XIV! Онъ служилъ Королю, стараясь умножать его доходы и силы; служилъ народу, стараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли; служилъ человѣчеству, способствуя быстрымъ успѣхамъ Наукъ, полезныхъ Искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносные Людовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ!* сотворенные: лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ, именитыя торговыя общества: Индѣйское, Американское — и почти всѣ Академіи остались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищу въ мысляхъ, и не нахожу другаго, ни столь мудраго, ни столь щастливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе было конечно слѣдствіемъ перваго) — и слава его Министерства прославила царствованіе Людовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнованія всѣхъ Министровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Кольбертовъ, чтобы смотрѣть на него и не забывать великихъ своихъ

обязанностей. — Но какой Министръ можетъ удовольствовать всѣхъ людей? Одинъ изъ недовольныхъ Кольбертомъ написалъ на его статуѣ: res ridenda nimis, vir inexorabilis orat! т. е. *какъ смѣшно видѣть моленіе неумолимаго человѣка* *!

Въ Аббатствѣ Св. Женевьевы хранится прахъ Декартовъ, перевезенный изъ Стокгольма черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Философа. Нѣтъ памятника! Эпитафія говоритъ, что онъ былъ первымъ мудрецомъ своего вѣка — и справедливо. Философія прежде его состояла въ одномъ школьномъ пустословіи. Декартъ сказалъ, что она должна быть Наукою Природы и человѣка; взглянулъ на вселенную глазами мудреца, и предложилъ новую, остроумную систему, которая все изъясняетъ — и самое неизъяснимое; во многомъ ошибся, но своими ошибками направилъ на путь истины Англійскихъ и Нѣмецкихъ Философовъ; заблуждался въ лабиринтѣ, но бросилъ нить Аріадны Невтону и Лейбницу; не во всемъ достоинъ вѣры, но всегда достоинъ удивленія; всегда великъ, и своею Метафизикою, своимъ правоученіемъ возвеличиваетъ санъ человѣка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели. Я не давно читалъ слѣдующее сравненіе между Декартомъ и Невтономъ: «Они равны *вымысломъ* или духомъ «изобрѣтенія; первый быстрѣе, высокопарнѣе:

* Онъ представленъ на гробницѣ молящимся.

«вторый глубокомыслениѣе. Таковъ характеръ «Французовъ и Англичанъ; умъ первыхъ *стро«итъ въ вышину*, послѣднихъ *углубляется въ «основаніе*. Оба Философа хотѣли создать міръ, «подобно какъ Александръ хотѣлъ завоевать «его; оба безсмертны, оба велики въ понятіяхъ своихъ о Натурѣ.»

Въ томъ же Аббатствѣ взглянулъ я на гробницу Кловиса (завоевателя Галліи, перваго Царя Французовъ), на изображеніе Рима (en relief), въ которомъ видны всѣ улицы, всѣ большія зданія; на Библіотеку и на собраніе Египетскихъ, Этрусскихъ, Греческихъ, Римскихъ и Гальскихъ рѣдкостей.

Новая церковь Святой Женевьевы величественна и прекрасна. Знатоки Архитектуры особливо хвалятъ фронтонъ, въ которомъ смѣлость готическая соединена съ красотою Греческою. Наружность и внутренность Коринѳическаго Ордена; послѣдняя не совсѣмъ еще отдѣлана.

Въ Аббатствѣ Св. Виктора хранятся древніе манускрипты; между прочими Библія въ рукописи девятаго вѣка, и Алькоранъ самый вѣрный: что засвидѣтельствовано Турецкимъ Посломъ, который съ великимъ благоговѣніемъ читалъ и цѣловалъ его.

Въ *Королевскомъ Аббатствѣ*, гдѣ все богато и великолѣпно, всего лучше внутренность купола, расписанная водяными красками Миньяромъ; знатоки называютъ ее совершенствомъ. Мольеръ сочинилъ Поэму въ честь Миньяра. Жаль, что краски уже теряютъ свою живость.

Въ церкви Св. Андрея сооруженъ памятникъ Аббату Баттё, наставнику Автора, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ. Монументъ нравится своею простотою; на колоннѣ стоитъ урна съ медальйономъ умершаго, и съ милою надписью: amicus amico, *другъ другу*. — Тутъ же видѣлъ я одну старинную Французскую эпитафію въ стихахъ, которая содержитъ въ себѣ исторію Матвѣя Шартье, *добраго человѣка*, и которая мнѣ очень полюбилась. На примѣръ: «Онъ вѣрилъ «Богу, Христіанству, безсмертію, добродѣте«ли; не вѣрилъ литературъ суевѣрія и щастію «порока: жилъ 50 лѣтъ съ женою своею, и «всякой наступающій годъ желалъ провести «съ нею какъ минувшій; любилъ въ будни ра«боту, а въ праздникъ гостей; училъ добру «дѣтей своихъ, иногда умными словами, а ча«ще примѣромъ. Мнѣніе и свидѣтельство его «уважалось во всемъ околоткѣ, и люди гово«рили: *такъ сказалъ Матвѣй Шартье, добрый «человѣкъ*! Прохожій! не дивись, что гробница «его сдѣлана не изъ Пароскаго мрамора, и не

«украшена Фригійскою рабошою; богашые па-
«мяшники нужны для шѣхъ, кошорые жизнію
«и дѣлами не осшавили по себѣ доброй памя-
«шп; имя Машвѣя Шарньё есшь и будешъ
«живымъ его монуменшомъ. 1559.»

Въ храмѣ Бенедикшиновъ погребенъ изгнанникъ Іаковъ II. Онъ велѣлъ схоронишь себя безъ всякой пышносши и на гробѣ написашь шолько: ci-git Jacques II, Roi de la Grande Bretagne. Король самый несчасшливѣйшій, пошому что никшо не жалѣлъ о его несчасшіи!

Церковь Кармелишовъ досшойна примѣчанія богашымъ монуменшомъ, сооруженнымъ въ ней господами Буллене ошцу и машери ихъ; но Исшорія Кармелишовъ, изданная на Лашинскомъ языкѣ, еще досшойнѣе примѣчанія. Авшоръ ушверждаешъ, что не шолько всѣ славнѣйшіе Хрисшіане, но и самые язычники: Пиѳагоръ, Нума Помпилій, Зороасшръ, Друиды, были монахи Кармелишскаго Ордена. Имя его происходишъ ошъ Сирійской горы Кармель, гдѣ жили благочесшивые пусшынники, первые основашели Кармелишскаго собрашсшва.

Въ церкви Св. Жерменя погребенъ Французской Горацій, Малербъ, о кошоромъ сказалъ Буало, что онъ первый *узналъ шайную силу каждаго слова, посшавленнаго на своемъ мѣсшѣ.* По сіе время можно чишашь съ великимъ удовольсшвіемъ Оды его, и всѣ знаюшъ наизусшь прекрасную сшрофу:

La mort a des rigueurs à nulle autre pareilles;
On a beau la prier:
La cruelle qu'elle est, se bouche les oreilles,
Et nous laisse crier.
Le pauvre en sa cabane, où le chaume le couvre,
Est sujet à ses loix,
Et la garde qui veille aux barrieres du Louvre,
N'en défend point nos Rois.

Тупъ же погребены мужъ и жена Дасье, которыхъ соединила законнымъ бракомъ любовь. . . къ Греческому языку; копорые въ ученомъ супружесшвѣ своемъ ласкали другъ друга Греческими именами, и шогда бывали веселы, шогда были щасшливы, когда находили новую красопу въ спихѣ Гомеровомъ. О варварсшво! о неблагодарносшь! на гробѣ ихъ нѣшъ Греческой надписи! !

Кеношафъ Графа Келюса, въ одномъ изъ придѣловъ Св. Жерменя, сдѣланъ изъ самаго лучшаго порфира. Графъ берегъ его долгое время для своей гробницы. Человѣкъ, копорый для успѣховъ Искуссшва не жалѣлъ ни шрудовъ, ни имѣнія, ни самой жизни, досшоинъ шакого кеношафа. Слѣдующій анекдошъ доказываешъ удивишельную сшрасшь его. Будучи въ Смирнѣ, онъ хошѣлъ видѣшь развалины Эфеса, близь копорыхъ жилъ шогда разбойникъ Каракаяли, ужасъ всѣхъ пушешесшвенниковъ. Чшожъ сдѣлалъ неусшрашимый Графъ? Сыскалъ двухъ разбойниковъ изъ шайки Каракаяли, и нанялъ ихъ себѣ въ проводники, съ шѣмъ, чшобы заплашишь имъ деньги по воз-

вращеніи въ Смирну; надѣлъ самое простое платье, не взялъ съ собою ничего, кромѣ бумаги съ карандашемъ, и прямо съ своими вожатыми явился къ атаману воровъ, который, узнавъ о намѣреніи его видѣть древности, похвалилъ такое любопытство; сказалъ, что не далеко отъ его стана есть другія прекрасныя развалины; далъ ему двухъ Арабскихъ скакуновъ, чтобы ѣхать туда — и Графъ черезъ нѣсколько минутъ очутился на развалинахъ Колофона; осмотрѣвъ ихъ, возвратился ночевать къ разбойнику, и на другой день видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда городъ Эфесъ. — Келюсъ издалъ множество книгъ: Собраніе древностей, Предметы для живописи и ваянія, Картины изъ Гомера и Виргилія, Сказки, и проч.

Церковь Св. Илера обагрилась нѣкогда кровію двухъ живописцевъ. Одинъ изъ нихъ изобразилъ тамъ Адама и Еву въ земномъ раю. Другой, смотря на его картину, сказалъ: «Новорожденный младенецъ бываетъ связанъ «съ матерью посредствомъ тонкихъ жилъ, «которыя, будучи перерѣзаны, образуютъ у «него пупокъ. Адамъ и Ева не родились, но «были вдругъ сотворены; слѣдственно ты «глупецъ, изобразивъ ихъ съ пупкомъ, кото-«раго они имѣть не могли.» — Оскорбленный живописецъ выхватилъ шпагу; начался поединокъ — и безумцевъ на силу розняли.

Прахъ *великаго* (какъ называютъ Французы) Корнеля покоится въ церкви Св. Рока, безъ

мавзолея, безъ эпитафіи. Тутъ погребена и нѣжная Дезульеръ, которой имя напоминаетъ вамъ

> Берега кристальныхъ рѣчекъ,
> Кроткихъ, миленькихъ овечекъ,
> И собачку подлѣ нихъ.

Посошокъ, вѣнокъ, сплетенный изъ луговыхъ цвѣтовъ, и свирѣль, лучше всего украсили бы ея могилу. — Тутъ и гробъ ле-Нотра, творца великолѣпныхъ садовъ, передъ которыми древніе сады Гесперидскіе не что иное, какъ сельскіе огороды. Надъ гробомъ стоитъ бюстъ его: лице благородное и важное. Таковъ былъ и характеръ Артиста. Когда онъ предлагалъ Лудовику XIV планъ Версальскихъ садовъ, разсказывая, гдѣ чему быть, и какое дѣйствіе должна произвести всякая его идея, Король, восхищенный такимъ богатымъ воображеніемъ, нѣсколько разъ перерывалъ его описаніе, говоря: *Ле-Нотръ! за эту выдумку даю тебѣ 20,000 ливровъ.* Наконецъ безкорыстный и гордый художникъ разсердился и сказалъ ему: *Ваше Величество! я замолчу, чтобы не разорить васъ.*

За послѣднимъ олтаремъ сей церкви, подъ низкимъ сводомъ, въ блѣдномъ мерцаніи свѣта, возвышается дикая скала: тутъ Спаситель на крестѣ; у ногъ Его Магдалина. На правой сторонѣ видите спящихъ воиновъ, на лѣвой сломленныя дерева, между которыми ползетъ змѣя. Подъ горою голубой мраморной жертвен-

никъ, въ образѣ древней гробницы; на немъ стоятъ двѣ урны, въ которыхъ дымится оѳиміамъ. Все вмѣстѣ слабо освѣщено черезъ отверстіе вверху, и составляетъ неизъяснимо-трогательное зрѣлище. Сердце чувствуетъ благоговѣніе, и колѣна сами собою преклоняются. — Похвалите Фальконета: вы видите произведеніе рѣзца его.

Въ церкви Св. Северина списалъ я слѣдующіе стихи, вырѣзанные надъ темнымъ коридоромъ ея кладбища, и служащіе примѣромъ *игры словъ*:

Passant! penses-tu pas passer par ce passage,
Où pensant j'ai passé?
Si tu n'y penses pas, passant! tu n'es pas sage,
Car en n'y pensant pas tu te verras passer.

Парижъ, Іюня. . .

Госпожа Гло' сказала мнѣ: «Послѣ-завтра «будетъ у насъ *чтеніе*. Аббатъ Д* привезетъ «*мысли о любви*, сочиненіе сестры его, Мар«кизы Д*. C'est plein de profondeur, à ce qu'on dit. «Авторъ также будетъ у меня, но только «*инкогнито*. Естьли хотите узнать остроуміе «и глубокомысліе здѣшнихъ дамъ, то прихо«дите.» — Какъ не притти? Я пожертвовалъ спектаклемъ, и въ 8 часовъ явился. Хо-

зяйка сидѣла на Вольтеровскихъ креслахъ; вокругъ ее пять или шесть Кавалеровъ вели шумной разговоръ; на софѣ два Аббата занимали своею любезностію трехъ Дамъ; по угламъ комнаты было еще разсѣяно нѣсколько *группъ*, такъ что общество состояло изъ 25 или 30 человѣкъ. Въ 9 часовъ хозяйка вызвала Аббата Д* на сцену. Всѣ окружили софу. Чтецъ вынулъ изъ кармана розовую тетрадку, сказалъ что-то забавное и началъ. . . . Жаль, что я не могу отъ слова до слова пересказать вамъ мыслей Автора! Однакожь можете судить о достоинствахъ и тонѣ сочиненія по слѣдующимъ отрывкамъ, которые остались у меня въ памяти:

«Любовь есть *кризисъ*, рѣшительная мину-
«та жизни, съ трепетомъ ожидаемая серд-
«цемъ. Занавѣсъ поднимается. . . *Онъ*! *она*!
«восклицаетъ сердце, и теряетъ личность
«бытія своего. Таинственный Рокъ бросаетъ
«жребій въ урну: ты блаженъ! ты погибъ!»

«Все можно описать въ мірѣ, все, кромѣ
«страстной, героической любви: она есть сим-
«волъ неба, которой на землѣ не изъясняется.
«Передъ нею исчезаетъ всякое величіе. Цесарь
«малодушенъ, Регулъ слабъ . . . въ сравненіи
«съ истиннымъ любовникомъ, который выше
«дѣйствія стихій, внѣ сферы мірскихъ жела-
«ній, гдѣ обыкновенныя души, какъ пылинки
«въ вихрѣ, носятся и вертятся. Дерзко на-
«звать его полубогомъ — мы не язычники —
«но онъ не человѣкъ. Зороастръ изображаетъ

«Бога въ пламени; пламя добродѣтельной, ге-
«роической любви достойнѣе всего окружать
«тронъ Всевышняго.»

«Монтань говоритъ: *другъ мнѣ милъ для
«того, что онъ онъ; я милъ ему для того, что
«я я.* Монтань говоритъ о любовникахъ —
«или слова его не имѣютъ смысла.»

«Прелести никогда не бываютъ основаніемъ
«страсти; она раждается внезапно отъ соотя-
«занія двухъ нѣжныхъ душъ въ одномъ взорѣ,
«въ одномъ словѣ; она есть не что иное, какъ
«симпатія, соединенія двухъ половинъ, кото-
«рыя въ разлукѣ томились.»

«Только одинъ разъ сгараютъ вещи; толь-
«ко одинъ разъ любитъ сердце.»

«Въ жизни чувствительныхъ бываютъ три
«эпохи: *ожиданіе, забвеніе, воспоминаніе.* Забве-
«ніемъ называю *восторгъ любви,* который не
«можетъ быть продолжителенъ, для того,
«что мы не боги, и земля не Олимпъ. Любовь
«оставляетъ по себѣ милое *воспоминаніе,* ко-
«торое уже не есть *любовь;* но мы, кажется,
«все еще любимъ человѣка, для того что нѣ-
«когда обожали его. Намъ пріятно то мѣсто,
«гдѣ что нибудь пріятное съ нами случилось.»

«Человѣкъ, любящій славу, знатность, бо-
«гатство, подобенъ тому, кто за неимѣніемъ
«Новой Элоизы читаетъ романъ дѣвицы Скю-
«дери; за неимѣніемъ, говорю, или по дурно-
«му вкусу. На дикомъ Пароскомъ мраморѣ на-
«ростаетъ иногда довольно пріятная зелень;
«но можно ли сравнить ее съ видомъ того

«мрамора, который представляетъ Фидіасову «Венеру? Вотъ его истинное *опредѣленіе* «(destination), подобно какъ опредѣленіе сердца «есть любовь.»

«Одинъ великій музыкантъ сказалъ, что «блаженство небесной жизни должно состо- «ять въ *гармоніи*; нѣжныя души увѣрены, «что оно будетъ состоять въ любви.»

«Я не знаю, есть ли атеисты; но знаю, «что любовники не могутъ быть атеистами. «Взоръ съ милаго предмета невольно обращает- «ся на небо. Кто любилъ, тотъ понимаетъ «меня.»

Слушатели при всякой фразѣ говорили: *бра-во!* c'est beau. c'est ingenieux. sublime; а я думалъ: *хорошо, изрядно, высокопарно, темно, и совсѣмъ не женской языкъ*! Глаза мои искали Автора. Черноволосая Дама, лѣтъ въ 50, сидѣла всѣхъ далѣе отъ Аббата, не слушала, развертывала книги, ноты на клавесинѣ: не трудно было угадать въ ней сочинительницу. Хозяйка сказала: «я не знаю Автора, а хотѣла бы поцѣ- «ловать его» — сказала, и съ великою нѣж- ностію обняла Маркизу Л. Всѣ захлопали. Черезъ минуту поставили два стола; три Дамы и пять Кавалеровъ сѣли играть въ карты; а другіе, сидя и стоя, слушали Аббата Д. который съ великою строгостію судилъ главныхъ Французскихъ Авторовъ. «Воль- «теръ (говорилъ онъ) писалъ единственно для «своего времени, искуснѣе всѣхъ другихъ поль- «зовался настоящимъ расположеніемъ умовъ;

«но достоинство его съ перемѣною обстоя-«тельствъ необходимо должно теряться. Бу-«дучи жаденъ къ минутной славѣ, онъ боялся «отдѣлиться разумомъ отъ современниковъ, «боялся далеко опередить ихъ, чтобы не сдѣ-«латься темнымъ, невразумительнымъ; хо-«тѣлъ за каждую строку *немедленнаго* награж-«денія, и для того искалъ единственно луч-«шаго выраженія, лучшаго оборота для идей «обыкновенныхъ; бралъ изъ чужихъ магази-«новъ, работалъ *начисто*, не занимаясь изо-«брѣтеніемъ, не думая о собраніи новыхъ мате-«ріаловъ. Онъ былъ совершенный Эпикуреецъ «въ умѣ, не мыслилъ о потомствѣ, не вѣрилъ «безсмертію славы; не сажалъ кедровъ, а сѣ-«ялъ одни цвѣты, изъ которыхъ уже многіе «завяли въ глазахъ нашихъ — а мы еще со-«временники Вольтеровы! Что же будетъ че-«резъ сто лѣтъ? Насмѣшки его надъ разными «суевѣрными мнѣніями, надъ разными философ-«скими системами, могутъ ли производить «сильное дѣйствіе тогда, когда мнѣнія и систе-«мы перемѣнятся?» А его трагедіи? сказалъ я. «— Онѣ въ *совершенствѣ* уступаютъ Расино-«вымъ, отвѣчалъ Аббатъ: въ слогѣ ихъ нѣтъ «чистоты, плавности, сладкаго краснорѣчія «творца Федры и Андромахи; но много смѣ-«лыхъ идей, которыя теперь уже не кажут-«ся смѣлыми; много такъ называемой Фило-«софіи, которая не принадлежитъ къ суще-«ству Драмы, а нравится партеру; много «вкуса, а мало истинной чувствительности.»—

Какъ! въ Заиръ мало чувствительности? — «Да, я берусь доказать, что въ Заиръ нѣтъ «ни одной нѣжной мысли, которой бы не на-«шлось въ самомъ обыкновенномъ романѣ. До-«стоинство Вольтерово состоитъ въ одномъ «выраженіи; но никогда не найдете въ немъ «жаркихъ изліяній чувства, сильныхъ стре-«мленій сердца, de grands, de beaux élans de sen-«sibilité, какъ на примѣръ въ Федрѣ.» — И такъ Расинъ великой Трагикъ по вашему мнѣ-нію? — «Великій Писатель, Стихотворецъ, «а не Трагикъ. Нѣжная душа его никогда не «могла принять въ себя трагическаго ужаса. «Онъ писалъ драматическія Элегіи, а не Траге-«діи; но въ нихъ много чувства, слогъ несравнен-«ный, краснорѣчіе живое, отъ полноты сердца; «его можно назвать *совершеннымъ*, и *до конца* «*вселенной* самою лучшею похвалою Французскихъ «стиховъ будетъ: *они похожи на Расиновы*! Но «имѣя даръ *пѣнить* нѣжное чувство, совсѣмъ «не имѣлъ онъ таланта изображать *ужасное* или «*героическое*. Расинъ не представилъ на сценѣ «ни одного сильнаго характера; въ трагедіяхъ «его слышимъ великія имена, а не видимъ ни «одного великаго человѣка, какъ на примѣръ въ «Корнелѣ.» — И такъ вы отдаете вѣнецъ Корнелю? — «Онъ достоинъ былъ родиться «Римляниномъ, изображалъ великое, какъ *свое* «*собственное*; Герои его дѣйствительно Ге-«рои; но сильный слогъ его часто слабѣетъ, «унижается, оскорбляетъ вкусъ; а нѣжности «Корнелевы почти всегда несносны.» — Чтожь

вы скажете о Кребильйонѣ? — «То, что онъ «ужаснѣе всѣхъ нашихъ Трагиковъ. Какъ Вольтеръ нравится, Расинъ плѣняетъ, Корнель «возвеличиваетъ душу: такъ Кребильйонъ пугаетъ воображеніе; но варварскій слогъ его «не достоинъ Мельпомены и нашего времени. «Корнель не имѣлъ для себя образцевъ въ слогѣ, но часто служитъ самъ образцемъ: Кребильйонъ же имѣлъ дерзость послѣ Расина «писать грубыми, дикими стихами, и доказалъ, что у него не было ни слуха, ни чувства для красотъ Стихотворства. Иногда «проскакиваютъ въ его Трагедіяхъ хорошіе «стихи, но какъ будто бы не нарочно, безъ «его вѣдома и согласія.»

Какой страшный Аристархъ! думалъ я: хорошо, что у насъ въ Россіи нѣтъ такихъ грозныхъ Критиковъ.

Мы сѣли ужинать въ 11 часовъ. Всѣ говорили, но въ памяти у меня ничего не осталось. Французскіе разговоры можно назвать бѣглымъ огнемъ: такъ быстро летятъ слова одно за другимъ, и вниманіе едва успѣваетъ слѣдовать за ними.

═

Парижъ, Іюня. . . .

Я получилъ отъ Госпожи Н* слѣдующую записку: «Сестра моя, Графиня Д*, которую вы «у меня видѣли, желаетъ имѣть подробное «свѣдѣніе о вашемъ отечествѣ. Нынѣшнія об«стоятельства Франціи таковы, что всякой «изъ насъ долженъ готовить себѣ убѣжище «гдѣ нибудь въ другой землѣ. Прошу отвѣ«чать на прилагаемые вопросы: чѣмъ меня «обяжете.» Я развернулъ большой листъ, на которомъ подъ вопросами оставлено было мѣсто для отвѣтовъ. Вотъ нѣчто для примѣра — разсмѣйтесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжнымъ здоровьемъ сносить жестокость вашего климата?

Отвѣтъ. Въ Россіи терпятъ отъ холода менѣе, нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ комнатахъ, въ теплыхъ шубахъ, мы смѣемся надъ трескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Генварѣ, когда во Франціи небо мрачное и дождь льется рѣкою, красавицы наши, при яркомъ свѣтѣ солнца катаются въ саняхъ по снѣжнымъ брилліантамъ, и розы цвѣтутъ на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года Россіянки не бываютъ столь прелестны, какъ зимою: дѣйствіе холода свѣжитъ ихъ лица, и всякая, входя съ надворья въ комнату, кажется Флорою.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ четыре; но нигдѣ весна не

имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны, и звонкой голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ Океана, радостно восклицаетъ: *земля*! Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и Зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи. Въ вашихъ климатахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣтнымъ образомъ: у насъ мгновенно слетаетъ съ неба, и глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ея быстрыми дѣйствіями. Ваша Природа кажется изнуренною, слабою: наша имѣетъ всю пламенную живость юности; едва пробуждаясь отъ зимняго сна, является во всемъ блескѣ красоты своей; и что у васъ зрѣетъ нѣсколько недѣль, то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго растительнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣта: у насъ зелены до самой зимы. Въ ясные осенніе дни мы наслаж-

даемся Природою какъ другомъ, съ которымъ намъ должно разставаться на долгое время — и тѣмъ живѣе бываетъ наше удовольствіе. Наступаетъ зима — и сельской житель спѣшитъ въ городъ пользоваться обществомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣетъ ваша общественная жизнь?

Отвѣтъ. Всѣ тѣ, которыми вы наслаждаетесь: спектакли, балы, ужины, карты и любезность вашего пола.

Вопросъ. Любятъ ли иностранцевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ принимаютъ?

Отвѣтъ. Гостепріимство есть добродѣтель Русскихъ. Мы же благодарны иностранцамъ за просвѣщеніе, за множество умныхъ идей и пріятныхъ чувствъ, которые были неизвѣстны предкамъ нашимъ до связи съ другими Европейскими землями. Осыпая гостей ласками, мы любимъ имъ доказывать, что ученики едва ли уступаютъ учителямъ въ искусствѣ жить и съ людьми обходиться.

Вопросъ. Уважаете ли вы женщинъ?

Отвѣтъ. У насъ женщина на тронѣ. Слава и любовь, лавръ и роза, есть девизъ нашихъ рыцарей.

Угадайте, какой вопросъ теперь слѣдуетъ?... *Много ли дичи въ Россіи?* «спрашиваетъ мужъ мой (прибавляетъ Графиня), страстный охотникъ стрѣлять.»

Я отвѣчалъ такъ, что провинціальный Графъ долженъ закричать: *ружье! лошадей! въ Россію!*

Однимъ словомъ, естьли и мужъ и жена теперь не прискачутъ къ вамъ въ Москву, то не моя вина!

Парижъ, Іюня. . .

Наконецъ я рѣшился отказаться на нѣсколько времени отъ Спектаклей, чтобы осмотрѣть любопытныя Парижскія окрестности. Съ чего начать? Безъ всякаго сомнѣнія съ Версаліи.

Въ 9 часовъ утра нашъ Посольской священникъ, Г. К*, Руской Армянинъ съ великимъ талантомъ, и я пришли на берегъ Сены; сѣли на гальйотъ и поплыли мимо Елисейскихъ полей, Булонскаго лѣса, многихъ прелестныхъ загородныхъ домовъ и садовъ. На лѣвой сторонѣ возвышается замокъ Мёдонъ съ великолѣпною своею террасою (длиною во 150 саженъ) и съ густымъ паркомъ. Онъ принадлежалъ откупщику Сервіеню, Министру Лувуа, Лудовику XIV и Дофину, который умеръ тамъ оспою въ 1711 году. Въ мѣстечкѣ Мёдонѣ жилъ нѣкогда Франциск Рабле, Авторъ романовъ Гаргантюа и Пантагрюель, наполненныхъ остроумными замыслами, гадкими описаніями, темными аллегоріями и нелѣпостію. Шестой-надесять вѣкъ удивлялся его

знаніямъ, уму, шутовству. Бывъ нѣсколько времени худымъ монахомъ. Рабле сдѣлался хорошимъ Докторомъ, выпросилъ у Папы *отпускную,* и прославилъ Монпельерской Университетъ своими лекціями *; ѣздилъ въ Римъ пошутить надъ туфлемъ своего благодѣтеля, взялъ на себя должность приходскаго священника въ Мёдонѣ, усердно врачевалъ тѣло и душу своей паствы, и писалъ романы, въ которыхъ простосердечный Лафонтенъ находилъ болѣе ума, нежели въ философскихъ трактатахъ, и которые безъ всякаго сомнѣнія подали Стерну мысль сочинить Тристрама Шанди. Рабле жилъ и умеръ шутя. За нѣсколько минутъ до смерти своей сказалъ онъ: «занавѣсъ опускается, комедія вся. Je vais chercher un grand peutêtre» Духовная его состояла въ слѣдующихъ словахъ: *ничего не имѣю; много долженъ; остальное бѣднымъ.* — Въ деревенькѣ Севѣ, извѣстной въ цѣломъ свѣтѣ по своей фарфоровой фабрикѣ (съ которою ни Саксонская, ни Берлинская не можетъ сравняться въ чистотѣ и въ живописи), мы позавтракали въ кофейномъ домѣ и отправились въ Версалію пѣшкомъ; видѣли на обѣихъ сторонахъ дороги прекрасные домы, сады, трактиры, и нечувствительно вошли въ Версаль-

* Такъ что по сіе время, въ память ему, на всякаго новопринимаемаго Доктора въ Монпельье надѣваютъ Раблееву мантію, которая не рѣдко напоминаетъ басню *осла во львиной кожѣ.*

скія аллеи, avenues de Versailles, гдѣ открылся намъ дворецъ. . .

Лудовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать чудо; велѣлъ — и среди пустыни, дикой, песчаной, явились Темпейскія долины и дворецъ, которому въ Европѣ нѣтъ подобнаго великолѣпіемъ.

Три двойныя аллеи, одна изъ Парижа, другая изъ Со, третья изъ Сенъ-Клу, сходятся на площади, называемой Place d'armes, гдѣ возвышаются два огромныя зданія. Радуйтесь, если вы любите лошадей: это конюшни. Впереди прекрасная желѣзная рѣшетка; а по концамъ двѣ групы, которыя изображаютъ побѣды Франціи надъ Гишпаніею и Нѣмецкою Имперіею. Новая пристройка съ лѣвой стороны, для Королевской гвардіи, имѣетъ видъ палатокъ: хорошо само по себѣ, но разрушаетъ общую симметрію. За площадью передній дворъ (avant-cour) или дворъ Министровъ; у воротъ стоятъ двѣ групы, представляющія Изобиліе и Миръ, два главные предмета дѣлъ Министерскихъ. Прежде всего пошли мы въ придворную церковь, о которой Вольтеръ упоминаетъ въ описаніи Храма Вкуса:

Il n'a rien des défauts pompeux
De la chapelle de Versaille,
Ce colifichet fastueux
Qui du peuple éblouit les yeux,
Et dont le connoisseur se raille.

Однакожь многіе знатоки не такъ думаютъ, и вопреки Фернейскому насмѣшнику находятъ

зданіе достойнымъ похвалы, какъ въ гармоніи цѣлаго, такъ и въ частныхъ украшеніяхъ. Въ церкви служили обѣдню, но никого не было, кромѣ монаховъ. Рѣзная работа и живопись прекрасны; вездѣ богатство, разсыпанное съ блескомъ и со вкусомъ. Между многими хорошими картинами замѣтилъ я Жувенетову, на которой изображенъ Св. Лудовикъ, Герой и Христіянинъ: побѣдивъ невѣрныхъ въ Египтѣ, онъ печется о раненыхъ и служитъ имъ. На одномъ изъ олтарей показываютъ, какъ великую драгоцѣнность, Распятіе изъ слоновой кости, вышиною въ 4 фута: даръ Августа II, Короля Польскаго. Изъ церкви пошли мы въ *Геркулесову залу*, которая огромна своимъ пространствомъ и великолѣпна украшеніемъ. Тутъ возвышается 20 мраморныхъ Коринѳическихъ пиластровъ, съ ярко-вызолоченными капителями и базами; но главная красота залы есть плафонъ, расписанный на полотнѣ масляными красками живописцемъ Лемуаномъ, и представляющій Геркулесово *боготвореніе* (апоѳеозу): самая величайшая картина въ свѣтѣ! Расположеніе, фигуры, выразительность, служатъ доказательствомъ Лемуанова Генія. Самые лучшіе живописцы ему удивляются. Тутъ же стоятъ двѣ славныя Веронезовы картины: Спаситель и Ревекка. Первая была собственностію Сервитскихъ монаховъ въ Венеціи, которые ни за что не хотѣли продать ее Лудовику XIV; но Сенатъ, узнавъ желаніе Ко-

роля, отнялъ у монаховъ картину и подарилъ ему. Даже и рамы достойны того, чтобы посмотрѣть на нихъ нѣсколько минутъ: прекрасная рѣзьба! — Залы *Изобилія*, *Венерина*, *Діанина*, *Марсова*, также всего болѣе достойны вниманія по своимъ живописнымъ плафонамъ. Во второй замѣтилъ я древнюю статую земледѣльца и Диктатора Цинцинната; въ третьей бюстъ Лудовика XIV; а въ четвертой удивлялись мы Лебрюневой *Даріевой фамиліи*, признанной всѣми знатоками за лучшую изъ картинъ его. Онъ писалъ ее въ Фонтенебло; Король всякой день ходилъ смотрѣть его работу и восхищался ею — что имѣло вліяніе на кисть художника. Разсказываютъ, что одинъ Италіянскій Прелатъ не могъ отъ зависти видѣть этой картины, и всегда, будучи во дворцѣ, проходилъ мимо ее зажмуривъ глаза. Подлѣ Лебрюневой стоитъ Веронезова картина, *Странники*, на которой живописецъ изобразилъ все свое семейство. Въ *Меркуріевой залѣ* были прежде двѣ Рафаэлевы картины: Архангелъ Михаилъ и *Святая фамилія*; но ихъ, къ нашему сожалѣнію, за чѣмъ-то сняли. Тутъ съ любопытствомъ разсматривали мы часы, сдѣланные въ началѣ нынѣшняго вѣка Мораномъ, который, подобно нашему Кулибину, никогда не бывалъ часовщикомъ. Всякой часъ два пѣтуха поютъ махая крыльями; въ ту же секунду выходятъ изъ маленькой дверцы двѣ бронзовыя фигуры съ тимпаномъ, по которому два Амура бьютъ всякую

четверть стальнымъ молоточкомъ; въ серединѣ декораціи является статуя Лудовика XIV, а сверху на облакѣ спускается богиня побѣдъ и держитъ корону надъ его головою: внутри играетъ музыка — и наконецъ вдругъ все исчезаетъ. — Въ Тронной, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, стоитъ престолъ. «Вотъ «первый тронъ въ свѣтѣ!» сказалъ человѣкъ, который водилъ насъ по дворцу: *былъ*, разу«мѣю; но есть-ли Богъ не оставилъ Францу«зовъ, то солнце Лудовика XIV опять возсія«етъ здѣсь во всей лучезарности!» — Черезъ *залу войны*, Salon de la Guerre, гдѣ кисть Лебрюнева вездѣ изобразила побѣды Франціи, вошли мы въ галлерею, которая не даромъ названа большою: она длиною въ 37 сажень, шириною 8. Противъ оконъ сдѣланы зеркальныя аркады, въ которыхъ самымъ прелестнымъ образомъ изображается садъ, зелень, игра водъ. На плафонѣ представлена Лебрюномъ, въ 27 аллегорическихъ картинахъ, Исторія Лудовика въ первыя семь лѣтъ его царствованія. Четыре мраморныя колонны съ осмью пиластрами окружаютъ входъ съ обѣихъ сторонъ галлереи; между пиластрами, на мраморныхъ подножіяхъ, стоятъ древнія статуи: Бахусъ, Венера (найденная въ городѣ Арлѣ), Весталка и Муза Уранія: а въ серединѣ, въ четырехъ нишахъ, Германикъ, изваянный славнымъ Аѳинскимъ художникомъ Алькаменомъ; двѣ Венеры и Діана. — Въ *залѣ мира* живопись представляетъ Францію, сидящую на лазоре-

вомъ шаръ; Слава вѣнчаетъ ее; Амуры и Миръ соединяютъ голубей. На другой картинѣ Людовикъ подаетъ масличную вѣтвь Европѣ. — Изъ *мирной залы* входъ въ Королевины комнаты.... Я вспомнилъ 4 Октября, ту ужасную ночь, въ которую прекрасная Марія, слыша у дверей своихъ грозный крикъ Парижскихъ варваровъ и стукъ оружія, спѣшила неодѣтая, съ распущенными волосами, укрыться въ объятіяхъ супруга отъ злобы тигровъ... Не скоро могъ я обратить глаза на украшеніе и живопись комнатъ. Тутъ всѣ картины представляютъ славу и торжество женщинъ. Клеопатра подлѣ Антонія, готоваго броситься къ ногамъ ея; Царица Родопа смотритъ на пирамиду, сооруженную красотѣ ея; безсмертная Сафо играетъ на лирѣ; Аспазія говоритъ съ Аѳинскими мудрецами; Пенелопа распускаетъ коверъ; невинныя дѣвы приносятъ Юпитеру жертву на горѣ Идѣ — и славнѣйшія Царицы древности. — Въ Королевскихъ внутреннихъ комнатахъ замѣтили мы Рафаэлева Іоанна, нѣсколько Веронезовыхъ, Бассановыхъ картинъ, портреты Катерины Валуа, Маріи Медицисъ, Франциска I (Рубенсовой, Вандиковой, Тиціановой кисти), два древніе бюста, Сципіона Африканскаго (бронзовой съ серебряными глазами) и Александра великаго, порфировый; большіе астрономическіе часы, которые бьютъ секунды, показываютъ мѣсяцъ, число, день недѣли, дѣйствіе холода и тепла на металлы, и круговращеніе планетъ съ такою

вѣрностію, что во сто лѣтъ не могутъ сдѣлать ни малѣйшей розницы съ астрономическими таблицами. Лудовикъ XIV спалъ на высокой постелѣ, съ которой онъ видѣлъ, сквозь прямую аллею, весь Парижъ передъ собою. Въ маленькихъ комнатахъ, подлѣ Королевскаго кабинета, хранятся драгоцѣнные гравированные, древніе и новые камни; между ими всего любопытнѣе такъ называемая *печать Микеля Анджела*, на которой изображено собираніе винограда. — Осмотрѣвъ театръ, достойный называться Королевскимъ, пошли мы искать обѣда.

Версалія безъ Двора какъ тѣло безъ души; осиротѣла, уныла. Гдѣ прежде всякую минуту стучали кареты, тѣснился народъ, тамъ нынѣ едва встрѣтится человѣкъ: мертвая тишина и скука! Всякой житель казался мнѣ печальнымъ. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ заставили насъ два часа ждать обѣда. Хозяйка въ оправданіе свое говорила: «Что дѣлать? «Худыя времена, государи мои! нещастныя «времена! Всѣ теряютъ! и вы потеряете!»

Утоливъ съ нуждою голодъ свой, торопились мы видѣть сады и паркъ, которые въ окружности составляютъ верстъ пятьдесятъ.

Ничто не можетъ сравняться съ великолѣпнымъ видомъ дворца изъ саду; фасада его, вмѣстѣ съ флигелями, простирается на 500 саженъ. Тутъ разсѣяны всѣ красоты, всѣ богатства архитектуры и ваянія. Никто изъ

Царей земныхъ, ни самый роскошный Соломонъ не имѣлъ такого жилища. Надобно видѣть: описать не возможно. Исчислять колонны, статуи, вазы, трофеи, не есть описывать. Огромность, совершенная гармонія частей, дѣйствіе цѣлаго: вотъ чего и самому живописцу не льзя изобразить кистію!

Пойдемъ въ сады, твореніе Ленотра, котораго смѣлый Геній вездѣ сажалъ на тронъ гордое Искусство, а смиренную Натуру, какъ бѣдную невольницу, повергалъ къ ногамъ его.

> Къ великолѣпію Цари осуждены;
> Мы требуемъ отъ нихъ огромности блестящей,
> Во изумленіе нашъ разумъ приводящей;
> Какъ солнцемъ его быть хотимъ ослѣплены.

И такъ не ищите Природы въ садахъ Версальскихъ; но здѣсь на всякомъ шагу Искусство плѣняетъ взоры; здѣсь царство кристальныхъ водъ, богини Скульптуры и Флоры, Партеры, цвѣтники, пруды, фонтаны, бассейны, лѣсочки, и между ими безчисленное множество статуй, группъ, вазъ, одна другой лучше, не привлекаютъ, а развлекаютъ вниманіе, такъ что вы не знаете, на что смотрѣть. Вотъ точно дѣйствіе, которое хотѣли произвести великій Царь и великій художникъ! Послѣдній безъ сомнѣнія не думалъ, чтобы любопытные зрители разбирали всякую красоту въ особенности: сколько времени надобно для такого дѣла? Мало и года!

Нѣтъ, онъ воображалъ, что зритель, окинувъ глазами часть неисмѣтныхъ богатствъ, и воскликнувъ въ первую минуту: *великолѣпно*! умолкнетъ отъ изумленія, и не посмѣетъ болѣе хвалить. Я то и сдѣлалъ; въ чувствѣ моего ничтожества передвигалъ ноги; переносилъ взоры отъ предмета къ предмету, находилъ все совершеннымъ, и смиренно удивлялся. Лудовикъ XIV съ Ленотромъ запечатали мнѣ воображеніе, которое не можетъ тутъ ничего придумать, ничего представить иначе. Къ славѣ художника вспомнилъ я Тассово описаніе Армидиныхъ садовъ: какъ оно бѣдно въ сравненіи съ Версальскимъ! Тамъ эстампъ, здѣсь картина. А сколько разъ было сказано, что Художество не угоняется за Поэзіею? въ изображеніи *сердца для сердца*, конечно; но во всемъ *картинномъ для глазъ* Поэтъ ученикъ Артиста, и долженъ трепетать, когда художникъ беретъ въ руки его сочиненіе.

Въ 1775 году Версальскій садъ претерпѣлъ страшное опустошеніе: безжалостная сѣкира подрубила всѣ густыя, высокія дерева, для того (говорятъ), что они начинали старѣться, и походили не на лѣсочки, а на лѣсъ. Стихотворецъ въ такихъ случаяхъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и Делиль въ гармоническихъ стихахъ изъявляетъ свое негодованіе:

O Versailles, ô regrets, ô bosquets ravissans,
Chef-d'oeuvre d'un grand Roi, de Lenotre et du tems!
La hache est à vos pieds, et votre heure est venue!

«Исчезли, продолжаетъ онъ, исчезли вѣт-«вистые старцы, которыхъ величественныя «главы осѣняли священную главу Царя вели-«каго! Увы! гдѣ прекрасныя рощи, въ кото-«рыхъ веселились Граціи? . . . Амуръ! Амуръ! «гдѣ прелестныя сѣни, въ которыхъ нѣжно «томилась гордая Монтеспанъ, и гдѣ милая, «чувствительная Лавальеръ не нарочно от-«крыла тайну своего сердца щастливому лю-«бовнику? Все исчезло, и пернатые Орфеи, «устрашенные стукомъ разрушенія, съ горе-«стію летятъ изъ мирной обители, гдѣ «столько лѣтъ *въ присутствіи Царей* пѣли «они любовь свою! Боги, которыми ваятель-«ное художество населило сіи тѣнистые хра-«мы; боги, вдругъ лишенные зеленаго покрова, «тоскуютъ, и самая Венера въ первый разъ «устыдилась наготы своей! . . . Растите, осѣ-«няйтесь, юныя дерева; возвратите намъ «птичекъ» . . .

Юныя дерева послушались стихотворца, разрослись, осѣнились — Венера не стыдится уже наготы своей — птички возвратились изъ горестной ссылки, и снова поютъ любовь; но, ахъ! не въ *присутствіи Царей*! Никто не слушаетъ теперь ихъ пѣсенъ, кромѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ иностранцевъ, приходящихъ иногда видѣть садъ Версальскій!

Одно названіе статуй, которыми украшаются партеры, фонтаны, лѣсочки, аллеи, заняло бы нѣсколько страницъ; тутъ собраны лучшія произведенія тридцати лучшихъ вая-

телей. Упомяну только о древнемъ, колоссальномъ Юпитерѣ славнаго Греческаго художника Мирона, сдѣланномъ изъ Пароскаго мрамора. Маркъ-Антоній нашелъ его въ Самосѣ; Августъ поставилъ въ Капитоліи; Германикъ, Траянъ, Маркъ-Аврелій, приносили ему жертвы. Маргарита, Герцогиня Комаринская, подарила его Министру Карла V, Гранвелю, который украсилъ имъ Безансонской садъ свой. Наконецъ, по волѣ Лудовика XIV, Самосской колоссальной Юпитеръ шагнулъ въ Версалію. Я поклонился въ немъ не богу, а глубокой древности, и смотрѣлъ на него съ особеннымъ удовольствіемъ. Время и странствія лишили его ногъ; художникъ Друильи придѣлалъ ихъ; но мнѣ казалось, что древній Зевсъ не твердо стоитъ на новыхъ ногахъ.

Въ большомъ звѣринцѣ, въ красивыхъ павильонахъ, за желѣзными рѣшетками видѣлъ я множество звѣрей: львовъ, тигровъ, барсовъ и (что всего любопытнѣе) славнаго риноцероса, или носорога. Онъ менѣе слона, но гораздо болѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Страшно смотрѣть на него и въ клѣткѣ: каково же встрѣтиться съ нимъ въ пустынѣ Африканской? Впрочемъ звѣри имѣютъ причину не любить насъ. Чего мы съ ними не дѣлаемъ? Маленькая двуногая тварь садится верхомъ на огромнаго слона, стучитъ ему молоткомъ въ голову, и правитъ имъ какъ овечкою; величественнаго льва какъ суслика запираетъ въ клѣтку; оковавъ яростнаго тигра, драз-

нитъ его палкою и смѣется надъ его злобою; беретъ за рогъ носорога, и ведетъ изъ Еѳіопіи въ Версаліо. Многихъ живописныхъ называютъ хитрыми; но что ихъ хитрость противъ нашей?

Лудовикъ XIV хотя чрезмѣрно любилъ пышность, однакожь иногда скучалъ ею, и въ такомъ случаѣ изъ огромнаго дворца переселялся на нѣсколько дней въ Тріанонъ, небольшой увеселительной домъ, построенный въ Версальскомъ паркѣ, въ одинъ этажъ, украшенный живописью, убранный со вкусомъ, и довольно просто. Передъ домомъ цвѣтники, бассейны, мраморныя группы.

Но мы спѣшили видѣть *маленькой Тріанонъ*, о которомъ говоритъ Делиль:

Semblable à son auguste et jeune Déité,
Trianon joint la grace avec la majesté.

Пріятные лѣсочки съ Англійскими цвѣтниками окружаютъ уединенный домикъ, Любезностію посвященный Любезности и тихимъ удовольствіямъ избраннаго общества. Тутъ не Королева, а только прекрасная Марія, какъ милая хозяйка, угощала друзей своихъ; тутъ, въ низенькой галлереѣ, закрываемой отъ глазъ густою зеленью, бывали самые пріятнѣйшіе ужины, концерты, пляски Грацій. Софы и кресла обиты собственною работою Маріи Антуанеты; розы, ею вышитыя, казались мнѣ прелестнѣе всѣхъ розъ Натуры. Садъ

Тріанона есть совершенство садовъ Англійскихъ; нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ пріятный безпорядокъ, простота и красоты сельскія. Вездѣ свободно играютъ воды, и цвѣтущіе берега ихъ ждутъ, кажется, пастушки. Прелестный островокъ является взору: тамъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ Любви; тамъ искусный рѣзецъ Бушардоновъ изобразилъ Амура во всей его любезности. Нѣжный богъ ласковымъ взоромъ своимъ привѣтствуетъ входящихъ; въ чертахъ лица его не видно опасной хитрости, коварнаго лукавства. Художникъ представилъ любовь невинную и щастливую. — Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанныя поля, луга, стада, хижинки, дикой гротъ. Послѣ великолѣпныхъ, утомительныхъ предметовъ Искусства нахожу Природу; снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно; наслаждаюсь тихимъ вечеромъ; радуюсь заходящимъ солнцемъ. . . Мнѣ хотѣлось бы остановить, удержать его на лазурномъ сводѣ, чтобы долѣе быть въ прелестномъ Тріанонѣ. Ночь наступаетъ. . . . Простите, мѣста любезныя! — Возвращаюсь въ Парижъ, бросаюсь на постелю и говорю самому себѣ: «я не видалъ ничего великолѣпнѣе «Версальскаго дворца съ паркомъ, и милѣе «Тріанона съ его сельскими красотами!»

Парижъ, Іюня. . . .

Я былъ нынѣшній день у Вальяна, славнаго Африканскаго путешественника; не засталъ хозяина дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ, и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщиною, и до крайности говорливою. Вальянъ хотѣлъ съ Мыса Доброй Надежды пробраться через пустыни Африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчаныя степи, гдѣ вся Природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романическаго странствія, въ которомъ Авторъ изображаетъ себя маленькимъ Тезеемъ, сражается съ чудовищами, и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія дамы говорятъ: il est vaillant, ce Monsieur de Vaillant! Желая быть вторымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранитъ просвѣщеніе, хвалитъ дикихъ, находитъ въ Кафріи милую для своего сердца, привлекательную Нерину; гоняется за нею какъ Аполлонъ за Дафною, прячетъ ея передникъ, когда она въ рѣкѣ купается; не можетъ нарадоваться невинностію смуглой красавицы; клянется самому себѣ не употреблять ее во зло, и хранитъ клятву. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣриныхъ кожъ, нертаныхъ чучелъ, Готтентотскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ томовъ. Слогъ его чистъ, вырази-

тель, иногда живописецъ; и Госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ, что въ послѣднія 15 лѣтъ Французская Литтература произвела только двѣ книги для безсмертія: Анахарсиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, сказалъ я: но читая его, удивляюсь, какъ можно оставить милое семейство, отечество, всѣ пріятныя удобности Европейской жизни, и скитаться за океаномъ по неизвѣстнымъ степямъ, чтобы вѣрнѣе другихъ описать какую нибудь птичку. Теперь, видя *васъ*, еще болѣе удивляюсь. — «Видя меня?» — Имѣть такую любезную супругу, и добровольно съ нею разстаться! — «Государь мой! любопытство имѣетъ своихъ мучениковъ. Мы женщины созданы для неподвижности; а вы всѣ Калмыки — любите скитаться, искать Богъ знаетъ чего, и не думать о нашемъ безпокойствѣ.» — Я старался увѣрить Госпожу Вальянъ, что у насъ въ Россіи мужья гораздо нѣжнѣе, не любятъ разставаться съ женами, и твердятъ пословицу: *Домъ, Домъ, а лучше всего домъ!* — Она дозволила мнѣ притти къ ней въ другой разъ, чтобы познакомиться съ ея мужемъ, который опять собирается ѣхать въ Африку!

═

Деревня Отель, Іюня. . . .

Я пришелъ сюда для того, чтобы видѣть домъ, въ которомъ Буало писалъ сатиры свои, веселился съ друзьями, и гдѣ Мольеръ спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ Французскихъ Писателей тогдашняго времени. Помните ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ, Расинъ, Лафонтенъ, Шапель, Молеръ, ужинали, пили, смѣялись, и наконецъ вздумали *Гераклитствовать*, оплакивать житейскія горести, проклинать судьбу, находя, по словамъ одного Греческаго Софиста, что первое щастіе есть. . . не родиться, а второе умереть какъ можно скорѣе. Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ своимъ броситься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣти Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, летѣть въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не вставалъ съ мѣста, и сказалъ имъ: «друзья! намѣреніе ваше похвально; но теперь «ночь: никто не увидитъ героическаго конца «Поэтовъ. Дождемся Феба, отца нашего; и «тогда весь Парижъ будетъ свидѣтелемъ «славной смерти дѣтей его!» Такая щастливая мысль всѣмъ полюбилась, и Шапель, наливая рюмку, говорилъ: «правда, правда; утопимся завтра, а теперь допьемъ остальное «вино!» — По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домѣ придворный Медикъ Жандронъ. Вольтеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon:
Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape y paroit sous celui de Gendron.

Теперь этотъ домъ принадлежитъ господину. . . забылъ имя.

Деревенька Отёль славилась нѣкогда хорошимъ виномъ своимъ; но слава ея прошла: нынѣшнее Отёльское вино никуда не годится. Я не могъ выпить рюмки. — Смеркается; спѣшу въ городъ.

═

Сен-Дени.

Вселенныя любовь иль страхъ,
Цари! что вы по смерти? . . . прахъ!

То есть, я былъ въ Аббатствѣ Св. Діонисія, на кладбищѣ Французскихъ Царей, которые всѣ, въ глубокой тишинѣ, лежатъ другъ подлѣ друга: колѣно Меровеево, Карлово, Капетово, Валуа и Бурбонское. Я напрасно искалъ гробницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вышла за Графа Крепи, и скончала дни свои въ Жанлизскомъ монастырѣ, ею основанномъ; другіе же Историки думаютъ, что она возвратилась въ Россію. Какъ бы то

ни было, но ея кенотафа нѣтъ подлѣ монумента Генриха I. Вообразите чувство юной Россіянки, которая оставляя свою милую отчизну и семейство, ѣдетъ въ чужую, дальную землю, какъ въ темный лѣсъ, не зная тамъ никого, не разумѣя языка — чтобъ быть супругою неизвѣстнаго ей человѣка! . . . Слѣдственно и тогда приносились горестныя жертвы Политикѣ! Анна должна была перемѣнить законъ, во время самыхъ жаркихъ раздоровъ Восточной и Западной Церкви: что очень удивительно. Генрихъ I заслуживалъ быть ея супругомъ; онъ славился мужествомъ и другими Царскими достоинствами. Любовь заключила второй брачный союзъ ея; но Анна не долго наслаждалась щастіемъ любви: Графъ Крепи былъ убитъ на поединкѣ однимъ Британскимъ рыцаремъ.

Я поклонился гробу Лудовика XII и Генриха IV. . . .

Великій человѣкъ достоинъ монумента,
Великій Государь достоинъ олтарей.

Гробъ Франциска I, прозваннаго *Отцемъ Искусствъ и Наукъ*, великолѣпно украшенъ благодарнымъ Художествомъ; но монументъ перваго изъ новыхъ военачальниковъ, Александра храбростію, Фабія благоразуміемъ — однимъ словомъ, Тюрена, всѣхъ другихъ достойнѣе примѣчанія. Герой кончается въ объятіяхъ Безсмертія, которое вѣнчаетъ его лаврами.

Храбрость и Мудрость стоятъ подлѣ его гроба: одна въ ужасѣ, другая въ горестномъ изумленіи. Черная мраморная доска ждетъ эпитафіи: для чего не вырѣжутъ на ней слѣдующихъ стиховъ, не знаю кѣмъ сочиненныхъ:

Turenne a son tombeau parmi ceux de nos Rois;
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits;
Louis voulut ainsi couronner sa vaillance,
Afin d'apprendre aux siècles d'avenir,
Qu'il ne met point de différence
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.

Честь Франціи, Тюренъ,
Съ Царями погребенъ.
Симъ Людовикъ его и въ гробѣ награждаетъ,
Желая свѣту доказать,
Что онъ единымъ почитаетъ,
На тронѣ быть, или тронъ славно защищать.

Я не буду говорить вамъ о странныхъ барельефахъ Дагобертовой гробницы, на которыхъ изображены дьяволы въ дракѣ, Св. Діонисій въ лодкѣ и Ангелы съ подсвѣчниками: мысль и работа достойны варварскихъ вѣковъ. Король Дагобертъ основалъ Діонисіево Аббатство. Не буду описывать вамъ и тамошняго сокровища, золотыхъ распятій, святыхъ гвоздей, рукъ, ногъ, волосовъ, лоскутьевъ, подаренныхъ Аббатству разными Королями и благочестивыми людьми. Замѣчу только вѣнецъ Карла Великаго, скипетръ и державу Генриха IV, мечь Людовика Святаго (которымъ онъ въ Африкѣ и въ Азіи рубилъ не-

вѣрныхъ,) портретъ такъ называемой *Орлеанской дѣвственницы*, славной Героини Вольтеровой Поэмы, и большую древнюю чашу, сдѣланную изъ восточнаго агата для Египетскаго Царя Птоломея Филадельфа, съ изображеніемъ Вакхова торжества.

Св. Діонисій, Патронъ Франціи, проповѣдывалъ въ Галліи Христіанство, и былъ казненъ злыми язычниками на Монмартрѣ. Католическія Легенды говорятъ, что онъ послѣ казни сталъ на ноги, взялъ въ руки отрубленную голову свою и шелъ съ нею версты четыре. Одна Парижская Дама, разсуждая о семъ чудѣ, сказала: cela n'est pas surprenant: il n' y a que le premier qui coute.

=

Парижъ, Іюня. . . .

Сколько разъ былъ я въ Булонскомъ лѣсу, не видавъ славной *Бездѣлки!* Сегодни видѣвъ ее, хвалилъ вкусъ хозяина, жалѣлъ о нынѣшней судьбѣ его. Вы догадаетесь, что я говорю о Булонскомъ увеселительномъ домѣ Графа д'Артуа, называемомъ bagatelle, и вспомните, что сказалъ объ немъ Делиль:

Et toi, d'un Prince aimable ô l'asyle fidelle,
Dont le nom trop modeste est indigne de toi.
Lieu charmant! etc.

Въ концѣ лѣса, почти на самомъ берегу Сены, возвышается прекрасный павильйонъ, съ золотою надписью на дверяхъ: parva, sed apta: *малъ, но покоенъ*. У крыльца стоитъ мраморная Нимфа, и держитъ на головѣ корзину съ цвѣтами: въ эту корзину ставится ночью хрустальный фонарь для освѣщенія крыльца. Первая комната столовая, гдѣ изъ двухъ дельфиновъ бьетъ вода и льется въ обширный бассейнъ, окруженный зеленью; зеркала повторяютъ дѣйствіе фонтана. Оттуда входъ въ большую ротонду, украшенную стеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами. Къ залѣ примыкаютъ два кабинета: баня и будуаръ, гдѣ все нѣжно и сладострастно. На картинахъ улыбается Любовь, а въ альковѣ кроются Восторги. . . не смѣю взглянуть на постелю. Въ верхнемъ этажѣ спальня бога Марса: вездѣ пики, каски, трофеи, знаки сраженій и побѣдъ. Но Марсъ друженъ съ Кипридою: взгляните на право. . . . тутъ маленькой тайный кабинетъ, гдѣ представляются глазамъ знаки другаго роду сраженій и побѣдъ: Стыдливость умираетъ, Любовь торжествуетъ. Цвѣтъ дивана, креселъ и другихъ приборовъ, есть самый нѣжный тѣлесный; одни Амуры умѣютъ такъ краситъ. Подойдите къ окну: видъ прелестный! Теченіе Сены, Лоншанскій монастырь, мостъ Нёльи, образуютъ самой живописный ландшафтъ. — Наконецъ вы узнаете, что этотъ павильйонъ есть въ самомъ дѣлѣ волшебный. будучи по-

строенъ, отдѣланъ, убранъ въ пять недѣль: безъ волшебства такихъ чудесъ не дѣлается.

Отъ павильона идутъ двѣ аллеи, и примыкаютъ къ гранитному утесу, изъ котораго вытекаетъ ручей; за утесомъ пріятный лѣсокъ, посвященный *стыдливой Венерѣ*, à la Venus pudique; мраморный образъ ея стоитъ на высокомъ подножіи. Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой. Прежде всего является глазамъ большой лугъ, окруженный лѣсомъ и маленькими холмиками; въ серединѣ свѣтлый прудъ, по которому вѣтеръ носитъ лодку. На лѣвой сторонѣ извивается тропинка, и приводитъ васъ къ *пустынѣ*; густыя дерева, перепутываясь своими вѣтвями, служатъ ей оградою. Видите маленькой домикъ, покрытый тростникомъ; въ немъ двѣ комнаты, обклеенныя мохомъ и листьями, кухня, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, постеля. Тутъ въ самомъ дѣлѣ жилъ когда-то пустынникъ, въ трудахъ и воздержаніи; любопытные приходили видѣть уединеннаго мудреца, и слушать его наставленія. Онъ съ презрѣніемъ говорилъ о свѣтѣ, называлъ его забавы адскими игрищами, женскую красоту приманкою Сатаны, а любовь (боюсь сказать) самимъ дьяволомъ. Купидонъ раздраженный такимъ дерзкимъ *Эротохуленіемъ*, рѣшился отмстить Анахорету, прострѣлилъ его насквозь своею кипарисною стрѣлою, и показалъ ему вдали

сельскую красавицу, которая на берегу Сены рвала фіялки. Пустынникъ воспламенился; забылъ свое ученіе, свою густую бороду, и сдѣлался Селадономъ. Далѣе молчитъ исторія; но изустное преданіе говоритъ, что онъ былъ нещастливъ въ любви, и хотя обрилъ себѣ бороду, хотя обрѣзалъ длинное свое платье, но красавицѣ не могъ понравиться; съ отчаянія записался въ солдаты, дрался съ Англичанами, былъ раненъ и принятъ въ домъ Инвалидовъ, гдѣ Графъ д'Артуа давалъ ему сто ливровъ пенсіи. — Близъ домика часовня; поле, которое Анахоретъ обработывалъ, и ручей, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Вздохнувъ о слабости человѣческой, иду далѣе, и вдругъ является передо мною высокой обелискъ, исписанный таинственными гіероглифами. Жаль, что Египетскіе жрецы не оставили мнѣ ключа своей науки; сказываютъ, что на сей пирамидѣ помѣщена вся ихъ мудрость. За обелискомъ, по цвѣтущимъ лугамъ, извиваются тропинки, текутъ ручейки, возвышаются красивые мостики и павильйоны. Одинъ изъ нихъ построенъ на скалѣ; всходъ неудобенъ, труденъ . . . это павильйонъ *Философіи*, которая не всякому дается. Видъ его снаружи не привлекателенъ, странный, готическій: въ знакъ того, что Философія мила только Философамъ, а другимъ кажется едва ли не сумазбродствомъ. Внутренность украшена медальйонами Греческихъ мудрецовъ; а разноцвѣтныя окончины представляютъ

вамъ всякую вещь разноцвѣтною: эмблема несогласія умовъ и мнѣній человѣческихъ. Внизу павильйона гротъ, куда лучи солнца проницаютъ сквозь разсѣлины камней, гдѣ собраны всѣ произведенія минеральнаго царства. — Съ другой дикой скалы стремится большой каскадъ, шумитъ и вливается пѣною въ кристаллъ пруда, котораго тихія струи омываютъ въ одномъ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: предметъ трогательный для всякаго, кто любилъ и терялъ милыхъ!

Ктожь милыхъ не терялъ? Оставь холодный свѣтъ,
И горесть раздѣляй съ унылыми древами,
Съ кристалломъ томныхъ водъ и съ нѣжными цвѣтами:
Чувствительный во всемъ себѣ друзей найдетъ.
Тамъ урну хладную съ любовью осѣняютъ
Тополь высокій, блѣдный тисъ,
И ты, другъ мертвыхъ, кипарисъ!
Печальныя сердца твою пріятность знаютъ.
Любовникъ нѣжный мирты рветъ.
Для славы гордый лавръ растетъ;
Но ты милѣе тѣмъ, которые стенаютъ
Надъ прахомъ щастья и друзей!

Делиль.

Хотите ли, подобно Орфею, за любезною тѣнію сойти въ Плутоново царство? Есть ли у васъ сладкогласная лира? . . . Земля разверзается передъ вами: вы спускаетесь въ глубины ея по каменнымъ ступенямъ, и трепещете отъ ужаса; густой мракъ окружаетъ

васъ. Поздно думать о возвращеніи; надобно итти впередъ, въ ночной темнотѣ, въ неизвѣстности. Безпокойное воображеніе мечтаетъ объ адскихъ чудовищахъ, слышитъ грозный шумъ Стикса и Коцита; скоро, скоро залаетъ Церберъ. . . Не бойтесь: быстрый лучь свѣта издали озаряетъ ваши глаза — еще нѣсколько шаговъ, и вы опять въ подсолнечномъ мірѣ, на берегу журчащей рѣчки, среди прелестныхъ ландшафтовъ. Здѣсь, любезные друзья, остановитесь со мною; сядьте на мягкомъ дернѣ, и насладитесь пріятнымъ вечеромъ. Не хочу болѣе описывать; описаніе можетъ наскучить. . . но никогда, никогда не скучилось бы вамъ гулять въ Булонскомъ саду Графа д' Артуа!

На возвратномъ пути въ городъ случилась со мною странность. Смерклось; я шелъ одинъ какъ можно тише, какъ можно чаще останавливаясь и смотря на всѣ стороны. Скачетъ карета. Я слышу голосъ: arrête! arrête! *стой!* Кучеръ удержалъ лошадей. Вышли два человѣка, прямо ко мнѣ; оглядѣли меня съ головы до ногъ, и спросили: кто я? — Иностранецъ. Что вамъ угодно? — «Не вы ли «ходили въ Булонскомъ лѣсу съ Господиномъ «Лаклосомъ?» — Я ходилъ въ Булонскомъ лѣсу одинъ, и не знаю Господина Лаклоса. — «Тѣмъ «лучше, или тѣмъ хуже. По крайней мѣрѣ не «объѣхала ли васъ дама верхомъ, въ зеленомъ «Амазонскомъ платьѣ?« — Я не примѣтилъ. Но что значатъ ваши вопросы, государи мои?

— «Такъ; намъ нужно знать. Извините.« — Они приподняли шляпы, прыгнули въ карету и поскакали.

Парижъ, Іюня. . .

Я былъ въ Марли; видѣлъ чертогъ солнца* и 12 павильйоновъ, изображающихъ 12 знаковъ Зодіака; видѣлъ Олимпъ, долины Темпейскія, сады Альциноевы; однимъ словомъ, вторую Версалію, съ нѣкоторыми особливыми оттѣнками. Вмѣсто подробнаго описанія, вотъ вамъ худой переводъ Делилевыхъ прекрасныхъ стиховъ, въ которыхъ онъ прославляетъ Марли:

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ истинный Армидинъ садъ,
Или великаго Героя
Достойный мирный вертоградъ,
Гдѣ онъ въ объятіяхъ покоя
Еще желаетъ *побѣждать*
Натуру смѣлыми трудами,
И каждый шагъ свой означать
Могуществомъ и чудесами,

* Солнце, какъ извѣстно, было девизомъ Лудовика XIV. Королевскій павильйонъ, построенный среди двѣнадцати другихъ, называется *солнечнымъ*.

Едва понятными уму.
Стихіи творческой Природы
Подвластны кажутся ему;
Въ его рукахъ земля и воды.
Тамъ храмы въ рощахъ Ореадъ
Подъ кровомъ зелени блистаютъ;
Тамъ бронзы дышутъ, говорятъ;
Тамъ рѣки токъ свой пресѣкаютъ,
И вверхъ стремяся упадаютъ
Жемчужнымъ, радужнымъ дождемъ,
Лучами солнца озлащеннымъ;
Потомъ, извивистымъ путемъ,
Древами темно осѣненнымъ,
Едва журчатъ среди луговъ.
Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
Вездѣ встрѣчаются Сильваны,
Подруги скромныя Діаны.
Тамъ каждый мраморъ — богъ, лѣсочикъ всякой — храмъ *
Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,
На лаврахъ славы отдыхая,
И будто весь Олимпъ сзывая
Къ себѣ на велелѣпный пиръ,
Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно быть механикомъ, чтобы понять чудесность Марлійской водяной машины; ея горизонтальныя и вертикальныя движенія, дѣйствіе насосовъ, и проч. Дѣло состоитъ въ томъ, что она беретъ воду изъ рѣки Сены, поднимаетъ ее вверхъ, вливаетъ въ трубы, проведенныя въ Марли и въ Тріанонъ. Изобрѣтатель сей машины не зналъ грамоты.

* Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру оригинала.

Какъ обогащены Искусствомъ всѣ мѣста вокругъ Парижа! Часто хожу на гору Валеріанскую, и тамъ, сидя подлѣ уединенной часовни, смотрю на великолѣпныя окрестности великолѣпнаго города.

Я не забылъ Эрмитажа, сельскаго дома Госпожи д'Епине, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ Авторъ читалъ ее своей простодушной Терезѣ, которая, не умѣвъ счесть до ста, умѣла чувствовать красоты безсмертнаго Романа, и плакать. Домъ маленькой, на пригоркѣ; вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмиль; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ и въ *Бельвю*, достойномъ своего имени *; и въ Сен-Клу, гдѣ бьетъ славнѣйшій искусственный каскадъ въ Европѣ; былъ я и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь достойныхъ любопытства.

═

Парижъ, Іюня. . .

Наемный слуга мой Бидеръ, который (за 24 су въ день) всюду меня провожаетъ, *зная* (по словамъ его) *Парижъ какъ свой чердакъ*, давно

* *Бельвю* значитъ прекрасный видъ.

уже приступалъ ко мнѣ, чтобы я шелъ смотрѣть *Царскую кладовую*, Garde-meuble du Roi. «Стыдно, государь мой, стыдно! Быть три «мѣсяца въ Парижѣ, и не видать еще самой «любопытнѣйшей вещи! Что вы здѣсь дѣлаете? бѣгаете по улицамъ, по театрамъ, по лѣ«самъ, вокругъ города! Вотъ вамъ шляпа, «трость; надобно непремѣнно итти въ кла«довую!» — Я надѣлъ шляпу, взялъ трость, и пошелъ на мѣсто Лудовика XV въ Garde-meuble, больное зданіе съ колоннами.

Въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ тамъ множество рѣдкихъ вещей, серебра и золота, драгоцѣнныхъ камней, вазъ и всякаго роду оружія. Любопытнѣе всего: 1) круглой серебряный щитъ, около трехъ футовъ въ діаметрѣ, найденный въ Ронѣ близъ Ліона, представляющій (en bas-relief) сраженіе конницы, и подаренный, какъ думаютъ, Гишпанскимъ народомъ Сципіону Африканскому; 2) стальныя латы Франциска I, съ рѣзною работою по рисунку Юлія Романа, такія легкія, что ихъ можно поднять одною рукою (онъ въ нихъ сражался при Павіи, гдѣ Французы *все потеряли, кромѣ чести*; tout est perdu hormis l'honneur, писалъ Францискъ къ матери, будучи въ плѣну у непріятеля со всѣми своими Генералами); 3) латы Генриха II (въ которыхъ онъ былъ смертельно раненъ на турнирѣ Графомъ Монгомерри) и Лудовика XIV, подарокъ Венеціанской Республики; 4) два меча Генриха IV; 5) двѣ пушки съ серебряными лафетами, при-

сланныя Сіамскимъ Царемъ Лудовику XIV, въ доказательство, что у него есть артиллерія *; 6) длинное вызолоченное копье Папы Павла V, которымъ онъ хотѣлъ заколоть Венеціянскую Республику; 7) золотая корзинка, осыпанная бриліянтами и рубинами; 8) *золотая церковная утварь* Кардинала Ришельё, также осыпанная драгоцѣнными каменьями; 9) богатое сѣдло, подаренное Султаномъ Лудовику XV — и наконецъ шелковыя картинныя обои, за которыя Францискъ I заплатилъ около 100,000 талеровъ Фламандскимъ художникамъ, и на которыхъ вытканы сраженія Сципіоновы, *дѣянія Апостольскія* и басни Псиши, по рисунку Юлія Романа и Рафаэля. Тутъ же хранятся и лучшія произведенія Гобелинской фабрики, заведенной въ Парижѣ Кольбертомъ: работа удивительная правильностію рисунка, блескомъ красокъ, нѣжными оттѣнками шелковъ, такъ, что тканье не уступаетъ въ ней живописи. — Слуга мой Бидеръ безпрестанно говорилъ: eh bien, Monsieur. eh bien, qu'en dites-vous?

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о Бидерѣ. Онъ родомъ Нѣмецъ, но забылъ свой природный языкъ; живетъ со мною въ одной *Отели*, только на чердакѣ; бѣденъ какъ Иръ, а честенъ какъ Сократъ; покупаетъ мнѣ все дешево, и бранитъ меня, есть ли гдѣ нибудь заплачу

* Ему сказали, что Лудовикъ не считаетъ его опаснымъ своимъ непріятелемъ, полагая, что у него нѣтъ пушекъ.

лишнее. Однажды, всходя на лѣстницу, я выронилъ завернутые въ бумажкѣ пять луидоровъ: онъ шелъ за мною, поднялъ ихъ и принесъ ко мнѣ. Ты самый честный слуга, Бидеръ! говорю ему. Il faut bien que je le sois, Monsieur, pour ne pas dementir mon nom *, отвѣчаетъ мой Нѣмецъ. Не помню, за что я сказалъ ему грубость. Бидеръ отступилъ два шага назадъ. . . Monsieur, de choses pareilles ne se disent point en bon françois. Je suis sensible pour le souffrir. Я разсмѣялся. Riez, Monsieur: je rirai avec vous; mais point de grossieretés, je vous en prie. — Однажды Бидеръ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ и сказалъ, подавая листъ газетъ: «читайте!» Я взялъ и прочиталъ слѣдующее: «Сего Маія 28 дня, въ 5 часовъ утра, въ улицѣ Сен-Мери застрѣлился слуга господина N. Прибѣжали на выстрѣлъ, отворили дверь. . . нещастный плавалъ въ крови своей; подлѣ него лежалъ пистолетъ; на стѣнѣ было написано: quand on n'est rien, et qu'on est sans éspoir, la vie est un opprobre, et la mort un devoir; а на дверяхъ: aujourd'hui mon tour, demain le tien. Между разбросанными по столу бумагами нашлись стихи, разныя Философическія мысли и завѣщаніе. Изъ первыхъ видно, что сей молодой человѣкъ зналъ наизусть опасныя произведенія новыхъ Философовъ; вмѣсто утѣшенія, извлекалъ изъ каждой мысли ядъ для души своей, необразованной воспитаніемъ для чте-

* Бидеръ по-Нѣмецки значитъ [illegible].

нія шакихъ книгъ, и сдѣлался жершвою мечшашельныхъ умствованій. Онъ ненавидѣлъ свое низкое сосшояніе, и въ самомъ дѣлѣ былъ выше его, какъ разумомъ, шакъ и нѣжнымъ чувсшвомъ; цѣлыя ночи просиживалъ за книгами, и покупалъ свѣчи на свои деньги, думая, что строгая чесшносшь не дозволяла ему шрашишь на шо господскихъ. Въ завѣщаніи говоришъ, чшо онъ *сынъ любви*, и весьма шрогашельно описываешъ нѣжносшь *второй матери* своей, добродушной кормилицы; опказываешъ ей 150 ливровъ, ошечесшву (en don patriotique) 100, бѣднымъ 48, заключеннымъ въ шемницѣ за долги 48, луидоръ шѣмъ, коппорые возмушъ на себя шрудъ предашь землѣ прахъ его, и шри луидора другу своему, слугѣ Нѣмцу, живущему въ *Британской Отели*. Комисаръ нашелъ въ его ларчикѣ болѣе 400 ливровъ. — «Три луидора опказаны мнѣ, сказалъ чувсшви-«шельный Биндеръ: онъ былъ съ ребячесшва «другомъ моимъ и рѣдкимъ молодымъ человѣ-«комъ; вмѣсшо шого, чшобы шашашься по «шракширамъ, ходилъ всякой день на нѣсколь-«ко часовъ въ *кабинетъ чтенія*, и всякое Во-«скресенье въ шеашръ. Нерѣдко со слезами го-«варивалъ мнѣ: *Генрихъ! будемъ благородны «сердцемъ! заслужимъ собственное свое почте-«ніе!* Ахъ! я не могу пересказашь вамъ всѣхъ «рѣчей его: Жакъ говаривалъ какъ самая умная «книга; а я, бѣднякъ, не умѣю сказашь двухъ «красныхъ словъ. Съ нѣкошораго времени онъ «сшалъ задумчивъ, ходилъ повѣся голову и

«любилъ разсуждать со мною о смерти. Дней «шесть мы не видались: вчера узналъ я, что «Жаку наскучила жизнь, и что въ свѣтѣ не стало «одного добраго человѣка!» — Бидерь плакалъ какъ ребенокъ. Я самъ былъ сердечно тронутъ. Бѣдный Жакъ! . . Гибельныя слѣдствія полуфилософіи! Drink deep or taste not. *пей много, или не пей ни капли*, сказалъ Англичанинъ Попъ. Эпиктетъ былъ слугою, но не убилъ себя.

═

Эрменонвиль.

Верстъ 30 отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было — благодѣяніе, послѣднее слово — хвала Природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревъ, дружбою насажденныхъ, покоится прахъ его. . . Туда спѣшатъ добрые странники, видѣть мѣста, освященныя невидимымъ присутствіемъ Генія, — ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался — дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ — и нѣжною слезою меланхоліи оросить его гробницу.

Эрменонвиль был прежде затемняем дремучимъ лѣсомъ, окруженъ болотами, глубокими и безплодными песками: однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человѣкъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, отдѣлалъ— и дикая, лѣсная пустыня обратилась въ прелестный Англійскій садъ, въ живописные ландшафты, въ Пуссеневу картину.

Древній замокъ остался въ прежнемъ своемъ готическомъ видѣ. Въ немъ жила нѣкогда *милая Габріель*, и Генрихъ IV наслаждался ея любовію: воспоминаніе, которое украшаетъ его лучше самыхъ великолѣпныхъ перистилей! Маленькіе домики примыкаютъ къ нему съ обѣихъ сторонъ; свѣтлыя воды струятся вокругъ его, образуя множество пріятныхъ островковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки; тамъ зеленѣютъ долины; тутъ гроты, шумные каскады; вездѣ Природа въ своемъ разнообразіи — и вы читаете надпись:

> Ищи въ другихъ мѣстахъ Искусства красоты:
> Здѣсь видъ богатыя Природы
> Есть образъ щастливой свободы
> И милой сердцу простоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревамъ, которыя сплелись вѣтвями, и на которыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнію, на дерновомъ канапѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсѣяны знаки пастушеской жизни; на вѣтвяхъ висятъ

свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ Пѣвцовъ: Теокрита, Виргилія, Томсона.

На высокомъ пригоркѣ видите храмъ — *новой Философіи*, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сибиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ Архитекторовъ, съ означеніемъ того, что каждый изъ нихъ обработывалъ по своему таланту. На примѣръ:

J. J. Rousseau - - - Naturam (Природу).
Montesquieu - - - Justitiam (Правосудіе).
W. Penn - - - Humanitatem (Человѣчество).
Voltaire - - - Ridiculum (смѣшное).
Descartes - - - nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустаго).
Newton - - - lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Монтаню; надъ входомъ: *познавай причину вещей;* а на столпѣ: *кто довершитъ?* Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго; другіе надѣются, *что разумъ въ школѣ вѣковъ возмужаетъ*, побѣдитъ всѣ затрудненія, докончитъ свое дѣло и воцаритъ истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристаль-

ныя воды, нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса, представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гротовъ, къ олтарю *задумчивости*. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости нещастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина за несогласное мнѣніе о Религіи.*—На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

Здѣсь покланяюся Творцу
Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокой песокъ, являютъ вамъ картину Сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ нею. . . На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а пустыннику въ своемъ шалашѣ; всякой у себя господинъ*; а на древнемъ, густомъ вязѣ:

Подъ сѣнію его я съ милой изъяснился;
Подъ сѣнію его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть щастливымъ! — Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ-Жака Рус-

со, съ надписью: *Жанъ-Жакъ безсмертенъ*. Тутъ, между многими девизами и титуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женевскаго Гражданина: *тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ* *. — Идете далѣе, и дикость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ: зеленая мурава, скалы покрытыя можжевельникомъ, шумящіе водопады, напоминаютъ вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ; вы ищете глазами Юліина имени, и видите его — на камняхъ и деревахъ.

Свѣтлая рѣка течетъ по лугу мимо виноградныхъ садовъ, сельскихъ домиковъ; на другой сторонѣ ея возвышается готическая башня *прекрасной Габріели*, и маленькая лодочка готова перевезти васъ. На дверяхъ башни читаете.

Здѣсь было царство Габріели;
Ей надлежало дань платить.
Французы изстари умѣли
Сердцами красоту дарить.

Архитектура наружности, крыльцо, внутреннія комнаты, напоминаютъ вамъ тѣ времена, когда люди не умѣли со вкусомъ ни строить, ни украшать своихъ домовъ, но умѣ-

* Короче: «кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ;» но не такъ живописно.

ли обожать славу и красавицъ. Здѣсь, думаете вы, здѣсь Король Рыцарь, послѣ военнаго грома, наслаждался тишиною и сердцемъ своимъ въ объятіяхъ милой Габріели; здѣсь сочинилъ онъ нѣжную пѣсню свою :

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards,
Quand la gloire m'appelle,
Je vole au champ de Mars.
Cruelle départie !
Malheureux jour!
C'est trop peu d'une vie
Pour tant d'amour *.

И куда ни взглянете въ комнатахъ, вездѣ читаете : charmante Gabrielle! Авторъ Седенъ сочинилъ *здѣсь* на голосъ этой пѣсни другую такого содержанія:

Здѣсь Габріели страстной
Взоръ нѣжность изъявлялъ;
Здѣсь богъ войны ужасной
Въ цѣпяхъ любви вздыхалъ.
Французъ въ восторгъ приходитъ
Отъ имени сея;
Оно на мысль приводитъ
Намъ добраго Царя.

Съ нѣжными чувствами выходите изъ башни, и вступаете въ прекрасной лѣсокъ, посвященный Музамъ и Спокойствію. Тутъ

* Вѣроятно, что послѣдніе два стиха не Генриховы. Музыка сей старинной пѣсни очень пріятна.

стремится ручей, подобный Воклюзскому, гдѣ, по увѣренію Италіянскаго Тибулла, *травы, цвѣты, Зефиры, птицы и Петрарка о любви говорили.* Тутъ въ прохладномъ гротѣ написано:

Являйте, зеркальныя воды,
Всегда любезный видъ Природы
И образъ милой красоты!
　Съ Зефирами играйте,
　И мнѣ воспоминайте
　Петрарковы мечты!

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разсѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, который строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самый сельской и пріятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя дерева; мостикъ, примкнутый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie.
　Дружбѣ, бальзаму жизни.

Подъ тѣнію одного дерева стоитъ канапе, съ надписью:

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для птичекъ зерна,
И съ нашими дѣтьми играть.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20 Мая 1778, а умеръ 2 Іюля: слѣдственно не долго наслаждался онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ; успѣлъ только ласкою, обходительностію снискать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, Литтература, слава, все ему наскучило; одна Природа сохранила до конца милыя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы: 2 Іюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту; велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: comme la Nature est belle! и закрылъ глаза навѣки. . . . Человѣкъ рѣдкій, Авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! нещастный по своему характеру между людьми, и завидно-щастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благости и красотѣ творенія! . . . Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, île des peupliers, осѣненномъ высоки-

ми тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ — и Харонъ говоритъ вамъ о Жанъ-Жакѣ; сказываетъ, что Эрменонвильской цырюльникъ купилъ трость его и не хотѣлъ продать ее за 100 экю; что жена мельникова никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранитъ два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать перевощика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнiю священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и щастiе дѣтей *.

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвный прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого Автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу? Монументъ его

* Переводъ одной изъ надписей.

имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: ici repose l'homme de la Nature et de la vérité, *здѣсь покоится человѣкъ истины и природы*; а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, которая держитъ въ рукѣ томъ Эмиля; на верху девизъ Жанъ-Жаковъ: vitam impendere vero, *жить для истины*. На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: hic jacent ossa J. J. Rousseau, *здѣсь лежатъ кости Руссовы*.

Что Руссо въ жизни своей имѣлъ злобныхъ враговъ, не мудрено; но можно ли безъ омерзѣнія слышать, что нѣкоторые хотѣли ругаться и надъ безчувственнымъ прахомъ его, вырѣзывали на гробѣ непристойныя, безстыдныя надписи, бросали грязь на монументъ и ломали его, такъ что хозяинъ, Маркизъ Жирарденъ, долженъ былъ приставить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почитателей болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ Авторовъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Разсказываютъ, что одинъ молодой Французъ, восхищенный твореніями Жанъ-Жака, вздумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи, и сочинилъ на Арабскомъ языкѣ катихизисъ, который начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ Его? Магометъ. Кто истинный? Руссо*. Французской Консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году, и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромный Руссо конечно не хо-

нѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе Французскіе Ораторы не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ Революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла замужъ за слугу Маркиза Жирардена: это неправда. Она гордится именемъ Руссовой супруги, и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Кто, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи: тотъ насладился не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

Шантильи.

Dans sa pompe élégante admirez Chantilly,
De heros en heros, d'âge en âge embelli.

Не ожидайте отъ меня пышнаго описанія: я видѣлъ Шантильи въ дурное время, въ дурномъ расположеніи и въ страхѣ, чтобы не уѣхала безъ меня почтовая карета. Мысль, что хозяинъ его скитается нынѣ по чужимъ землямъ, какъ бѣдный изгнанникъ, также туманила для глазъ моихъ предметы. Что вамъ сказать? Я видѣлъ великолѣпныя палаты, прекрасныя статуи, Физическіе Кабинеты,

подземельные ходы съ высокими сводами, рѣдкія оранжереи, огромныя конюшни, большой паркъ, красивыя террасы, *островъ Любви*, пріятный Англійскій садъ, хижины украшенныя какъ дворецъ, чудесную игру водъ и наконецъ латы *Орлеанской дѣвственницы*. Я вспомнилъ то великолѣпное, безпримѣрное зрѣлище, которымъ Принцъ Конде веселилъ здѣсь нашего Сѣвернаго Графа. Ночь превратилась въ день; отъ безчисленныхъ огней казалось, что лѣса и воды горѣли; искры сыпались отъ каскадовъ; музыка гремѣла, и охотники, при восклицаніяхъ народа, неслись вихремъ за быстрыми оленями. Такъ и восточные Государи не забавляли гостей своихъ.

Шантильи окруженъ густымъ лѣсомъ. Тутъ, на большой равнинѣ, гдѣ сходятся 12 безконечныхъ аллей, Великой Конде, Герой и другъ просвѣщенія, давалъ праздники Лудовику XIV и всему Двору его.

Сей лѣсъ напоминаетъ печальную смерть мрачнаго Романиста Прево. Онъ гулялъ въ немъ, и упалъ безъ чувства; его подняли какъ мертваго, вздумали анатомить, и безразсудный лекарь воткнулъ ему ножъ въ сердце — пронзительный крикъ раздался — Прево былъ еще живъ — лекарь зарѣзалъ его.

Я списалъ въ Шантильи прекрасную Грувелеву надпись къ Амуру, представленному безъ покрова, безъ оружія и безъ крыльевъ. Какъ умѣю, переведу ее:

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ Правда сердцемъ обнаруженъ,
Какъ Непорочность безоруженъ,
Какъ Постоянство некрылатъ,
Онъ былъ въ Астреинъ вѣкъ. Уже мы не находимъ
Его нигдѣ; но жизнь въ исканіи проводимъ.

═

Парижъ, Іюня. . . 1790.

Вчера цѣлыхъ пять часовъ провелъ я у Госпожи Н*, и не скучно; даже самый прелестный Баронъ, другъ ея, казался мнѣ сноснымъ. Говорили о чувствительности. Баронъ утверждалъ, что привязанность мущинъ бываетъ гораздо сильнѣе и надежнѣе; что женщины болѣе плачутъ, а мы чаще умираемъ отъ любви. Хозяйка утверждала противное, и милымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и томнымъ видомъ своимъ разсказала намъ печальный Ліонской анекдотъ. Всѣ были тронуты; я не менѣе другихъ. Госпожа Н* оборотилась ко мнѣ и спросила: «сочиняете ли вы стихи?» — Для тѣхъ, которые любятъ меня, отвѣчалъ я.— «Вотъ вамъ матерія. Дайте мнѣ слово описать это приключеніе въ Русскихъ стихахъ.» — Охотно; но позвольте немного украсить.— «Ни мало. Скажите только, что онъ меня слышали.» — Это слишкомъ просто. — «Истина не требуетъ украшеній.» — По крайней

мѣрѣ въ разсказъ можно вмѣстить нѣкоторыя мысли, нравственныя истины. — «Дозволяю. Сдержите же слово.» — Я сдержалъ его, и написалъ слѣдующее:

АЛИНА.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
Источникъ радости и слезъ,
Чувствительность! сколь ты прекрасна,
Мила — но въ дѣйствіяхъ нещастна! . .
Внимайте, нѣжныя сердца!

Въ странѣ, украшенной дарами
Природы, щедраго Творца,
Гдѣ Сона свѣтлыми водами
Кропитъ зеленые брега,
Сады, цвѣтущіе луга,
Алина милая родилась;
Плѣняла взоры красотой,
А души Ангельской душой;
Плѣняла — и сама плѣнилась.
Одна любовь въ любви законъ,
И сердце въ выборѣ не властно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нѣжный юноша, Милонъ,
Достоинъ былъ Алины нѣжной;
Какъ старецъ въ младости уменъ,
Любезенъ всѣмъ, онъ всѣхъ почтенъ.
Съ улыбкой гордой и надежной
Себѣ подруги онъ искалъ;
Увидѣлъ — вольности лишился:
Алинѣ сердцемъ покорился;
Сказавъ: *люблю!* отвѣта ждалъ. . . .
Еще Алина словъ искала;
Боялась сердцу волю дать,

Но все молчаніемъ сказалъ. —
Другъ друга вѣчно обожать
Они клялись чистосердечно.
Но что въ минутной жизни вѣчно?
Что клятва? — искренній обманъ!
Что сердце? — вѣтреный тиранъ!
Оно въ желаньяхъ своевольно,
И самымъ щастьемъ — недовольно.

И самымъ щастьемъ! — Такъ Милонъ
Осыпанный любви цвѣтами,
Ея нѣжнѣйшими дарами,
Вдругъ сталъ задумчивъ. Часто онъ,
Ласкаемый подругой милой,
Имѣлъ видъ томной и унылой,
И въ землю потуплялъ глаза,
Когда блестящая слеза
Любви, чувствительности страстной
Катилась по лицу прекрасной;
Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
Стыдливость съ нѣжностью сражалась,
Грудь тихо, тайно волновалась,
И розы цвѣли на устахъ.
Чего ему не доставало?
Онъ милой былъ боготворимъ!
Прекрасная дышала имъ!
Но верхъ блаженства есть начало
Унылой томности въ душахъ;
Любовь, восторгъ, холодность смежны.
Увы! почтожъ сей пламень нѣжный
Не вмѣстѣ гаснетъ въ двухъ сердцахъ?

Любовь имѣетъ взоръ орлиный:
Глаза чувствительной Алины
Могли ль премѣны не видать?
Могло ль ей сердце не сказать:

«Уже твой другъ не любитъ страстно?»
Она надѣется (напрасно!)
Любовь любовью обновить:
Ее легко найти исканьемъ,
Всегдашней лаской, стараньемъ;
Но чѣмъ же можно возвратить?
Ничѣмъ! въ немиломъ все не мило.
Алина тоже, что была,
И всѣхъ другихъ плѣнять могла,
Но чувство друга къ ней простыло;
Когда онъ съ нею, скука съ нимъ.
Кто нами пламенно любимъ,
Кто прежде самъ любилъ насъ страстно
Тому быть въ тягость наконецъ
Для сердца нѣжнаго ужасно!
Милонъ не есть коварный льстецъ:
Не хочетъ больше притворяться,
Влюбленнымъ безъ любви казаться —
И дни проводитъ розно съ той,
Которая одна, безъ друга,
Проводитъ ихъ съ своей тоской.
Увы! нещастная супруга
Въ молчаніи страдать должна. . .
И скоро узнаетъ она,
Что вѣтреный Милонъ другою
Любезной женщиной плѣненъ;
Что онъ сражается съ собою,
И, сердцемъ въ горести погруженъ,
Винитъ жестокость злой судьбины *!
Ударъ послѣдній для Алины!
Ахъ! сердце друга потерять,
И щастію его мѣшать
Въ другомъ любимомъ имъ предметѣ,

* Женщина, въ которую Милонъ былъ влюбленъ, по словамъ Госпожи Н*, сама любила его, но имѣла твердость отказать ему отъ дому, для того, что онъ былъ женатъ.

Лютѣе всѣхъ мученій въ свѣтѣ!
Міръ хладный, жизнь, противны ей;
Она бѣжитъ отъ глазъ людей. . . .
Но горесть лишь себя находитъ
Во всемъ, вездѣ, гдѣбъ ни была! . . .
Алина въ мрачной лѣсъ приходитъ
(Нещастнымъ тѣнь лѣсовъ мила!)
И видитъ храмъ уединенный,
Остатокъ древности священный;
Тамъ вѣтръ въ развалинахъ свиститъ,
И мраморъ желтымъ мхомъ покрытъ;
Тамъ древность Божеству молилась;
Тамъ послѣ, въ наши времена,
Кровь двухъ любовниковъ струилась:
Извѣстны свѣту имена
Фальдони, нѣжныя Терезы *;
Они жить вмѣстѣ не могли,
И смерть разлукѣ предпочли.
Алина, проливая слезы,
Равняетъ жребій ихъ съ своимъ,
И мыслитъ: «Кто любя любимъ,
«Тотъ долженъ быть судьбой доволенъ;
«Въ темницѣ и въ цѣпяхъ онъ воленъ
«Объ другѣ сладостно мечтать —
«Въ разлукѣ, въ горестяхъ питать
«Себя надеждою щастливой.
«Неблагодарные! за чѣмъ,
«Въ жару любви нетерпѣливой

* См. III Част. Писемъ Русск. Пут. стр. 84. Церковь, въ которой они застрѣлились, построена на развалинахъ древняго храма, какъ сказываютъ. Все, что здѣсь говоритъ или мыслитъ Алина, взято изъ ея Журнала, въ которомъ она почти съ самаго дѣтства записывала свои мысли, и который хотѣла сжечь умирая, но не успѣла. За день до смерти нещастная ходила на то мѣсто, гдѣ Фальдони и Тереза умертвили себя.

«И въ изступленіи своемъ,
«Вы Небо смертью оскорбили?
«Ахъ! мнѣ бы слезы ваши были
«Столь милы, какъ. . . любовь моя!
«По щастьемъ полнымъ насладиться,
«*Излишной* вдругъ его лишиться,
«И въ тягость другу быть какъ я. . .
«Въ подобномъ бѣдствіи насъ должно
«Лишь Богу одному судить! . . .
«Когда мнѣ здѣсь уже не можно
«Для щастія супруга жить,
«Могу еще, на зло судьбинѣ,
«Ему пожертвовать собой!»

Вдругъ обнаружились въ Алинѣ
Всѣ признаки болѣзни злой,
И смерть приближилась къ нещастной.
Супругъ у ногъ ея лежалъ;
Невѣрный слезы проливалъ,
И снова какъ любовникъ страстной
Клялся ей въ нѣжности, въ любви;
(Но поздно!) говорилъ: «живи,
«Живи, о милая! для друга!
«Я можетъ быть виновенъ былъ!»
«Нѣтъ!» — томнымъ голосомъ супруга
Ему сказала: «ты любилъ,
«Любилъ меня! и я сердечно,
«Мой другъ, благодарю тебя!
«Но естьли здѣсь ничто не вѣчно,
«То какъ тебѣ винить себя?
«Цвѣтъ щастья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
«Любви блаженство столь безмѣрно,
«Что смертный былъ бы самый Богъ,
«Когдабъ продлить его онъ могъ. . .
«Ничто, ничто моей кончины
«Уже не можетъ отвратить!

«Послѣдній взоръ твоей Алины
«Стремится нѣжность изъявить. . .
«Но дай ей умереть щастливо;
«Дай слово мнѣ — спокойнымъ быть,
«Снести потерю терпѣливо
«И снова — для любови жить!
«Ахъ! есть-ли ты съ другою будешь
«Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
«Хотя Алину и забудешь,
«Довольно для меня! . . Прости!
«Есть міръ другой, гдѣ нѣтъ измѣны,
«Нѣтъ скуки, въ чувствахъ перемѣны:
«Тамъ ты увидишься со мной,
«И тамъ, надѣюсь, будешь мой!». . .
Навѣкъ закрылся взоръ Алины.
Никто не могъ понять причины
Сего внезапнаго конца;
Но вы, о нѣжныя сердца!
Ее конечно угадали!
Въ нещастьи жизнь намъ не мила. . .
Спросили медиковъ: узнали,
Что ядъ Алина приняла. . .
Супругъ, какъ громомъ пораженный,
Хотѣлъ итти за нею въ слѣдъ;
Но гласомъ дружбы убѣжденный,
Остался жить. Онъ слезы льетъ;
И сею горестною жертвой
Судъ Неба и людей смягчилъ;
Живой Алинѣ измѣнилъ,
Но хочетъ вѣрнымъ быть ей мертвой!

═

Парижъ, Іюня. . . . 1790.

Скажу вамъ нѣчто о Парижскомъ Народномъ Собраніи, о которомъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ Членами, былъ остановленъ часовымъ, котораго никакія прозьбы смягчить не могли, и готовился уже съ досадою воротиться домой; но вдругъ явился человѣкъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый; взялъ меня за руку, и сказавъ: allons, Mr. allons! ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы . . . . Большая галлерея, столъ для Президента и еще два для Секретарей по сторонамъ; напротивъ каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большой части неопрятно одѣтыхъ — съ растрепанными волосами, въ сертукахъ. Шумѣли, смѣялись, около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъявляя нетерпѣніе. Наконецъ тотъ самый человѣкъ, который ввелъ меня *, подошелъ къ Президентскому столу, взялъ колокольчикъ, зазвонилъ — и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я остался середи залы — подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту

* Это былъ Рабо-Сентъ-Этьенъ.

подошелъ ко мнѣ Церемоніймейстеръ, въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: «Вы не можете быть здѣсь!» Я всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ Членовъ, Г. Андре, читалъ на каѳедрѣ предложеніе Военной Коммисіи. Его слушали со вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: «государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни Члены.» — Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.? — «Подите въ ложи.» — А есть ли тамъ нѣтъ мѣста? — «Подите домой, или куда вамъ угодно.» — — Я ушелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Депутаты Духовенства предлагали, чтобы Католическую Религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо оспоривалъ, говорилъ съ жаромъ, и сказалъ: «я «вижу отсюда то окно, изъ котораго сынъ «Катерины Медицисъ стрѣлялъ въ Протес-«тантовъ!» Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста, и закричалъ: «вздоръ! ты отсюда не ви-«дишь его.» Члены и зрители захохотали во все горло. Такія непристойности бываютъ весьма часто. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой торжественности, никакого величія; но многіе Риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ.

На другой день послѣ споровъ о Католической Религіи явились въ лавкахъ бумажныя

табакерки à l'abbé Maury; отворите крышку, выскочитъ Аббатъ. Таковы Французы: на всякой случай у нихъ готова выдумка. — Разскажу вамъ другой анекдотъ въ семъ родѣ. Въ тотъ самый день, какъ Собраніе опредѣлило выдать ассигнаціи, я былъ въ театрѣ. Играли старую оперу *башмачника*, которому во второмъ актѣ надлежало пѣть извѣстный *водевиль*. Вмѣсто того онъ запѣлъ новые стихи, въ похвалу Короля и Народнаго Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira
Par le moyen des assignats.

Зрители были внѣ себя отъ удовольствія, и заставили актера десять разъ повторять: l'argent caché ressortira. Имъ казалось, что передъ ними лежатъ уже кучи золота!

—

Парижъ, Іюня.... 1790

Вы помните, что Йорикъ сказалъ Министру Б* о характерѣ Французовъ: «они слишкомъ *важны!*» Министръ удивился; но разговоръ вдругъ прервался, и забавный Йорикъ не изъяснилъ намъ своей мысли. Кажется, объ Аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ

важными дѣлами шушилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то же самое можно сказать о Французахъ, которые не обижаются сходствомъ съ Аѳинскимъ народомъ. Вспомните жаркіе, но смѣшные споры о древней и новой Литтературѣ, которыми Версальской Дворъ и весь Парижъ занимался; вспомните исторію Глукистовъ, Пиччинистовъ, Месмеристовъ, и согласитесь, что въ нѣкоторомъ смыслѣ Йорикъ могъ утверждать свой парадоксъ. Но Французы имѣютъ характеръ, вопреки его старымъ шиллингамъ, qui, à force d'être polis, n'ont plus d'empreinte * — имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ этомъ съ Госпожею Н*, и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

«Скажу: *огонь, воздухъ* — и характеръ Фран-«цузовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе, «пламеннѣе и вѣтренѣе вашего. Кажется, «будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдумано* «*общежитіе*: столь мила его обходительность, «и столь удивительны его тонкія соображе-«нія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искус-«ство кажется въ немъ любезною природою. «Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать «человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою «улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ «захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: «на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хо-

* Слова Йориковы, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ.

«чу жить и умереть въ моемъ любезномъ оте-
«чествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли
«пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто
«забывается, что онъ не между своими. Гово-
«рятъ, что здѣсь трудно найти искренняго,
«вѣрнаго друга. . . Ахъ! друзья вездѣ рѣдки;
«и чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто, по-
«добно Кометѣ, *являясь исчезаетъ*. Дружба
«есть потребность жизни; всякой хочетъ
«для нее предмета надежнаго. Но все, чего по
«справедливости могу требовать отъ чужихъ
«людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ лас-
«кою, съ *букетомъ цвѣтовъ*. Вѣтреность, не-
«постоянство, которыя составляютъ порокъ
«его характера, соединяются въ немъ съ лю-
«безными свойствами души, *происходящими* *
«нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго порока.
«Французъ непостояненъ — и не злопамятенъ;
«удивленіе, похвала, можетъ скоро ему наску-
«чить, ненависть также. По вѣтрености оста-
«вляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за то
«самъ первый смѣется надъ своею ошиб-
«кою—и даже плачетъ, есть ли надобно. Веселая
«безразсудность есть милая подруга жизни его.
«Какъ Англичанинъ радуется открытію нова-
«го острова, такъ Французъ радуется острому
«слову. Чувствителенъ до крайности, страстно
«влюбляется въ истину, въ славу, въ великія
«предпріятія; но любовники непостоянны! Мину-
«ты его жара, изступленія, ненависти, могутъ

* Qui tiennent à ce même défaut.

«имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ «служитъ Революція. Жаль, естьли эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, «остроумнаго, любезнаго!»

Это писано для Дамы, и для Француженки, которая ахнула бы отъ ужаса, и закричала: *сѣверный варваръ!* естьли бы я сказалъ ей, что Французы не остроумнѣе, не любезнѣе другихъ.

═

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ беспечный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душею, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душею: въ ней остались идеи и

воспоминанія? Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріанскую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ Исторіи *, чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго? Можетъ быть тогда все темное для меня изъяснится; можетъ быть тогда еще болѣе полюблю человѣчество; или, закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою. . . .

Прости, любезный Парижъ! прости, любезный В*! Мы родились съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ; увидѣлись, и три мѣсяца не разставались. Сколько пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ твоей Сен-Жерменской *Отели*, читая привлекательныя мечты единоземца и соученика твоего, Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свѣтѣ, или судя новую Комедію, нами вмѣстѣ видѣнную! Не забуду нашихъ пріятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ, нашихъ рыцарскихъ приключеній, и всегда буду хра-

* Въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Мабліеву Исторію Французскаго Правленія.

тать нѣжное, дружеское письмо твое, которое тихонько написалъ ты въ моей комнатѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ земляковъ въ Парижѣ; но единственно съ тобою и съ Б* мнѣ грустно было разставаться. Къ утѣшенію своему думаю, что мы въ твоемъ или моемъ отечествѣ можемъ еще увидѣться, въ другомъ состояніи души, можетъ быть и съ другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны *!

А вы, отечественные друзья мои, не назовете меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ нашелъ человѣка, съ которымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство считаю благодѣяніемъ Судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ. Какъ ни пріятно, какъ ни весело всякой день видѣть прекрасное, слышать умное

* Черезъ 10 лѣтъ послѣ нашей разлуки, не имѣвъ во все это время никакого объ немъ извѣстія, вдругъ получаю отъ него письмо изъ Петербурга, куда онъ присланъ съ важною коммиссіею отъ Двора своего — письмо дружеское и любезное. Мнѣ пріятно напечатать здѣсь нѣкоторыя его строки: Je vous supplie, mon cher ami, de me répondre le plutôt possible, pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis; mais l'amitié, que je vous ai vouée alors, est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entierement oublié. J'aime a croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, и проч. Онъ женился на молодой, любезной женщинѣ, которая извѣстна въ Германіи по уму и талантамъ своимъ. Она написала Романъ, который долго считался твореніемъ славнаго Гете: потому что скромная Муза не хотѣла наименовать себя.

и любопытное; но людямъ нѣкотораго роду надобны подобные имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои обыкновенныя меланхолическія минуты, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій. Провести такъ около четырехъ мѣсяцовъ, есть, по словамъ одного Англійскаго Доктора, выманить у скупой волшебницы, Судьбы, очень богатый подарокъ. Почти всѣ мои земляки провожали меня, и Б* и Баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде, нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, отъѣхавъ верстъ 50 отъ Парижа. Душа моя такъ занята прошедшимъ, что воображеніе мое еще ни разу не заглянуло въ будущее; ѣду въ Англію, а объ ней еще не думаю.

═

Го-Бюиссонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пикардіи зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли — Природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильйоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести! кому изъясню чувства мои? Я одинъ.... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!...

Дикой, переселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ, и плѣняется; — но черезъ минуту очарованіе исчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣ-

валась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — через часъ будемъ въ Кале.

Кале, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ трактиръ почтоваго двора. — Я тотчасъ пошелъ къ Дессеню (котораго домъ есть самый лучшій въ городѣ); остановился передъ его воротами, украшенными бѣлымъ павильйономъ, и смотрѣлъ на право и на лѣво. «Что вамъ надобно, государь мой?» спросилъ у меня молодой Офицеръ въ синемъ мундирѣ. «Комната, въ которой жилъ Лавренній Стернъ» *, отвѣчалъ я. — «И гдѣ въ первый разъ ѣлъ онъ Французской супъ?« сказалъ Офицеръ. — Соусъ съ цыплятами, отвѣчалъ я. — «Гдѣ хвалилъ онъ кровь Бурбоновъ?» — Гдѣ жаръ человѣколюбія покрылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ. — «Гдѣ самый тяжелый изъ металловъ казался ему легче пуха!» ** — Гдѣ приходилъ къ не-

* См. Sentimental Journey, Стерново путешествіе. Оно переведено на Русской, и напечатано.

** Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разъ читалъ Стерново или Йориково путешествіе; но можно ли читать его только одинъ разъ?

му отецъ Лорензо съ кротостію святаго мужа. — «И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?» — Но гдѣ хотѣлъ онъ заплатить двадцать фунтовъ стерлинговъ тому Адвокату, который бы взялся и могъ оправдать Йорика въ глазахъ Йориковыхъ. — «Государь мой! эта комната во второмъ этажѣ, прямо надъ вами. Тутъ живетъ нынѣ старая Англичанка съ своею дочерью.»

Я взглянулъ на окно, и увидѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина, и держала въ рукахъ книгу — вѣрно Sentimental Journey!

Благодарю васъ, государь мой — сказалъ я словоохотному Французу: но естьли позволите, то я спросилъ бы еще — — «Гдѣ тотъ каретный сарай, перервалъ Офицеръ, въ которомъ Йорикъ познакомился съ милою сестрою Графа Л*?» — Гдѣ онъ помирился съ отцомъ Лорензомъ и . . . съ своею совѣстію. — «Гдѣ Йорикъ отдалъ ему черепаховую свою табакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?» — Но которая была ему дороже золотой и бриліянтовой. — «Этотъ сарай въ 50 шагахъ отсюда, черезъ улицу; но онъ запертъ, а ключь у Господина Дессеня, который теперь . . . у вечерни.» — Офицеръ засмѣялся, — поклонился, и ушелъ. — «Господинъ Дессень въ Театрѣ.» сказалъ мнѣ другой человѣкъ мимоходомъ. «Господинъ Дессень на караулѣ (сказалъ третій:) его недавно пожаловали въ Капралы Гвардіи.» — О Йорикъ!

думалъ я — о Йорикъ! какъ все перемѣнилось нынѣ во Франціи! Дессень Капраломъ! Дессень въ мундирѣ! Дессень на караулѣ! Grand Dieu! — Смерклось, и я возвратился въ свой трактиръ.

Что вамъ сказать о Кале? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ — и Англичане составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Домы не высокіе, — въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ трактирахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воздухъ напитанъ сыростію и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекотитъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

За ужиномъ ѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, отмѣнно вкусныхъ. Тутъ сидѣло человѣкъ 40; между прочими семь или восемь Англичанъ, которые только-что переѣхали черезъ Каналъ, и намѣрены странствовать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ Италіянецъ, великой говорунъ и великой трусъ; худымъ Англійскимъ и Французскимъ языкомъ разсказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись, и называли его Улиссомъ, который пугаетъ Царя Альцинноя повѣствованіемъ о страшныхъ небылицахъ *. Между тѣмъ они безпрестанно кричали трактирщику: *вина! вина! самаго лучша-*

* См. Одиссею.

го! du meilleur! du meillur! и розовое Шампанское лилось изъ урны своей не въ рюмки, а въ стаканы. Оно такъ хорошо алѣло въ стеклѣ, такъ хорошо пѣнилось, что и умѣренной другъ вашъ, не спрашивая о цѣнѣ, велѣлъ подать себѣ бутылку — du meilleur! du meilleur! Прекрасное вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, сидѣвшій подлѣ меня, доказывалъ убѣдительнымъ образомъ, что оно и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на божественный Нектаръ, который излился изъ роговъ святой козы Амальтеи *. «Мы давно слышали, сказалъ одинъ изъ Англичанъ, что Нѣмцы ученый народъ: теперь вѣрю этому. Vraiment. Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!» — Германецъ улыбался, и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постелю, и заснулъ; но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ Англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, топали, стучали и проч. и проч. Съ полчаса я терпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу и послалъ его напомнить Британцамъ, что они не одни въ трактирѣ, и что сосѣди ихъ, можетъ быть, хотятъ тишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *Годъ демъ*, они замолчали. — Рука не пишетъ болѣе — простите!

═

* Такъ говоритъ Миѳологія.

Кале, 10 часовъ утра.

Узнавъ, что пакетъ-ботъ нашъ не отвалитъ отъ берега прежде одиннадцати часовъ, я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ — очутился за городомъ, близъ кладбища, обсаженнаго высокими деревьями, и вспомнилъ могилу отца Лоренза, гдѣ Йориковы слезы лились на мягкой дернъ, — гдѣ въ одной рукѣ держалъ онъ табакерку добродушнаго монаха, а другою рвалъ зеленую траву. — Патеръ Лорензо! другъ Йорикъ! (думалъ я, облокотившись на одинъ мшистой камень) — гдѣ вы, не знаю; но желаю нѣкогда быть съ вами вмѣстѣ!

У ногъ моихъ синѣлись цвѣточки; я сорвалъ два, и спряталъ въ записную книжку свою. Вы ихъ увидите нѣкогда, — есть ли волны морскія не поглотятъ меня вмѣстѣ съ ними! — Простите!

═

Пакетъ-ботъ.

Мы уже три часа на морѣ; вѣтеръ пресильной; многіе пассажиры больны. Берегъ Французской скрылся отъ глазъ нашихъ — Англійской показывается въ отдаленіи.

Вмѣстѣ съ нами сѣли на пакет-ботъ мо-

лодый Лордъ и двѣ Англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ. — Лади и Миссъ любезны. Съ какимъ нетерпѣніемъ приближаются они къ отечеству, къ родственникамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шестилѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Лондонѣ! — Ахъ! я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣтили мою чувствительность, и для того, можетъ быть, обошлись со мною ласковѣе, нежели съ другими пассажирами. Черезъ два часа Лади занемогла морскою болѣзнію — Лордъ также — ихъ отвели въ каюту. Миссъ осталась на палубѣ; но скоро и она побѣлѣла. Вѣтеръ сорвалъ съ нее шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей стаканъ холодной воды; но ничто не помогало! Бѣдная Англичанка, смотря на меня умильными и томными глазами, говорила: Je suis mal, trés mal; ma poitrine se dèchire — Dieu! je crois mourir! *мнѣ дурно, очень дурно; грудь моя раздирается — я умираю!* — Наконецъ и ее должно было вести въ каюту къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы катились градомъ по блѣдному лицу — я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ страдающихъ; видя многія непріятныя явленія, которыя бываютъ всегдашнимъ слѣдствіемъ

морскихъ припадковъ, я самъ едва было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою больную, возвратился на палубу, и мало по малу отдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Подлѣ меня сидятъ теперь два Нѣмца — кажется, ремесленники, которые, думая, что ихъ никто не разумѣетъ, свободно разговариваютъ между собою. — «Что-то мы увидимъ въ Англіи? сказалъ одинъ: Французы намъ теперь извѣстны; въ нихъ не много пути.» — «Думаю, отвѣчалъ другой, что и Англія намъ не очень полюбится. Гдѣ лучше нашей любезной Германіи! Гдѣ лучше береговъ Рейна!» — «Гдѣ лучше Вейндорфа!» сказалъ первый съ улыбкою: «тамъ живетъ Анюта.» — Правда, отвѣчалъ другой со вздохомъ: тамъ живетъ Анюта. Не далеко оттуда живетъ и Лиза, примолвилъ онъ съ улыбкою. — Ахъ! не далеко! отвѣчалъ первый съ такимъ же вздохомъ. — «Еще шесть или семь мѣсяцевъ,» сказалъ одинъ, взявъ товарища своего за руку — — «Еще шесть или семь мѣсяцевъ, повторилъ другой, и мы въ Германіи!» — «И мы на берегу Рейна!» — «И мы въ Вейндорфѣ!» — «Тамъ, гдѣ живетъ Анюта!» — «Тамъ, гдѣ живетъ Лиза!» — «Дай Богъ! дай Богъ!» — сказали они въ одинъ голосъ, и крѣпко, крѣпко пожали руку одинъ у другаго.

Уже открывается Дувръ и высокія башни, въ которыхъ ночью зажигаютъ огонь для безопасности плавателей. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчаныя равни-

ны. Мы близко къ берегу; но еще буря можетъ унести насъ далеко въ необозримость морскую — еще опасность не миновалась — еще корабль нашъ можетъ удариться о подводные граниты, и погрузиться въ шумящей бездиѣ. Тогда . . . adieu!

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ, и я въ Англіи — въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы. — Здѣсь все другое: другіе домы, другія улицы, другіе люди, другая пища — однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Англія есть кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ домы изъ кирпичей покрыты черепицею, и некрашеные. Вездѣ видите дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувствуете ихъ запахъ, который для меня весьма непріятенъ; улицы широки и отмѣнно чисты; вездѣ *тротуары*, или камнемъ выстланныя дорожки для пѣшихъ — и на каждомъ шагу — въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дувръ—

встрѣчается вамъ красавица, въ черной шляпкѣ, съ кроткою, нѣжною улыбкою, съ посошкомъ въ бѣлой рукѣ.

Такъ, друзья мои! Англію можно назвать землею красоты — и путешественникъ, который не плѣнится миловидными Англичанками; который — особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ — можетъ смотрѣть равнодушно на ихъ прелести, долженъ имѣть каменное сердце. Часа два ходилъ я здѣсь по улицамъ единственно для того, чтобы любоваться Дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: «естьли ты не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!» — Англичанокъ не льзя уподобить розамъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны — но сія блѣдность показываетъ сердечную чувствительность, и дѣлается новою пріятностію на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на которыхъ, отъ розовыхъ облаковъ неба, мелькаютъ алые оттѣнки. Кажется, будто всякимъ томнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: *я умѣю любить нѣжно!* — Милыя, милыя Англичанки! — Но вы опасны для слабаго сердца, опаснѣе Нимфъ Калипсиныхъ, и вашъ островъ есть островъ волшебства, очарованія. Горе бѣдному странику! Равнодушно взглянетъ онъ съ берега на пылающій корабль свой, и снова устремитъ огненные глаза на какую нибудь Эвхарису *. Ахъ! ка-

* Извѣстно, что Телемакъ, влюбленный въ Калипсину Нимфу Эвхарису, не тужилъ о сгорѣвшемъ корабль своемъ.

кой Менторъ низвергнетъ его въ волны морскія!

Между тѣмъ не думайте, чтобы другъ вашъ, пріѣхавъ въ опасную Англію, гдѣ Купидонъ во всѣ стороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей твердости, ослабѣлъ и растаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ, друзья мои! я имѣлъ еще столько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древній замокъ, колодезь въ 360 футовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, которая называется карманнымъ пистолетомъ Королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдыхать на вершинѣ горы, и великолѣпнѣйшій видъ представился глазамъ моимъ. Съ одной стороны вся Кентская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ которое погружалось солнце, и гдѣ пестрѣли разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и милліоны пѣнистыхъ валовъ.

Англійскій Лордъ, любезная жена и милая сестра его, вышедши на берегъ, съ нѣжностію обняли другъ друга. «Берегъ моего отечества! (сказалъ Лордъ) я благословляю тебя!» — Они дали мнѣ свой Лонденской адресъ, и поѣхали въ наемной каретѣ.

Когда я пришелъ въ трактиръ, гдѣ мы остановились ночевать, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человѣкъ, весьма худо одѣтыхъ, которые грубымъ голосомъ требовали денегъ. Одинъ говорилъ: «дай

мнѣ шиллингъ за то, что я подалъ тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакет-бота;» другой: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднялъ платокъ твой, когда ты уронилъ его на землю;» третій: «дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до трактира чемоданъ твой.» Четвертый, пятый, шестый — всѣ требовали, всѣ объявляли права свои на мой кошелекъ; но я, бросивъ на землю два шиллинга, ушелъ отъ нихъ. Судите, любятъ ли здѣсь деньги, и дешево ли цѣнятъ Англичане трудъ свой?

Еще другая черта. Всѣ наши сундуки и вещи принесли съ пакет-бота въ таможню. «У меня нѣтъ ничего запрещеннаго, сказалъ я осмотрщикамъ: и естьли вы повѣрите моему честному слову, и не будете разбивать моего чемодана, то я съ благодарностію заплачу нѣсколько шиллинговъ.» — Нѣтъ, государь мой! отвѣчали мнѣ «намъ должно все видѣть.» — Я отперъ, и показалъ имъ старыя свои книги, бумаги, бѣлье, фраки. «Теперь, сказали они, вы должны заплатить полкроны.» — За что же? спросилъ я: развѣ вы были снисходительны, или нашли у меня что нибудь запрещенное? — «Нѣтъ; но безъ этого не получите своего чемодана.» Я пожалъ плечами, и заплатилъ три шиллинга. — И такъ Англійскіе таможенные приставы умѣютъ строго исполнять свою должность, и притомъ . . . наживаться!

Мнѣ хотѣлось видѣть Англійскую кухню.

Какая чистота! На полу нѣтъ ни пылинки; кастрюли, блюда, чашки — все бѣло, все свѣтло, все въ удивительномъ порядкѣ. Каменныя уголья пылаютъ на большомъ очагѣ, и розовымъ огнемъ своимъ прельщаютъ зрѣніе. Хозяйка улыбнулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: «видъ Французской кухни не рѣдко отнимаетъ аппетитъ; видъ вашей кухни производитъ его.»

Ужинъ нашъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросить вина, но вспомнилъ, что въ Англіи нѣтъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ портеру. Бутылка самаго худаго Шампанскаго или Бургонскаго стоитъ здѣсь болѣе четырехъ рублей! Простите! Теперь полночь.

═

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ четвероместную карету, и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя

деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ (въ чистыхъ, бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держатъ въ рукахъ корзинки, и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ Лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчаются вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ трактиры, и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабріолеты — однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи? — Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразила бъ мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и притомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой.

На каждыхъ четырехъ верстахъ перемѣня-

ли мы лошадей; но не смотря на то, постильйоны или кучера, coachmen, останавливаются раза три пить въ трактирахъ — и никто не смѣй имъ сказать ни слова!

Въ Кантербури, главномъ городѣ Кентской провинціи, пили мы чай, въ первый разъ по-Англійски, то есть, крѣпкой и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазанымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочестерѣ обѣдали, также по-Англійски, то есть, не ѣли ничего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салату, но мнѣ подали вялую траву, облитую уксусомъ: Англичане не любятъ никакой зелени. *Ростъ-бифъ*, *бифъ стекъ* * есть ихъ обыкновенная пища. Отъ того густѣетъ въ нихъ кровь; отъ того дѣлаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самихъ себя, и не рѣдко самоубійцами. Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина* ** можно прибавить еще двѣ другія: вѣчной туманъ отъ моря и вѣчный дымъ отъ угольевъ, который облаками носится здѣсь надъ городами и деревнями.

Мы проѣзжали мимо одного огромнаго замка, построеннаго на высокомъ мѣстѣ, откуда можно видѣть нѣсколько городовъ, множество деревень, рѣкъ, море, и проч. «Какъ щастливъ долженъ быть хозяинъ этого дому!» сказала наша сопутница, пожилая Францу-

* Жареная и битая говядина.

** То есть, меланхоліи.

женка. «Нѣтъ (отвѣчалъ молодой Кентской дворянинъ, ѣхавшій съ нами въ каретѣ): блестящая наружность и прекрасные виды не дѣлают человѣка благополучнымъ. Я знаю исторію хозяина; она горестна.» — Англичанинъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Лордъ О* былъ молодъ, хорошъ, богатъ; но съ самаго младенчества носилъ на лицѣ своемъ печать меланхоліи — и казалось, что жизнь, подобно свинцовому бремени, тяготила душу и сердце его. Двадцати-пяти лѣтъ женился онъ на знатной и любезной дѣвицѣ, оставилъ Лондонъ, пріѣхалъ въ нашу провинцію, въ этотъ замокъ, построенный и украшенный отцомъ его, и не смотря на всѣ ласки, на всѣ нѣжности милой супруги, предался болѣе, нежели когда нибудь, мрачной задумчивости и меланхоліи. Бѣдная Лади, живучи съ нимъ, страдала и томилась, semblable á ces flambeaux, à ces lugubres feux, qui brulent près des morts sans échauffer leur cendre. — Въ одинъ бурный вечеръ онъ взялъ ее за руку, привелъ въ густоту парка, и сказалъ: *я мучилъ тебя; сердце мое мертвое для всѣхъ радостей, не чувствуетъ цѣны твоей: мнѣ должно умереть — прости!* Въ самую сію минуту нещастный Лордъ прострѣлилъ себѣ голову, и упалъ мертвый къ ногамъ оцѣпенѣвшей жены своей. — Уже два года покоится въ землѣ прахъ его. Чувствительная вдова клялась не выѣзжать изъ замка, и всякой день проливаетъ слезы на гробѣ супруга, который былъ неизъяснимымъ

феноменомъ въ нравственномъ мiрѣ.» — Товарищи мои начали разсуждать о семъ происшествiи; я молчалъ.

Верстъ за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполъ церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другiя зданiя. Близъ него — такъ казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглу тонкой высокой столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось потомъ и Вестминстерское Аббатство, древнее готическое зданiе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями, вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. — Надобно было спускаться съ горы: я вышелъ изъ кареты — и смотря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Естьли бы товарищи не хватились меня, то я остался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой сторонѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя корабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молнiями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, средоточiе всемiрной торговли!

Мы въѣхали въ Лондонъ.

Лондонъ, Іюля . . . 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Естьли великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни одныхъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя, широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго роду товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ — образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая розница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе

общаго достатка; тамъ палатны, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ — Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ расфуфренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ: тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ сѣытный просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спокойно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переѣздовъ изъ земли въ землю! Человѣкъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домосѣдовъ. *Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду пріятелей и пріятности* — вотъ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

Наконецъ карета наша остановилась: товарищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало итти куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — куда же? Однажды, всходя въ Парижской Отели своей на лѣстницу, поднялъ я карточку, на которой было написано: *Г. Ромели въ Лондонѣ, на улицѣ Пель-Мель, въ 208 нумерѣ, имѣетъ комнаты для иностранцевъ.* Карточка

сохранилась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Гну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ позвать къ себѣ *обыкновеннаго* духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего пріѣзда въ Лондонъ! . . Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ Французскомъ тракитирѣ. «Комната не велика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ Эмигрантомъ; но онъ добрый человѣкъ, и согласится раздѣлить ее съ вами.» Товарища моего не было дома: въ горницѣ не нашелъ я ничего, кромѣ постели, гитары, картъ и . . . a black pair of silk breeches *. Въ ту же минуту явился Англійской парикмахеръ, толстый флегматикъ, который нарѣзалъ мнѣ щеки тупою бритвою, намазалъ голову саломъ и напудрилъ мукою . . . я уже не въ Парижѣ, гдѣ кисть искуснаго, веселаго Ролена ** подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшій ароматный иней! На мои жалобы: *ты меня рѣжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только печь сухари*, Англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: I dont unterstand

* Съ которыми отправился Иорикъ во Францію, какъ извѣстно.

** Имя моего Парижскаго парикмахера.

you. Sir: *я васъ не разумѣю!* И большой человѣкъ не есть ли ребенокъ? Бездѣлица веселитъ, бездѣлица огорчаетъ его: толстой Лондонской парикмахеръ грубостью своею какъ облакомъ затмилъ мою душу. Надѣвая на себя Парижской фракъ, я вздохнулъ о Парижѣ, и вышелъ изъ дому въ задумчивости, которая однакожь въ минуту разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи. . . . Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другова, и куда ни взглянешь, вездѣ перспектива огней, которые вдали кажутся вамъ огненною, безпрерывною нитью, протянутою въ воздухѣ. Я ничего подобнаго не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного Нѣмецкаго Принца, который, въѣхавъ въ Лондонъ ночью и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминованъ для его пріѣзда. Англійская нація любитъ свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны, чтобы замѣнять естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское Министерство давало пенсіи на *лунной свѣтъ* *; гордый Британецъ смѣется, звучитъ въ кармани гинеями, и велитъ Питту зажигать фонари засвѣтло.

Я люблю большіе города и многолюдство.

* Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ остатковъ суммы, опредѣленной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

въ которомъ человѣкъ можетъ быть уединеннѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя, подобно Китайскимъ тѣнямъ, мелькаютъ передо-мною, оставляя въ нервахъ легкія, едва примѣтныя впечатлѣнія; люблю теряться душею въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаться къ самому себѣ, — думать, что я средоточіе вещественнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, которая съ миріадами другихъ атомовъ обращается въ вихрѣ предопредѣленныхъ случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности; напротивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ вещественный, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отталкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей — но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую: извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать. — Ошибаюсь или нѣтъ; но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долговременное пребываніе, въ которомъ, занимаясь частями, теряемъ *чувство цѣлаго*. Свѣжее любопытство ловитъ главные, отли-

чительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и что при долгомъ, *повторительномъ* разсматриваніи запечатлѣется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, естьли бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захотѣлъ себѣ представить его въ картинѣ, то мнѣ надлежало бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня.

Кто скажетъ вамъ: *шумный Лондонъ!* тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. *Многолюденъ*, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности, и спѣшатъ отдыхать. Естьли бы отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные домы: двадцать, тридцать человѣкъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо естьли въ 10 минутъ услышите два слова — какія же? your health, gentleman! *ваше здоровье!* Мудрено ли, что Англичане славятся глубокомысліемъ въ Философіи? они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что Ораторы ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную сво-

боду глазамъ моимъ заниматься наружностію предметовъ, особливо лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ Граціями. Онѣ ходятъ какъ летаютъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Маленькія ножки, выставляясь изъ-подъ кисейной юбки, едва касаются до камней *троттуара*; на бѣломъ корсетѣ развѣвается Остъ-Индская *шаль*; и на шаль, изъ-подъ шляпки, падаютъ свѣтлые локоны. Англичанки по большой части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ темноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на Англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ Натуры. Правда, что такія гнусныя физіогноміи встрѣчаются только въ низкой черни Лондонскаго народа; но столь многообразны, живы и разительны, что десяти Лафатеровъ не достало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франтовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густо-насаленные волосы и виски до самыхъ плечь, толстой галстукъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинутый ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непри-

стойная походка : вотъ ихъ общія примѣты! Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Боркъ, Фоксъ, Шериданъ, Питтъ, въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разинями.

Скажите, друзья мои, нашему Н. обожателю Англичанъ, чтобъ онъ тотчасъ заказалъ себѣ дюжину *синихъ* фраковъ: это любимый цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человѣкъ, которые встрѣтятся вамъ на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцать увидите въ синихъ кафтанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое: остальныя наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *Таверну*. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было спрашивать, а я дурно выговаривалъ имя свое, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему . . . чемодану.

═

Лондонъ, Іюня. . . . 1790.

Я не видалъ еще никого въ Лондонѣ; не успѣлъ взять денегъ у Банкира, но успѣлъ слышать въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ Генделеву Ораторію, Мессію, отдавъ за входъ

последнюю пѣснею свою. Въ оркестрѣ было 900 музыкантовъ. Пѣли славная въ Европѣ Мара, Синьйора Кантело, Стораче, извѣстный пѣвецъ Паккіеротти, Норрисъ и проч. Инструментальною музыкою управлялъ Г. Крамеръ. Вообразите дѣйствіе 600 инструментовъ и 500 голосовъ, наилучшимъ образомъ согласныхъ, — въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія! какія трогательныя аріи! гремящіе хоры! быстрыя перемѣны чувствъ! Послѣ священнаго ужаса, вселяемаго аріею: who shall stand when he appears *, вы въ восторгѣ отъ хора: arise, shine, for thy light is come **. Печаль, грусть обнимаетъ сердце, когда Мара поетъ о Христѣ: he was a man of sorrows, and acquainted with grief ***. Такъ называемые *семи-хоры*, вопросами и отвѣтами, производятъ удивительное дѣйствіе. Одинъ: who is the king of glory? Другой: The Lord, strong and mighty. — Who is the king of glory; The Lord of Hosts ****. Послѣ чего *семи-хоръ* повторяется всѣмъ хоромъ. Я плакалъ отъ восхищенія, когда Мара пѣла арію: I know that my Redeemer lives — и дуэтъ съ Паккіеротти: O Death, where is thy sting? O grave, where is thy victory

* Кто устоитъ предъ лицемъ Его, и проч.

** Востань и сіяй, ибо явился свѣтъ Твой.

*** Онъ испыталъ горесть, узналъ печаль.

**** Кто Царь славы? Господь небесныхъ воинствъ.

* ? Я слыхалъ музыку Перголезіеву, Іомелліеву, Гайденову, но не бывалъ ничѣмъ столько растроганъ, какъ Генделевымъ Мессіею. И печально и радостно, и великолѣпно и чувствительно!

Ораторія раздѣляется на три части; послѣ каждой музыканты отдыхали, а слушатели, пользуясь тѣмъ временемъ, завтракали. Я былъ въ ложѣ съ однимъ купеческимъ семействомъ. Меня посадили на лучшемъ мѣстѣ и кормили пирогами, но нимало не думали занимать разговоромъ. Лишь только Король съ Фамиліею вошелъ въ ложу свою, одинъ изъ моихъ товарищей ударилъ меня по плечу и сказалъ: «вотъ нашъ добрый Джорджъ съ добры-«ми дѣтьми своими! Я нарочно наклонясь, чтобы «бы вы могли лучше видѣть ихъ.» Это мнѣ очень полюбилось, и полюбилось бы еще более, естьли бы онъ не такъ сильно ударилъ меня по плечу. — Вотъ другой случай: къ намъ вошла женщина съ *афишами*, и втерла мнѣ въ руки листочекъ, для того, чтобы взять съ меня 6 пенсовъ. Старшій изъ фамиліи выдернулъ его у меня съ сердцемъ и бросилъ женщинѣ, говоря: «ему не надобно; ты «хочешь отнять у него деньги; это стыдно. «Онъ иностранецъ, и не умѣетъ отговорить-«ся.» Хорошо, подумалъ я: но для чего ты, господинъ Британецъ, вырвалъ листокъ съ

* Живъ, живъ Спаситель мой! . . . О Смерть! гдѣ твое жало? Могила! гдѣ побѣда твоя?

такою грубостію? для чего задѣлъ меня имъ по носу?

Между тѣмъ я съ пріятнымъ любопытствомъ разсматривалъ Королевскую Фамилію. У всѣхъ добродушныя лица, и болѣе Нѣмецкія, нежели Англійскія. Видъ у Короля самый здоровый; никакихъ слѣдовъ прежней его болѣзни въ немъ не примѣтно. Дочери похожи на мать: совсѣмъ не красавицы, но довольно миловидны. Принцъ Валлисской хорошій мущина; только слишкомъ толстъ.

Тутъ видѣлъ я всю лучшую Лондонскую публику. Но всѣхъ болѣе занималъ меня молодой человѣкъ въ сѣренькомъ фракѣ, видомъ весьма обыкновенный, но умомъ своимъ рѣдкій; человѣкъ, который въ лѣтахъ цвѣтущей молодости живетъ единственно честолюбіемъ, имѣя цѣлію пользу своего отечества; родителя славнаго сынъ достойный, уважаемый всѣми истинными патріотами — однимъ словомъ, Вильгельмъ Питтъ! У него самое Англійское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на которомъ однакожъ изображается благородная важность и глубокомысліе. Онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ музыку — говорилъ съ тѣми, которые сидѣли подлѣ него — но болѣе казался задумчивымъ. Въ наружности его нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго. — — Слышавъ Генделя и видѣвъ Питта, не жалѣю своей гинеи.

Эта Ораторія дается каждый годъ, въ память сочинителю и въ знакъ признательно-

сти Англійскаго народа къ великимъ его талантамъ. Гендель жилъ и умеръ въ Лондонѣ.

Изъ Вестминстерскаго Аббатства прошелъ я въ славный Сент - Джемской паркъ — нѣсколько изрядныхъ липовыхъ аллей, обширный лугъ, гдѣ ходятъ коровы, и болѣе ничего!

═

Лондонъ, Іюля. . . 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксфортской улицѣ, близъ Cavendish Square. прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ которомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ — и болѣе никого. «Одинъ мущина съ тремя «женщинами! какъ страшно или весело!» Ни мало. Хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и сѣдыми волосами; а служанка успѣла уже разсказать мнѣ тайную исторію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею, и скоро будетъ щастливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приноситъ она мнѣ чай съ сухарями, и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нее странной: на примѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандисcона. Обожая Клементину, Дженни смѣется надъ

дѣвицею Байронъ, а Клариссу называетъ умною дурою. Таковы Лондонскія служанки!

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для меня . . самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперегъ. Онъ ужасно длиненъ, но въ иныхъ мѣстахъ очень узокъ; въ окружности же составляетъ верстъ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотитъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнутъ въ немъ какъ рѣки въ Океанѣ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большой части свободные и достаточные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, матрозы: тутъ рѣка съ великолѣпными своими мостами, тутъ Биржа; улицы тѣснѣе, и вездѣ множество народу. Тутъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагу плѣняетъ глаза въ Вестминстерѣ. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служитъ къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ на примѣръ Нева въ Петербургѣ, или Рона въ Ліонѣ), и будучи съ обѣихъ сторонъ застроена скверными домиками, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу терраса (называемая *Адельфи*), и къ нещастію въ такомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными угольями. Но и въ этой неопрятной части города находите вездѣ богатыя лавки и магазины, наполненныя всякаго рода товарами.

Индѣйскими и Американскими сокровищами, которыхъ запасено тутъ на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскошь не возмущаетъ, а радуетъ сердце, представляя вамъ разительный образъ человѣческой смѣлости, правственнаго сближенія народовъ и общественнаго просвѣщенія! Пусть гордый богачь, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаетъ, что услажденіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, питая безчисленное множество людей, питаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго, новыя идеи, новыя средства утѣшаться жизнію.

Нѣтъ другаго города столь пріятнаго для пѣшеходцевъ, какъ Лондонъ: вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе *тротуары*, которые по-Руски можно назвать *помостами*; ихъ всякое утро моютъ служанки (каждая передъ своимъ домомъ), такъ что и въ грязь и въ пыль у васъ ноги чисты. Одно только не нравится мнѣ въ этомъ *намостѣ*; а именно то, что безпрестанно видишь у ногъ отверстія, которыя ночью закрываются, а днемъ не всегда; и есть-ли въ хотя мало задумаетесь, то можете попасть въ нихъ какъ въ западню. Всякое отверстіе служитъ окномъ для кухни, или для какой нибудь Таверны; или тутъ ссыпаютъ земляные уголья: или тутъ маленькая лѣстница для схода внизъ. Надобно знать, что всѣ Лондонскіе

домы строятся съ подземельною частію, въ которой бываетъ обыкновенно кухня, погребъ и еще какія нибудь, очень невеселыя горницы для слугъ, служанокъ, бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нищета взбирается подъ облака, на чердакъ; а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать, что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ, а здѣсь топчутъ ногами.

Домы Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные, не бѣленые (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣе примѣтна), и представляютъ скучное, печальное единообразіе; но внутренность мила: все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ приходящихъ къ хозяину или къ хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, которая называется parlour: одни родные или друзья могутъ войти во внутреннія комнаты. — Воротъ здѣсь нѣтъ: изъ домовъ на улицу дѣлаются большія двери, которыя всегда бываютъ заперты. Кто придетъ, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два, хозяинъ три раза. Для каретъ и лошадей есть особливые отдѣленные дворы; при домахъ же бываютъ самые маленькіе дворики, устланные дерномъ; иногда и садикъ, но рѣдко, потому что мѣс-

та въ городѣ чрезмѣрно дороги. Ихъ по большой части отдаютъ здѣсь на выстройку: возьми мѣсто, построй домъ, живи въ немъ 15 или 20 лѣтъ, и послѣ отдай все тому, чья земля.

Что, есть ли бы Лондонъ при такихъ широкихъ улицахъ, при такомъ множествѣ красивыхъ лавокъ, былъ выстроенъ какъ Парижъ? Воображеніе не могло бы представить ничего великолѣпнѣе.

Не скоро привыкнешь къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимъ позднимъ обѣдамъ, которые можно почти назвать ужинами. Вообразите, что за столъ садятся въ 7 часовъ! Хорошо тому, кто спитъ до одиннадцати; но каково мнѣ, привыкшему вставать въ восемь? Брожу по улицамъ; любуюсь, какъ на вѣчной ярмонкѣ, разложенными въ лавкахъ товарами; смотрю на смѣшныя каррикатуры, выставляемыя на дверяхъ *въ эстампныхъ кабинетахъ*, и дивлюсь охотѣ Англичанъ. Какъ Французъ на всякой случай напишетъ пѣсенку, такъ Англичанинъ на все выдумаетъ каррикатуру. На примѣръ, теперь Лондонскій Кабинетъ ссорится съ Мадритскимъ за Нутка-Соундъ. Чтожъ представляетъ каррикатура? Министры обоихъ Дворовъ стоятъ по горло въ водѣ и дерутся въ кулачки; у Гишпанскаго кровь бьетъ уже фонтаномъ изъ носу. — Захожу завтракать въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная ветчина, свѣжее масло, славные пироги и конфекты; гдѣ все такъ чисто, такъ

прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки не дешевы, и меньше двухъ рублей не заплатишь, естьли аппетитъ хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыру берутъ также рубли два. За то велика учтивость: слуга отворяетъ вамъ дверь, и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете? — Но всего чаще обѣдаю у нашего Посла, Г. С. Р. В. человѣка умнаго, достойнаго, привѣтливаго, который живетъ совершенно по-Англійски, любитъ Англичанъ и любимъ ими. Всегда нахожу у него человѣкъ пять или шесть, по большой части иностранныхъ Министровъ. Обхожденіе Графа пріятно и ласково безъ всякой излишней короткости. Онъ истинный патріотъ, знаетъ хорошо Русскую Исторію, Литтературу, и читалъ мнѣ наизусть лучшія мѣста изъ Одъ Ломоносова. Такой посолъ не уронитъ своего Двора; за то Питтъ и Гренвиль очень уважаютъ его. Я замѣтилъ, что здѣшнія Министерскія конференціи бываютъ безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ Министръ къ Министру идетъ пѣшкомъ, во фракѣ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ сертукѣ; подаютъ чай — высылаютъ слугу — и, сидя на диванѣ, рѣшатъ важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность. Нашъ Графъ носитъ всегда синій фракъ и маленькой кошелекъ, который отличаетъ его отъ всѣхъ Лондонскихъ жите-

лей: потому что здѣсь никто кошельковъ не носитъ. На лѣто нанимаетъ онъ прекрасный сельской домъ въ Ричмондѣ (верстахъ въ 10 отъ Лондона), гдѣ я также у него былъ и ночевалъ.

Вчерашній день пригласилъ меня обѣдать богатый Англичанинъ Бакстеръ, Консулъ, въ загородный домъ свой, близъ Гайдъ-Парка. Въ ожиданіи шести часовъ я гулялъ въ Паркѣ, и видѣлъ множество Англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ скачутъ! Пріятно смотрѣть на ихъ смѣлость и ловкость; за каждою берейторъ. День былъ хорошъ: но вдругъ пошелъ дождь. Всѣ мои Амазонки спѣшились, и подъ тѣнію древнихъ дубовъ искали убѣжища. Я осмѣлился съ одною изъ нихъ заговорить по-Французски. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ; сказала два раза oui, два раза non — и болѣе ничего. Всѣ хорошо-воспитанные Англичане знаютъ Французской языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю Англійской. Какая розница съ нами! У насъ всякой, кто умѣетъ только сказать: comment vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ Французской языкъ, чтобы съ Русскимъ не говорить по-Русски; а въ нашемъ такъ называемомъ *хорошемъ обществѣ* безъ Францускаго языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? За чѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ право

не хуже другихъ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, поискали въ немъ выраженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши *остроумцы*, которые хотятъ быть Французскими Авторами. Бѣдные! они счастливы тѣмъ, что Французъ скажетъ объ нихъ: pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!

Извините, друзья мои, что я такъ разгорячился, и забылъ, что меня Бакстеръ ждетъ къ обѣду — совершенно Англійскому, кромѣ Французскаго супа. Ростбифъ, *потаты** , пудинги, и рюмка за рюмкой Кларету, Мадеры! Мущины пьютъ, женщины говорятъ между собою тихонько, и скоро оставляютъ насъ однихъ; снимаютъ скатерть, кладутъ на столъ какія-то пестрыя салфетки, и ставятъ множество бутылокъ: снова пить — *тосты*, здоровья! Всякой предлагаетъ свое; я сказалъ: *вѣчный миръ и цвѣтущая торговля!* Англичане мои сильно хлопнули рукою по столу, и выпили до дна. Въ 9 часовъ мы встали, всѣ розовые; пошли къ дамамъ пить чай, и наконецъ всякой отправился домой. Это, говорятъ, весело! По крайней мѣрѣ не мнѣ. Не для того ли пьютъ Англичане, что у нихъ вино дорого? они любятъ хвастаться своимъ богатствомъ. Или холодная кровь ихъ имѣетъ нужду въ разгорячені

* Земляныя яблоки.

Лондонъ, Іюля. . . 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ, и гнушался людьми.

Лучше, естьли бы совсѣмъ не было нужды въ тюрмахъ; но когда бѣдный человѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то Англійскія должно назвать благодѣяніемъ человѣчества, и Французская пословица: il n'y a point de belles prisons * здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судилище, Justice-Hall, гдѣ каждыя 6 недѣль собираются такъ называемые *присяжные*, Jury, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте честь Англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Разскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, естьли доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ дру-

* То есть: «нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ темницъ.»

гой судья, именуемый Шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса; и естьли 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а естьли признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судъ, выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочетъ «быть судимъ?» отвѣчаетъ: «по совѣсти и «закону моего отечества.» Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12, и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны: и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человѣкъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката: представляютъ свидѣтелей — и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить ни ѣсть, пока

они на что нибудь единодушно не согласят-ся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: *виноватъ* или *невиноватъ*, и дѣло рѣше-но безъ всякой апелляціи. Естьли скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только за-конъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясне-нія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, естьли законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другова! Не только осудить, но да-же и судить не льзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случа-евъ, въ которыхъ темное чувство невинны спасло невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятно-стямъ. На примѣръ: недавно одинъ ремеслен-никъ былъ судимъ за убійство; разныя ули-ки обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виноватъ!* двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причины. «Не знаю, отвѣчалъ онъ: но видъ этаго человѣка говоритъ моему серд-цу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голоду, нежели обвиню.» Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго.

Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городскаго судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгатъ, ту славную темницу, которой имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по большой части важные преступники, и требовали подаянія. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держать въ рукѣ кошелекъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди изобличенныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, примѣтя мое движеніе, сказалъ съ видомъ неудовольствія: «государь мой! разсыпьте вокругъ себя гинеи; васъ здѣсь не тронутъ; таковъ заведенный мною порядокъ.» — Для чего же не сдѣлаютъ васъ Лондонскимъ Полиціймейстеромъ? спросилъ я; и въ доказательство, что вѣрю ему, спряталъ обѣ руки въ жилетъ. Бросилъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ. — Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, водя насъ по разнымъ комнатамъ, говорилъ: «здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, а тамъ *господинъ* воръ, здѣсь *госпожа* фальшивая монетчица!» Не можно вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразятъ людей! Признаюсь, что

я сжавъ сердце ходилъ за надзирателемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли?* Но онъ хвастался передъ нами обширностію своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ одной комнатѣ заключенъ молодой человѣкъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову, и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился. Пріятное и томное лице его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда тюремщикъ сказалъ намъ, что онъ хотѣлъ умертвить госпожу свою и — любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему; а камердинеръ, въ минуту изступленія, выхватилъ кинжалъ, и ранилъ ее въ руку. Желаю знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгатѣ заключаются не только преступники, но и бѣдные должники: они раздѣлены съ первыми одною стѣною. Такое сосѣдство ужасно! И добрый человѣкъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями и видѣть передъ своими окнами казнь ихъ *? Съ нѣкотораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Ботани-Бейскую колонію: отъ чего Невгатъ называютъ ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ покажется, что нѣкоторые лучше хотятъ быть съ *честію повѣшены* въ Англіи, нежели плыть такъ далеко?» Мы любимъ свое отечество (говорятъ они) и не терпимъ дурнаго общества.»

* Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгатомъ.

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Кингс-Бенча *, или темницы для неплатящихъ должниковъ, — описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе читателей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный Англоманъ описываетъ тюрьму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ которыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ карты или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ Кингс-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ которыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные домы, которыхъ содержатели сами за долги содержатся въ Кингс-Бенчѣ — это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нимфы Венерины, тамъ сидящія, отправляютъ свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замуж-

* Выгода сидѣть въ Кингс-Бенчѣ, а не въ другой тюрьмѣ, покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгатъ.

ней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ бѣднякъ или платитъ, или идетъ въ тюрьму. Послѣднее спасеніе для дѣвицы или вдовы, которая не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ, есть въ Англіи замужество.

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другаго роду — пришелъ къ огромному зaмку, къ большимъ воротамъ — и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ статуяхъ, которыя весьма живо представляютъ *безуміе печальное* и *свирѣпое*. . . «Это Бедламъ!» скажете вы, и не ошибетесь. Надлежало сыскать надзирателя, который изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинныя галлереи раздѣлены желѣзною решеткою! на одной сторонѣ женщины, на другой мущины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсматривали съ великимъ вниманіемъ, начинали говорить между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучокъ, третья хотѣла сдуть пудру съ головы моей — и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкоторыя сидѣли въ глубокой задумчивости. «Это сумасшедшія «отъ любви, сказалъ надзиратель: онѣ всегда «смирны и молчаливы» И такъ нѣжнѣйшая страсть человѣческаго сердца и въ самомъ безуміи занимаетъ еще *всю душу*! *сонъ для отжившихъ предметовъ* все еще продолжается!...

Я подошелъ къ одной молодой, блѣдной женщинѣ, и смотрѣлъ на нее. Намъ разсказали ея исторію. Она Француженка, ушла отъ своихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ Англичаниномъ, пріѣхала въ Лондонъ, и скоро лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою. Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повредился. Я начиналъ говорить съ нею: она кланялась и не отвѣчала ни слова. Другая женщина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣла въ землю: нещастная думаетъ, что она приговорена къ смерти и будетъ сожжена на кострѣ; ничто не можетъ ее разувѣрить — и когда день пройдетъ, она говоритъ: «завтра, завтра сожгутъ меня!» Какое ужасное состояніе! — Многіе изъ мущинъ заставили насъ смѣяться. Иной воображаетъ себя пушкою и безпрестанно палитъ ртомъ своимъ; другой реветъ медвѣдемъ и ходитъ на четвереинькахъ. Бѣшеные сидятъ особливо; иные прикованы къ стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ безпрестанно смѣется и зоветъ къ себѣ людей, говоря: «я щастливъ! подите ко мнѣ; я вдохну въ васъ блаженство!» Но кто подойдетъ, того укуситъ. — Порядокъ въ домѣ, чистота, услуга и присмотръ за нещастными достойны удивленія. Между комнатами сдѣланы бани, теплыя и холодныя, которыми Медики лечатъ ихъ. Многіе выздоравливаютъ; и при выпускѣ каждый получаетъ безденежно нужныя лекарства для укрѣпленія души и тѣла. — Надзиратель провелъ насъ въ садъ, гдѣ гуляли самые

смирные изъ безумныхъ. Одинъ читалъ газеты: я заглянулъ въ нихъ и сказалъ: «это старыя.» Безумный улыбнулся очень умно, приподнялъ свою шляпу и вѣжливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «государь мой! мы живемъ въ «другомъ свѣтѣ; что у васъ старо, то у «насъ еще ново!»

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою Англійской Трагикъ Ли. Можетъ быть вы не знаете объ немъ слѣдующаго забавнаго анекдота. Одинъ пріятель посѣтилъ его въ домѣ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно ему обрадовался, говорилъ очень умно и привелъ его на высокую террасу; задумался и сказалъ: «Мой «другъ! хочешь ли быть вмѣстѣ со мною без«смертнымъ? Бросимся съ этой террасы: «тамъ внизу, на острыхъ камняхъ, ожида«етъ насъ славная смерть!» — Пріятель увидѣлъ опасность, но отвѣчалъ ему равнодушно: «ничего не мудрено броситься сверху; «гораздо славнѣе сойти внизъ, и оттуда «вспрыгнуть на террасу.» — Правда, правда! закричалъ стихотворецъ и побѣжалъ съ лѣстницы; а пріятель между тѣмъ убрался домой.

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями, и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? отъ чего же? отъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ мнѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія, дѣйствующихъ гораздо

рѣже нравственныхъ. Напримѣръ: когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Мущина стрѣляется, а нѣжная, кроткая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ; рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усилиться въ сердцѣ. Напротивъ того въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, утонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе нравиться есть первое и послѣднее чувство молодыхъ и старыхъ; на театрѣ, который можно назвать *театромъ любви*; въ книгахъ, усѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами — все, все наполняетъ душу горючимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, побывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаетъ уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще томится нѣжностію: та и другая любитъ *воображеніемъ*; одна угадываетъ, другая воспоминаетъ — но я право не удивлюсь теперь, есть ли покажутъ мнѣ десяти-или шести-десятилѣтнюю Сафу! Мущины тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодыхъ и старыхъ Селадоновъ и Алькивіадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ? — Возьмемъ въ примѣръ и славолюбіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели прежде. Я люблю вѣрить всѣмъ великимъ дѣламъ древнихъ Героевъ; положимъ, что Кодры и Деціи дали убивать себя, и что Курціи бросались въ

прошасшь: но фанатизмъ Религіи конечно болѣе славолюбія участвовалъ въ ихъ героизмѣ *. Тогда же войны были *народныя*; всякой дрался за *свои* Аѳины, за *свой* Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ Французъ или Гишпанецъ служитъ волонтеромъ въ Русской арміи единственно изъ чести; дерется храбро и умираетъ: вотъ славолюбіе!

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ страстей, чувствуетъ сильно и непріятности ихъ: рай и адъ для нее въ сосѣдствѣ; за восторгомъ слѣдуетъ или отчаяніе или меланхолія, которая столь часто отворяетъ дверь . . . . въ домъ сумасшедшихъ.

═

Лондонъ, Іюля. . . 1790.

Здѣсь терпимъ всякой образъ Вѣры; и есть ли въ Европѣ хотя одна Христіанская Секта, которой бы въ Англіи не было? Пуритане или Кальвинисты, Методисты или Набожные, Пресвитеріане, Соціане, Унитане, Квакеры, Геррнгутеры; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Всѣ же тѣ, которые не принадлежатъ къ главной или Епископ-

* О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

ской церкви, называются Диссентерами. Мнѣ хочется видѣть служеніе каждой Секты — и нынѣшній день началось мое пилигримство съ Квакеровъ. Въ 12 часовъ я пришелъ къ нимъ въ церковь: голыя стѣны, лавки и каѳедра. Всѣ одѣты просто; женщины не только безъ румянъ и пудры, но даже и ленточки ни на одной не увидите; мущины въ темныхъ кафтанахъ безъ пуговицъ и складокъ. Всякой войдетъ съ постнымъ лицомъ, ни на кого не взглянетъ, никому не поклонится, сядетъ на мѣсто и углубится въ размышленіе. Вы знаете, что у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни учителей, и въ церкви проповѣдуютъ единственно тѣ, которые вдругъ почувствуютъ въ себѣ дѣйствіе Св. Духа. Тогда вдохновенный стремится на каѳедру, говоритъ отъ полноты сердца, а другіе слушаютъ съ благоговѣніемъ. Я крайне любопытствовалъ видѣть такое явленіе, и смотрѣлъ на всѣ лица, чтобы схватить, такъ сказать, первыя черты вдохновенія. Проходитъ часъ, другой: царствуетъ глубокое молчаніе, которое изрѣдка перерывается . . . кашлемъ. Всѣ физіогноміи покойны; никто не кривляется; многіе засыпаютъ — и другъ вашъ съ ними. Просыпаюсь — смотрю на часы: три — а все еще никто не говоритъ. Дожидаюсь, снова зѣваю, снова засыпаю — наконецъ вижу пять часовъ, лишаюсь терпѣнія и ухожу ни съ чѣмъ! — Господа Квакеры впередъ вы меня не заманите!

═

Биржа и Королевское Общество.

Англичанинъ царствуетъ въ Парламентѣ и на Биржѣ; въ первомъ даетъ онъ законы самому себѣ, а на второй цѣлому торговому міру.

Лондонская Биржа есть огромное, четвереугольное зданіе, съ высокою башнею (на которой, вмѣсто флюгера, видите изображеніе сверчка *), съ колоннадами, портиками и съ величественными аркадами надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами статую Карла II, на высокомъ мраморномъ подножіи, и читаете въ надписи самую грубую лесть и ложь: *отцу отечества, лучшему изъ Королей, утѣхѣ рода человѣческаго*, и проч. Кругомъ вездѣ Амуры, не безъ смысла тутъ поставленные: извѣстно, что Карлъ II *любилъ любить*. Стоя на этомъ мѣстѣ куда ни взглянете, видите галлерею, гдѣ, подъ аркадами, собираются купцы, всякой день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлаютъ свои дѣла до трехъ. Тутъ человѣкъ человѣку даромъ не скажетъ слова, даромъ не пожметъ руки. Когда говорятъ, то идетъ торгъ; когда схватятся руками, то дѣло рѣшено, и корабль плыветъ въ Новый Іоркъ или за Мысъ Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжатъ, а не слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ, пришедшихъ или от-

* Сверчокъ былъ гербомъ Архитектора Биржи.

ходящихъ; можете плыть, куда только вздумаете: въ Малабаръ, въ Китай, въ Нутка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! — Тутъ славный Лойдовъ кофейный домъ, гдѣ собираются Лондонскіе страховщики, и куда стекаются новости изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежитъ большая книга, въ которую онѣ вписываются для любопытныхъ, и которая служитъ магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ Биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы завтракаютъ и пишутъ. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ — представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-Русски! Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь волшебнаго прутика перенесенъ въ мое отечество. Открылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы, торгующіе съ Россіею; всѣ они живали въ Петербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар**, Членъ его, ввелъ меня въ это славное ученое собраніе. Съ нами пришелъ еще молодой Шведской Баронъ Сил*, человѣкъ умный и пріятный. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: «здѣсь мы друзья, государь «мой *; храмъ Наукъ есть храмъ мира.» Я

* Тогда была у насъ война со Швеціею.

засмѣялся, и мы обнялись по-братски; а Г. Пар* закричалъ: «браво! браво!» Между шѣмъ Англичане, которые никогда не обнимаются, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ: имъ странно казалось, что два человѣка пришли въ ученое собраніе цѣловаться! . . . Профаны! вы не разумѣли нашей Мистики; вы не знали, что мы подали хорошій примѣръ воюющимъ державамъ, и что по тайной симпатіи дѣйствій онѣ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залѣ увидѣли мы большой столъ, покрытый книгами и бумагами; за столомъ, на бархатныхъ креслахъ, сидѣлъ Президентъ, Г. Банксъ, въ шляпѣ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ, въ знакъ того, что просвѣщенный умъ есть царь земли; Секретари читали переписку, по большой части съ Французскими Учеными. Г. Банксъ всякой разъ снималъ шляпу и говорилъ: «изъявимъ такому-то Господину благодарность нашу за его подарокъ!» — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о книгахъ, но съ великою скромностію. Читали еще другія бумаги, изъ которыхъ я не разумѣлъ половины. Черезъ два часа собраніе кончилось, и Г. Пар* подвелъ меня къ Президенту, который дурно произноситъ, но хорошо говоритъ по-Французски. Онъ человѣкъ тихой, и для Англичанина довольно привѣтливой.

═

Лондонъ Іюля. . . . 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столько примѣчанія достойныхъ вещей, какъ Парижъ, однакожь есть что видѣть, и всякой день употребляю нѣсколько часовъ на осматриваніе зданій, общественныхъ заведеній, Кабинетовъ; на примѣръ, нынѣшній день видѣлъ у Г. Толе (Towley) рѣдкое собраніе антиковъ, Египетскія статуи, древніе барельефы, между которыми живетъ хозяинъ, какъ скупецъ между сундуками.

Англія, богатая Философами и всякаго роду Авторами, но бѣдная художниками, произвела наконецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, которыхъ лучшія историческія картины собраны въ такъ называемой *Шекспировой галлереѣ*. Г. Бойдель вздумалъ, а художники и Публика оказали всю возможную патріотическую ревность для произведенія въ дѣйство щастливой идеи, изобразить лучшія сцены изъ Драмъ безсмертнаго Поэта, какъ для славы его, такъ и для славы Англійскаго Искусства. Охотники сыпали деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двадцати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обогащеніемъ галлереи, въ которой былъ я нѣсколько разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная твердо Шекспира, почти не имѣю нужды справляться съ описаніемъ, и смотря на картины, угадываю содержаніе. Всего болѣе нравится мнѣ работа Фисли, старинщаго Лафатерова дру-

та *; онъ выбираетъ изъ Шекспира самое фантастическое или *мечтательное*, и съ удивительною силою, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ *вещественность воздушнымъ его твореніямъ, даетъ имъ имя и мѣсто*, a local habitation and a name, какъ сказалъ одинъ Англичанинъ. Если бы воскресъ мечтатель-Поэтъ, какъ бы обнялъ онъ мечтателя-живописца! Картины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ, Вестовы также очень хороши и выразительны. — Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Орфордова собранія, купленнаго нашею Императрицею.

Здѣшняя церковь Св. Павла почти столько же славна, какъ Римская Св. Петра, и есть конечно вторая въ свѣтѣ по наружному своему великолѣпію; вы видали рисунки той и другой: есть сходство, но много и различія. Избавлю себя и васъ отъ подробностей; не хочу говорить о *стилѣ*, о безчисленныхъ колоннахъ, фронтонахъ, статуяхъ Апостоловъ, Королевы Анны, Великобританіи съ копьемъ, Франціи съ короною, Ирландіи съ арфою, Америки съ лукомъ; и даже не скажу ни слова о величествен-

* Въ молодости своей оба они влюбились въ одну дѣвицу: Лафатеръ пожертвовалъ ему своею любовью. Фисли, уѣхавъ въ Италію и посвятивъ себя Искуству, переставалъ отвѣчать на письма своего друга; но Лафатеръ всегда говоритъ объ немъ съ чувствомъ и съ жаромъ.

помъ куполѣ. Все эmo превозносипся и знашоками и невѣждами. Я замѣшилъ для себя одну прекрасную аллегорію; на фронпонѣ порпика изображенъ фениксъ, вылешающій изъ пламени съ Лапинскою надписью: *воскресаю!* чпо имѣепъ оппошеніе къ возобновленію эпой церкви, разрушенной пожаромъ. Окружающій ее балюспрадъ счипаепся первымъ въ свѣпѣ. Жаль, чпо она сжапа со всѣхъ спюронъ зданіями, и не имѣепъ большой площади, на копорой огромносшь ея показалась бы несравненно разишельнѣе! Жаль шакже, чпо Лондонской вѣчной дымъ не пощадилъ великолѣпнаго храма и закопшилъ его сверху до самаго золошаго шара, служащаго ему короною! Вошедши во внушренносшь, я сшупилъ, по совѣпу мосго вожашаго, на середину церкви, и осшановясь подъ самымъ куполомъ, долго смопрѣлъ вверхъ и вокругъ себя. Вы думаеше, чпо другъ вашъ, пораженный величесшвомъ храма, былъ въ восхищеніи! Нѣшъ; мысль, копорая вдругъ пришла мнѣ въ голову, все испоршила: «чпо значашъ всѣ наши своды передъ сводомъ «неба? сколько надобно ума и прудовъ для «произведенія сшоль неважнаго дѣйсшвія? не «есшь ли Искусшво самая безсшыдная обезь«яна Природы, когда оно хочешъ сморишь съ «нею въ величіи!» Между шѣмъ Чичероне мой говорилъ: «смоприше на эпу гордую аркаду, «на щишы, на фесшоны, на всѣ украшенія; «смоприше на живопись купола, на славные «органы, на колонны галлереи, и согласишесь,

«что вы не видали ничего подобнаго!» — Въ такъ называемомъ *Хоръ* сдѣланъ тронъ для Лондонскаго Епископа и мѣсто для Лондонскаго Лорда-Мера. . . Вдругъ началось въ церкви пѣніе столь пріятное, что я забылъ смотрѣть, слушалъ и плѣнялся во глубинѣ души моей. Прекрасные мальчики, въ бѣломъ платьѣ, пѣли хоромъ: они казались мнѣ Ангелами! Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ? Это непосредственный органъ божественной души! Декартъ, который всѣхъ животныхъ, кромѣ человѣка, хотѣлъ признавать машинами, не могъ слушать соловьевъ безъ досады; ему казалось, что нѣжная Филомела, трогая душу, опровергаетъ его систему; а система, какъ извѣстно, всего дороже Философу! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ. — Служеніе кончилось, и вожатой предложилъ мнѣ итти въ верхнія галлереи, вмѣстѣ съ Французскимъ Маркизомъ и женою его. Маркизъ задохнулся и сѣлъ на первой галлереѣ; но Француженка всходила бодро, и хотѣла быть на самомъ верху. Начались трудныя ступени, темныя, узкія переходы: Маркиза не отставала и кричала мнѣ: *далье!* Montez toujours! Я былъ на Стразбургской башнѣ, на Альпійскихъ горахъ, но усталъ до смерти, и есть ли бы не постыдился женщины, то отказался бы отъ славы быть на высочайшемъ пунктѣ Лондона. Мы взобрались едва

не подъ самой крестъ; наконецъ . . . nec plus ultra! остановились и забыли свою усталость. Прекрасный видъ! весь городъ, всѣ окружности передъ глазами! Лондонъ кажется грудою блестящей черепицы; безчисленныя мачты на Темзѣ частымъ камышемъ на маленькомъ ручейкѣ; рощи и парки густою крапивою. Мы пробыли съ часъ, и Француженка имѣла время показать мнѣ свое остроуміе, философію и наблюдательный духъ. «Въ Англіи, говоритъ «она, надобно только *смотрѣть*; *слушать* не-«чего. Англичане прекрасны видомъ, но скуч-«ны до крайности; женщины здѣсь миловидны, «и только: ихъ дѣло разливать чай и нянчить «дѣтей. Парламентскіе Ораторы кажутся «мнѣ Индѣйскими пѣтухами, Шекспировы «трагедіи игрищами и похоронами; здѣшніе «акторы умѣютъ только падать. Все это «несносно: не правда ли?» Я боялся противорѣчіемъ еще болѣе взволновать кровь ея, которая и безъ того была въ страшномъ движеніи; подалъ ей руку въ знакъ согласія, и мы пошли внизъ, дружелюбно раздѣляя опасности и говоря безъ умолку. — Craignez de faire un faux pas, madame. — «Ah! les femmes en font si souvent!» — C'est que les chûtes des femmes sont quelque fois très aimables. — «Oui. parce que les hommes en profitent.» — Elles s'en relevent avec grace. — «Mais non pas sans en ressentir la douleur le reste de leurs jours.» — La douleur d'une belle femme est une grace de plus. — «Et tout cela n'est que pour servir sa majesté, l'homme.» — Ce Roi est souvent detroné. Md. — «Comme notre bon et pau-

vre Louis XVI: n'est ce pas?» — A peu près. Md. — — Между тѣмъ мы сошли въ нижнюю галлерею, гдѣ Маркизъ сообщилъ намъ свои примѣчанія на живопись купола, и гдѣ мы забавлялись странною игрою звуковъ. Станьте въ одномъ мѣстѣ галлереи, и скажите что нибудь очень тихо: стоящіе вдали, напротивъ васъ, слышатъ ясно каждое слово *. Звукъ чуднымъ образомъ умножается къ окружности свода, и скрыпъ двери кажется вамъ сильнымъ ударомъ грома. Оттуда пошли мы въ Библіотеку, гдѣ примѣчанія достойна модель храма, которою Архитекторъ Св. Павла, Христофоръ Ренъ (Wren), весьма радовался, но которая для того не была произведена въ дѣйство, что походитъ на языческіе храмы. Художникъ досадовалъ, спорилъ, и наконецъ согласился сдѣлать другой планъ. — На мѣстѣ Св. Павла было нѣкогда славное капище Діаны; во второмъ вѣкѣ оно превратилось въ Христіанскую церковь, которая черезъ 400 лѣтъ была снова украшена и посвящена Апостолу Павлу; пять разъ горѣла, и не прежде какъ въ 1711 году явилась въ теперешнемъ своемъ видѣ. Она стоила 12 милліоновъ рублей.

═

Лондонская крѣпость, Tower, построена на Темзѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ, была прежде дворцомъ Англій-

* Это напомнило мнѣ Парижскую Salle du secret.

скихъ Королей, ихъ убѣжищемъ въ народныхъ возмущеніяхъ, наконецъ государственною темницею; а теперь въ ней монетной дворъ, арсеналъ, царская кладовая и — звѣри!

Я не давно читалъ Юма, и память моя тотчасъ представила мнѣ рядъ нещастныхъ Принцовъ, которые въ этой крѣпости были заключены и убиты. Англійская Исторія богата злодѣйствами; можно смѣло сказать, что по числу жителей въ Англіи болѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ погибло людей отъ внутреннихъ мятежей. Здѣсь Католики умерщвляли Реформатовъ, Реформаты Католиковъ, Роялисты Республиканцевъ, Республиканцы Роялистовъ; здѣсь была не одна Французская Революція. Сколько добродѣтельныхъ патріотовъ, Министровъ, любимцевъ Королевскихъ положило свою голову на эшафотѣ! Какое остервененіе въ сердцахъ! какое изступленіе умовъ! Книга выпадаетъ изъ рукъ. Кто полюбитъ Англичанъ, читая ихъ Исторію? Какіе Парламенты! Римской Сенатъ во время Калигулы былъ не хуже ихъ. Прочитавъ жизнь Кромвеля, вижу, что онъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не великой душѣ, а коварству своему и фанатизму тогдашняго времени. Рѣчи, говоренныя имъ въ Парламентѣ, наполнены удивительнымъ безуміемъ. Онъ нарочно путается въ словахъ, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великой человѣкъ не прибѣгаетъ къ такимъ малымъ средствамъ; онъ гово-

ришъ дѣло, или молчишъ. Сколь безсмысленно все говоренное и писанное Кромвелемъ, столь умны и глубокомыслены сочиненія Секрешаря его, Мильшона, который по восшесшвіи на пресшолъ Карла II спасся отъ эшафоша своего Поэмою, славою и всеобщимъ уваженіемъ.

Дворецъ Вильгельма Завоевателя еще цѣлъ и называется *бѣлою башнею*, white tower: зданіе безобразное и варварское! Другіе Короли къ нему присшроивали, окруживъ его сшѣнами и рвами.

Прежде всего показали намъ въ крѣпосши дикихъ звѣрей (забаву Королей Англійскихъ со времени Генриха I), а попомъ большую залу, гдѣ хранятся профеи перваго побѣдоноснаго флота Англіи, разбившаго славную Гишпанскую *Армаду*. Я съ великимъ любопышсшвомъ разсмашривалъ флаги и всякаго роду оружіе; думалъ о Филиппѣ, о Елисавешѣ; воображалъ смиренную гордость перваго и скромное величіе послѣдней; — воображалъ шу минушу, когда Герцогъ Сидонія упалъ на колѣни передъ своимъ Монархомъ, говоря: *флотъ твой погибъ!* и когда Филиппъ, съ милосшію прoсширая къ нему руку, отвѣчалъ: *да будетъ воля Божія!* — Я воображалъ всеобщую ревносшь Лондонскихъ гражданъ и солдашъ Елисавешиныхъ, когда она, въ видѣ Любви и Красоты, какъ богиня явилась между ими, говоря: *друзья! не оставьте меня и отечество!* и когда всѣ они единодушно отпвѣчали: *умремъ за тебя и спасемъ отечество!*...

Замѣтьте, что не только Гишпанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались стыдомъ и ничтожностію. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами! тутъ Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе пастухи истребляютъ лучшія арміи; здѣсь Венеція или Прусской Фридрихъ противится всей Европѣ и заключаетъ славный миръ.

Оттуда пошли мы въ большой арсеналъ... прекрасный и грозный видъ! Стѣны, колонны, пиластры, все составлено изъ оружія, которое ослѣпляетъ глаза своимъ блескомъ. Одно слово — и 100,000 человѣкъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ. — Внизу подъ малымъ арсеналомъ, въ длинной галлереѣ, стоитъ *Королевская артиллерія* между столбами, на которыхъ висятъ знамена, въ разныя времена отнятыя Англичанами у непріятелей. Тутъ же видите вы изображеніе знаменитѣйшихъ Англійскихъ Королей и Героевъ: каждой сидитъ на лошади, въ *своихъ* латахъ и съ мечемъ *своимъ*. Я долго смотрѣлъ на храбраго *Чернаго Принца*.

Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоцѣнныхъ камней; золотую державу съ фіолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не полагаютъ; скипетръ, такъ называемые *мечи милосердія, духовнаго* и *временнаго правосудія*, носимые передъ Англійскими

Королями въ обрядѣ коронованія — серебряныя купѣли для царской фамиліи, и пребогатый *государственный вѣнецъ*, надѣваемый Королемъ для присутствія въ Парламентѣ, и украшенный большимъ изумрудомъ, рубиномъ и жемчугомъ.

Тутъ же показываютъ и топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Грей!!

Наконецъ ввели насъ въ монетную, гдѣ дѣлаютъ золотыя и серебряныя деньги; но это Англійская *Тайная*, и вамъ говорятъ: *сюда не ходите, сюда не глядите; туда васъ не пустятъ!* — Мы видѣли кучу гиней, но Г. надзиратель не постыдился взять съ насъ нѣсколько шиллинговъ!

═

Сентъ-Джемской дворецъ есть, можетъ быть, самый бѣднѣйшій въ Европѣ. Смотря на него, пышный человѣкъ не захочетъ быть Англійскимъ Монархомъ. Внутри также нѣтъ ничего царскаго. Тутъ Король обыкновенно показывается чужестраннымъ Министрамъ и публикѣ; а живетъ въ Королевиномъ Дворцѣ, Buckinghamhouse, гдѣ комнаты убраны со вкусомъ, отчасти работою самой Королевы, и гдѣ всего любопытнѣе славные Рафаэлевы картоны или рисунки; ихъ всего 12: 7 у Королевы Англійской, два у Короля Французскаго,

два у Сардинскаго, а двѣнадцатой у одного Англичанина, который, занявъ для покупки сего драгоцѣннаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный. На нихъ изображены разныя чудеса изъ Новаго Завѣта; фигуры всѣ въ человѣческій ростъ. Художники считаютъ ихъ образцомъ правильности и смѣлости. — Я видѣлъ торжественное собраніе во Дворцѣ; однакожъ не входилъ въ парадную залу, будучи въ простомъ фракѣ.

Уайтъ-галъ (White-hall) былъ прежде Дворцомъ Англійскихъ Королей — сгорѣлъ, и теперь существуютъ только его остатки, между которыми достойна примѣчанія большая зала, расписанная вверху Рубенсомъ. Въ семъ зданіи показываютъ закладенное окно, изъ котораго несчастный Карлъ сведенъ былъ на эшафотъ. Тамъ, гдѣ онъ лишился жизни, стоитъ мраморное изображеніе Іакова II; поднявъ руку, онъ указываетъ пальцемъ на мѣсто казни отца его *.

Адмиралтейство есть также одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ. Тутъ засѣдаютъ пять главныхъ Морскихъ Коммисаровъ; они

* Я видѣлъ и статую Карла I, любопытную по слѣдующему анекдоту. Послѣ его бѣдственной кончины, она была снята и куплена мѣдникомъ, который продалъ безчисленное множество шандаловъ, увѣряя, что они вылиты изъ металла статуи; но въ самомъ дѣлѣ онъ спряталъ ее, и подарилъ Карлу II, при его восшествіи на престолъ — за что былъ награжденъ весьма щедро.

разсылаютъ приказы къ начальникамъ Портовъ и къ Адмираламъ; всѣ выборы флотскихъ Чиновниковъ отъ нихъ зависятъ.

Палаты Лорда-Мера и Банкъ стоятъ примѣчательнаго взгляда; самый огромный домъ въ Лондонѣ есть такъ называемый *Соммерсетъ-гаусъ* на Темзѣ, который еще не достроенъ, и похожъ на цѣлый городъ. Тутъ соединены всѣ городскіе Приказы, Коммисіи, Бюро; тутъ живутъ Казначеи, Секретари, и проч. Архитектура очень хороша и величественна. — Еще замѣтны домы Бетфордовъ, Честерфильдовъ, Девонширскаго Герцога, Принца Валлисскаго, (который даетъ впрочемъ дурную идею о вкусѣ хозяина или Архитектора); другіе всѣ малы и ничтожны.

Описанія свои заключу я примѣчаніемъ на счетъ Англійскаго любопытства. Что ни пойдете вы здѣсь осматривать: церковь ли Св. Павла, Шекспирову ли галлерею, или домъ какой, вездѣ находите множество людей, особливо женщинъ. Не мудрено: въ Лондонѣ обѣдаютъ поздно; и кто не имѣетъ дѣла, тому надобно выдумывать, чѣмъ занять себя до шести часовъ.

═

Виндзоръ.

Земляки мои непремѣнно хотѣли видѣть славную скачку близъ Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приноситъ хозяину иногда болѣе Остъ-Индскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхать, и въ 9 часъ утра поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минутъ очутились на первой станціи. — «Лошадей!» — *А гдѣ ихъ взять? есть въ разгонѣ.* — «Вздоръ! это развѣ не лошади?» — *Онѣ приготовлены для другихъ, для васъ нѣтъ ни одной.* — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились итти пѣшкомъ, не смотря на жаръ и пыль. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо которыхъ какъ птицы пролетѣли мы на борзыхъ Англійскихъ коняхъ, объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Британцы! думалъ я: обсыпайте насъ пылью; но за чѣмъ смѣяться? — Иные кричали даже: «добрый путь, господа! видно, «по обѣщанію!» — Но Русскихъ не такъ легко унизить; мы сами начали смѣяться; скинули съ себя кафтаны, шли бодро и пѣли даже Французскія аріи; отобѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и въ 5 часовъ, своротивъ не много съ большой дороги, вступили въ Виндзорской Паркъ. . . .

Thy forests, Windsor! and thy green retreats,
At once the Monarch's and the Muse's seats.

Pope.

Мы сняли шляпы . . . вѣря Поэту, что это священный лѣсъ. «Здѣсь, говоритъ онъ «являются боги во всемъ своемъ великолѣпіи; «здѣсь Панъ окруженъ безчисленными стадами, Помона разсыпаетъ плоды свои, Флора «цвѣтитъ луга, и дары Цереры волнуются «какъ необозримое море» . . . Описаніе Стихотворца пышно, но справедливо. Мрачные лѣса, прекрасные лѣсочки, поля, луга, безконечныя аллеи, зеркальные каналы, рѣки и рѣчки, все есть въ Виндзерскомъ паркѣ! — Какъ мы веселились, отдыхали и снова утомлялись, то сидя подъ густою сѣнію, гдѣ пѣли надъ нами всякаго роду лѣсныя птицы, то бѣгая съ оленями, которыхъ тутъ множество! — Стихотворецъ у меня въ мысляхъ и въ рукахъ. Я ищу береговъ унылой Лодоны, гдѣ, по его словамъ, часто купалась Цинтія — Діана. . . .

Изъ юныхъ Нимфъ ея дочь Темса, Лодона,
Была славнѣе всѣхъ; и взоръ Эндиміона
Лишь потому ее съ Діаной различалъ,
Что мѣсяцъ золотой богиню украшалъ.
Но смертныхъ и боговъ плѣняя, не плѣнялась:
Одна свобода ей съ невинностью мила,
И ловля птицъ, звѣрей утѣхою была.
Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась;
Зефиръ игралъ въ ея струистыхъ волосахъ;

Рѣзной колчанъ звенѣлъ съ стрѣлами на плечахъ,
И мѣткое копье * за спиною свистало.
Однажды Панъ ее увидѣлъ, полюбилъ,
И сердце у него желаньемъ воспылало.
Она бѣжитъ . . . въ любви предметъ бѣгущій милъ,
И Нимфа робкая стыдливостью своею
Для дерзкаго еще прелестнѣе была.
Какъ горлица летитъ отъ хищнаго орла,
Какъ яростный орелъ стремится въ слѣдъ за нею,
Такъ Нимфа отъ него, такъ онъ за Нимфой въ слѣдъ —
И ближе, ближе къ ней. . . Она изнемогаетъ;
Слаба, блѣдна . . . въ глазахъ ея темнѣетъ свѣтъ,
Уже тѣнь Панова Лодону настигаетъ,
И Нимфа слышитъ стукъ ногъ бога за собой;
Дыханіе его какъ вѣтеръ развѣваетъ
Ей волосы. . . Тогда, оставлена Судьбой,
Въ отчаяньи своемъ нещастная, къ богинѣ
Душею обратясь, такъ мыслила: «спаси,
«О Цинтія! меня; въ дубравы перенеси,
«На родину мою! Ахъ! пусть я тамъ отнынѣ
«Стенаю горестно, и слезы лью ручьемъ!»
Исполнилось . . . и вдругъ, какъ будто бы слезами
Изливъ тоску свою, она течетъ струями,
Стеная жалобно въ журчаніи своемъ.
Потокъ сей и теперь Лодоной называемъ,
Чистъ, хладенъ какъ она; тотъ лѣсъ имъ орошаемъ,
Гдѣ Нимфа нѣкогда гуляла и жила,
Діана моется въ его водѣ кристальной,
И память Нимфина донынѣ ей мила!
Когда вообразитъ ея конецъ печальной,
Струи сливаются съ богининой слезой.
Пастухъ, задумавшись, журчанью ихъ внимаетъ;
Сидя подъ тѣнію, въ нихъ часто созерцаетъ

* Легкія копья, съ которыми изображаются Діанины Нимфы, были *бросаемы* въ звѣрей.

Луну у ногъ своихъ и горы внизъ главой,
Плывущій рядъ деревъ, надъ берегомъ висящихъ,
И воду свѣтлую собою зеленящихъ.
Среди прекрасныхъ мѣстъ излучистымъ путемъ
Лодона тихая едва, едва струится;
Но вдругъ, быстрѣе ставъ въ теченіи своемъ,
Спѣшитъ съ отцомъ ея навѣкъ соединиться *.

Извините, есть-ли переводъ хуже оригинала. Слушая томное журчаніе Лодоны, я вздумалъ разсказать ея исторію въ Русскихъ стихахъ.

Мнѣ хотѣлось бы многое перевести вамъ изъ Windsor-Forest: на примѣръ, щастіе сельскаго жителя, любителя Наукъ и любимца Музъ; описаніе бога Тамеса, который, поднявъ свою влажную главу, оперись на урну и озираясь вокругъ себя, славословитъ миръ и предсказываетъ величіе Англіи. Но солнце заходитъ, а намъ должно еще видѣть славную скачку. Мы спѣшимъ, спѣшимъ. . . .

Теперь вы, друзья мои, ожидаете отъ меня другой картины; хотите видѣть, какъ 30, 40 человѣкъ, одѣтыхъ Зефирами, садятся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаются на стременахъ, удерживаютъ дыханіе, и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждутъ знака, чтобы скакать, летѣть къ цѣли, опередить другихъ, схватить знамя и упасть на землю безъ памяти; хотите ле-

* Съ Темзою, которая въ Поэзіи называется богомъ Тамесомъ.

тѣть взоромъ за скакунами, изъ которыхъ всякой кажется Пегасомъ; хотите въ то же время угадывать по глазамъ зрителей, кто кому желаетъ побѣды, чья душа за какою лошадью несется; хотите читать въ нихъ надежду, страхъ, опять надежду, восторгъ или отчаяніе; хотите слышать радостные плески въ честь побѣдителя: *браво! виватъ! ура!* . . . Ошибаетесь, друзья мои! мы опоздали, ничего не видали, посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорской дворецъ. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ; всходъ нечувствителенъ, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извивается величественная Темза, опушенная лѣсочками; а на другой большая гора, покрытая густымъ лѣсомъ. Передъ дворцомъ, на террасѣ, гуляли Принцессы, дочери Королевскія въ простыхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ соломенныхъ шляпкахъ, съ тросточками, какъ сельскія пастушки. Онѣ рѣзвились, бѣгали и кричали другъ другу: ma soeur, ma soeur! Глаза мои искали Елисаветы: воображеніе мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица; но скромный видъ ея нравится.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими Королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Ми-

кель-Анджеловыхъ, Пуссеневыхъ, Корреджіевыхъ и портретовъ Вандиковыхъ. Изъ спальни входъ въ *залу красоты*, гдѣ стоятъ портреты прелестнѣйшихъ женщинъ во время Карла II. Хотите ли знать имена ихъ? Mistriss Knoff, Lawson. Lady Sunderland, Rochester, Denham, Middleton, Byron. Richmond, Clevelant. Sommerset, Northumberland. Grammont, Ossory. Естьли живописцы не льстили, то онѣ были подлинно красавицы, даже и въ Англіи, гдѣ такъ много пріятныхъ женскихъ лицъ. . . . Нѣкоторые плафоны въ комнатахъ очень хороши; также и рѣзная работа. Я долго смотрѣлъ на портретъ нашего Великаго Петра, написанный во время Его пребыванія въ Лондонѣ живописцомъ Неллеромъ. Императоръ былъ тогда еще молодъ: это Марсъ въ Преображенскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія, или Кавалеровъ Подвязки, стòитъ того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ; она велика и прекрасна своею архитектурою. Въ большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ Карлъ II въ Орденской одеждѣ, а за нимъ, въ видѣ женщинъ, три Соединенныя Королевства. Изобиліе и Религія держатъ надъ нимъ корону. Тутъ же изображено Монархическое Правленіе, которое опирается на Религію и Вѣчность. Правосудіе, Сила, Умѣренность и Благоразуміе гонятъ мятежъ и бунтъ. Подлѣ трона, въ осьмиугольникѣ, подъ крестомъ Св. Георгія, окруженнымъ подвязкою и Купидонами, вырѣзана надпись: Honni soit

qui mal y pense! Однимъ словомъ, какъ въ Версальскомъ Дворцѣ все дышетъ Людовикомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о которомъ Англійскіе патріоты не любятъ воспоминать.

═

Виндзорскій паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго парка, слушая пѣніе лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи — не спалъ, но видѣлъ сны, восхитительные и печальные.

Темныя, лестныя, милыя надежды сердца! исполнитесь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть щастливымъ, узнаю щастье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блистанію молній, и при концѣ жизни скажу: «я не жилъ!»

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть? Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полнотѣ жизни, творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и Слава, два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и подымаютъ

руку, чтобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхитительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборѣ щастья, и наслаждается возможнымъ еще болѣе, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; опытность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности щастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скатилась съ горизонта — чтожъ осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска — чувство, подобное тому, которое имѣетъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. — А слава? . . . Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовію растерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали сю щастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліютъ еще ядъ свой.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: «тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!» Потери

мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда, сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное щастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей тратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки (которая не оставила насъ вмѣстѣ съ невѣрными любовницами!) извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой птички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «доброе *утро*, господинъ!» Что со мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: «добрый *вечеръ!*» Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ объ

человѣкѣ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажутъ объ немъ: «какъ онъ старъ!»

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя *со временемъ будутъ моими!* . . . . . .

═

Лондонъ, Іюля. . . . 1790.

Трое Русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботикъ и поплыли въ Гриничь. День прекрасный — мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распущенными флагами приходятъ и вытираются въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми парусами готовы летѣть на край міра. Мы смотримъ, любуемся, разсуждаемъ — и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, которыя столько чудесъ производятъ въ свѣтѣ и столько выгодъ доставляютъ въ жизни. Кусокъ золота — нѣтъ, еще лучше: клочекъ бумажки, присланный изъ Москвы въ Лондонъ, какъ волшебный талисманъ даетъ мнѣ власть надъ людьми и вещами: захочу, имѣю — скажу, сдѣлано. Все, кажется, ожи-

даетъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничь — стукнулъ въ рукѣ бѣленькими кружками — и гордые Англичане исполняютъ мою волю, пѣнятъ веслами Темзу, и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообразныя картины человѣческаго трудолюбія и Природы. — Разговоръ нашъ еще не кончился, а ботикъ у берега.

Первый предметъ, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признательная Англія осыпаетъ цвѣтами старость своихъ мореходцовъ, орудіе величества и силы ея. Не многіе Цари живутъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе престарѣлые матрозы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣленныхъ красивою площадью, и назади соединяемыхъ колоннадами и Губернаторскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Сѣдые старцы, опершись на балюстрадъ террасы, видятъ корабли, на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что можетъ быть для нихъ пріятнѣе! сколько воспоминаній для каждаго? Такъ и они въ свое время разсѣкали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой стороны, плывущіе на корабляхъ матрозы смотрятъ на Гриничь и думаютъ: «тамъ готово при-«станище для нашей старости! Отечество «благодарно; оно призритъ и успокоитъ насъ, «когда мы въ его служеніи истощимъ силы «свои!»

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эвръ летитъ съ востока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; тутъ Австеръ, окруженный тучами и молніями, льетъ воду; Зефиръ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ Англійской корабль, украшенный трофеями, и главнѣйшія рѣки Британіи, отягченныя сокровищами; тамъ изображенія славнѣйшихъ Астрономовъ, которые своими открытіями способствовали успѣхамъ Навигаціи. —Имена патріотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе Госпитали, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный Англичанамъ Король, попирающій ногами самовластіе и тиранство. Между многими другими, но большой части аллегорическими картинами, читаете надписи: Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica.

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплатить около рубля за свое любопытство; не больно давать деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго матроза, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе Госпитали; за то всякой матрозъ можетъ быть тамъ принятъ, есть ли докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжать службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ отнять у непріятеля ко-

рабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 ф. баранины, $1\frac{1}{2}$ ф. сыру, столько же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напомню вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Гильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что Госпиталь заслуженыхъ матрозовъ похожа здѣсь на дворецъ, а дворецъ Вашего Величества похожъ «на Госпиталь.» — Въ Англіи много хорошаго; а всего лучше общественныя заведенія, которыя доказываютъ благодѣтельную мудрость Правленія. Salus publica есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

Гриничь самъ по себѣ есть красивый городокъ; тамъ родилась Елисавета. — Мы отобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ, и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ! . . .

Вообразите безконечныя аллеи, цѣлые лѣса, ярко освѣщенные огнями; галлереи, колоннады, павильйоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великихъ людей; среди густой зелени тріумфальныя, пылающія арки, подъ которыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, убранные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные

глаза мои ищутъ мрака; я вхожу въ узкую крытую аллею, и мнѣ говорятъ: *вотъ гульбище Друидовъ* *! Иду далѣе; вижу, при свѣтѣ луны и отдаленныхъ огней, пустыню и разсѣянные холмики, представляющіе Римской станъ; тутъ растутъ кипарисы и кедры. На одномъ пригоркѣ сидитъ Мильтонъ — мраморный — и слушаетъ музыку; далѣе — обелискъ, Китайской садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги. . . . Возвращаюсь къ оркестру.

Естьли вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славный Англійской Воксалъ, которому напрасно хотятъ подражать въ другихъ земляхъ. Вотъ прекрасное, вечернее гульбище, достойное умнаго и богатаго народа!

Оркестръ играетъ по большей части любимыя народныя пѣсни; поютъ актеры и актрисы Лондонскихъ Театровъ; а слушатели, въ знакъ удовольствія, часто бросаютъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ, и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, не зная, куда и за чѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: Take care of your poskets! *берегите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуются этою минутою). Въ то же время открылась прозрачная картина,

* Имя аллеи.

представляющая сельскую сцену. «Хорошо! «думалъ я: но не стоитъ того, чтобы бѣ- «жать безъ памяти и давить людей.»

Лондонской Воксалъ соединяетъ всѣ состоянія: тутъ бываютъ и знатные люди и лакеи, и лучшія дамы и публичныя женщины. Одни кажутся актерами, другіе зрителями. — Я обходилъ всѣ галлереи и осмотрѣлъ всѣ картины, написанныя по большой части изъ Шекспировыхъ драмъ или изъ новѣйшей Англійской Исторіи. Большая ротонда, гдѣ въ ненастное время бываетъ музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя въ десяти живыхъ портретахъ.

Часу въ двѣнадцатомъ начались ужины въ павильйонахъ, и въ лѣсочкѣ заиграли на рогахъ. Я отъ роду не видывалъ такого множества людей сидящихъ за столами — что имѣетъ видъ какого-то великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали себѣ павильйонъ; велѣли подать цыпленка, анчоусовъ, сыру, масла, бутылку Кларету, и заплатили рублей шесть.

Воксалъ въ двухъ миляхъ отъ Лондона, и лѣтомъ бываетъ отворенъ всякой вечеръ; за входъ платится копѣекъ сорокъ. — Я на разсвѣтѣ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

Выборъ въ парламентъ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ Парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему щастію, надлежало быть выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Вестминстеръ избираетъ двухъ Членовъ. Министры желали Лорда Гуда, а противники ихъ Фокса; болѣе не было Кандидатовъ. Наканунѣ избранія угощались безденежно въ двухъ таверпахъ всѣ Вестминстерскіе жители, которые имѣютъ голосъ: въ одной подчивали Министры, а въ другой пріятели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть этотъ праздникъ: вошелъ въ таверну, и долженъ былъ выпить стаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ Англичане довольно шумѣли.... Fox for ever! *да здравствуетъ Фоксъ! нашъ доброй, умный Фоксъ, лисица именемъ *, левъ сердцемъ, патріотъ, другъ Вестминстерскаго народа!* — Тутъ были всякаго роду люди: и Лорды и ремесленники. Кто имѣетъ свой уголокъ въ Вестминстерѣ, тотъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано по утру отправился я съ земляками своими на Ковентгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, такъ что мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галлереи, которая на это время дѣлается изъ досокъ, и въ которой Избиратели записываютъ свои голоса. Самихъ Кандидатовъ еще не было; но друзья ихъ работали, говорили

* Фоксъ значитъ лисица.

рѣчи, махали шляпами, и кричали: Hood for ever! Fox for ever! Тутъ люди въ голубыхъ лентахъ дружески пожимали руку у сапожниковъ. — Вдругъ явился человѣкъ лѣтъ пятидесяти, неопрятно одѣтый, видомъ неважный, снялъ шляпу и показалъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. «Сограждане!» сказалъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ табаку, которымъ засыпанъ былъ весь длинный камзолъ его: «со-«граждане! истинная Англійская свобода у «насъ давно уже не въ модѣ; но я человѣкъ «старинной, и люблю отечество по старин-«ному. Вамъ говорятъ, что нынѣшній день «есть торжество гражданскихъ правъ вашихъ; «но пользуетесь ли вы ими, когда вамъ предлага-«ютъ изъ двухъ Кандидатовъ выбрать двухъ «Членовъ? Они уже выбраны! Министры съ «противниками согласились, и надъ вами шу-«тятъ.» — (Тутъ онъ еще нѣсколько разъ понюхалъ табаку, а народъ говорилъ: «это «правда; надъ нами шутятъ.») — «Сограждa-«не! для поддержанія вашихъ правъ, драго-«цѣнныхъ моему сердцу, я самъ себя предла-«гаю въ Кандидаты. Знаю, что меня не вы-«берутъ; но по крайней мѣрѣ вы будете вы-«бирать. Я Горнъ Тукъ: вы обо мнѣ слыхали, «и знаете, что Министерство меня не жа-«луетъ.» — *Браво!* закричали многіе: *мы подадимъ за тебя голоса!* Въ ту же минуту подошелъ къ нему сѣдой старикъ на клюкахъ, и всѣ вокругъ меня произнесли имя его: *Вилькесъ! Вилькесъ!* Вамъ, друзья мои, извѣстна

исторія этого человѣка, который нѣсколько лѣтъ игралъ знаменитую ролю въ Англіи, былъ страшнымъ врагомъ Министерства, самаго Парламента, идоломъ народа; думалъ только о личныхъ своихъ выгодахъ, и хотѣлъ быть ужаснымъ единственно для того, чтобы получить доходное мѣсто; получилъ его, обогатился и сошелъ съ шумнаго театра. Онъ сказалъ Горну: «мой другъ! этою дрожащею «рукою напишу я имя твое въ книгѣ, и умру «спокойнѣе, есть-ли ты будешь Членомъ Пар-«ламента.» Горнъ обнялъ его съ холоднымъ видомъ, и началъ нюхать табакъ.

Горнъ Тукъ былъ, во время Американской войны, проповѣдникомъ въ Брендефордѣ, писалъ въ газетахъ противъ Двора, сидѣлъ за то въ тюрьмѣ; не унялся, и нынѣ еще ставитъ себѣ за честь быть врагомъ Министровъ. Онъ говоритъ сильно, пишетъ еще сильнѣе, и многіе считаютъ его Авторомъ славныхъ *Юніевыхъ писемъ*.

Раздался голосъ: «дайте мѣсто Кандидатамъ!» Мы увидѣли процессію. . . Напереди знамена, съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени, и съ надписью: *за отечество, народъ, конституцію.* За ними шли друзья Кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами Кандидаты: Фоксъ, толстой, маленькой, черноволосой, съ густыми бровями, съ румянымъ лицемъ, человѣкъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ — и Гудъ, высокой, худой, лѣтъ пятидесяти, въ Адмиральскомъ

зеленомъ мундирѣ. Они стали на доски, устланныя коврами, и каждый говорилъ народу привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели входили въ галлерею, и записывали голоса свои: что продолжалось нѣсколько часовъ. Между тѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати взлѣзъ на галлерею, и кричалъ надъ головою Кандидатовъ: *здравствуй Фоксъ! провались сквозь землю Гудъ!* а черезъ минуту: *здравствуй Гудъ! провались сквозь землю Фоксъ!* Никто не унималъ шалуна, а Кандидаты даже и не взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ Членовъ: Гуда и Фокса. За Горна Тука было только 200 голосовъ; но онъ вмѣстѣ съ избранными говорилъ благодарную рѣчь народу, и сказалъ: «я никакъ не думалъ, чтобы въ Вестминстерѣ нашлось 200 патріотовъ; теперь вижу, и «радуюсь такому числу.» — Тукъ Фокса посадили на кресла, украшенныя лаврами и въ тріумфѣ понесли домой; знамена развѣвались надъ его головою, музыка гремѣла, и тысячи голосовъ восклицали: Fox for ever! *Виватъ! ура!* Фоксъ уже въ пятый разъ избирается отъ Вестминстера: и такъ не мудрено, что онъ сидѣлъ на торжественныхъ креслахъ очень покойно и свободно, то улыбался, то хмурилъ густыя, черныя брови свои. — И Гуда хотѣли нести; но онъ просилъ увольненія, и одинъ изъ друзей его сказалъ: «Адмиралъ нашъ любитъ тріумфы только на морѣ!» — —

Теперь, друзья мои, опишу вамъ другаго

роду происшествіе. Сюда недавно пріѣхалъ курьеромъ изъ П* господинъ N. N, человѣкъ не молодой, который, не жалѣя толстаго брюха своего, скачетъ изъ земли въ землю, чтобы остальными отъ прогоновъ червонцами кормить жену и дѣтей своихъ. И такъ вы не осудите его, что онъ скупъ, и пріѣхавъ въ Лондонъ, не хотѣлъ сшить себѣ фрака, а ходилъ по улицамъ въ коротенькомъ синемъ мундирѣ, въ длинномъ красномъ камзолѣ и въ черномъ бархатномъ картузѣ; но здѣшній народъ не вы — мальчики бѣгали за нимъ и кричали: *смотрите, какая чучела!* Мы приступили къ нему, чтобы онъ одѣлся по-людски, и наконецъ убѣдили. Господинъ N. N. сдѣлалъ себѣ модный фракъ, купилъ прекрасную шляпу, и далъ намъ слово обновить ихъ въ день выборовъ. Мы зашли къ нему, чтобы идти вмѣстѣ на площадь, и ахнули отъ удивленія: онъ надѣлъ сверхъ кафтана синюю толстую епанчу, а на шляпу какой-то футляръ изъ клеенки, боясь дождя! Мы сорвали съ него то и другое; увѣрили, что небо чисто — и пошли. Нещастный! Солнце долго сіяло, но часу въ пятомъ, когда уже мы возвращались домой, небо затуманилось, ударилъ дождь, и нашъ N. N. бросился подъ зонтикъ пирожной лавки, ругая насъ немилосердо. Мы остановились, и черезъ минуту были окружены множествомъ людей. Вдругъ видимъ, что пріятель нашъ съ кѣмъ-то разговариваетъ очень весело, смѣется, разсказываетъ — и

вдругъ, оцѣпенѣвъ, блѣднѣетъ отъ ужаса. . . . Что такое? . . . у него украли изъ кармана деньги, которыя онъ безпрестанно держалъ рукою; но заговорившись съ незнакомцемъ, ораторъ нашъ хотѣлъ сдѣлать какой-то выразительный *жестъ*, вынулъ изъ кармана руку, и черезъ двѣ секунды не нашелъ уже въ немъ кошелька. Подивитесь искусству здѣшнихъ воровъ! Мы совѣтовали бѣдному N. N. не брать денегъ: онъ не послушался.

Нигдѣ такъ явно не терпимы воры, какъ въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои Клубы, свои Таверны, и раздѣляются на разные классы: на пѣхоту и конницу (footpad, highwayman) на домовыхъ и карманныхъ (housebreaker, pickpocket). Англичане боятся строгой полиціи, и лучше хотятъ быть обкрадены, нежели видѣть вездѣ караулы, пикеты, и жить въ городѣ какъ въ лагерѣ. За то они берутъ предосторожность; не возятъ и не носятъ съ собою много денегъ, и рѣдко ходятъ по ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Русскіе вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города, увидѣли, что у насъ за каретою сидятъ человѣкъ пять съ ужасными рожами; мы остановились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту благоразумія, воротились назадъ. Негодяи могли бы въ полѣ догнать насъ и ограбить. Въ другой разъ я и Д* испугали самихъ воровъ. Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, заноздали, сбились съ дороги, и очутились въ пу-

стомъ мѣстѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человѣкъ. Добрымъ людямъ мудрено было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Что же дѣлать? спасшись дерзостію, payer d'audace. какъ говорятъ Французы — смѣлымъ Богъ владѣетъ — прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу. — Въ Англіи никогда не возьмутъ въ тюрьму человѣка по вѣроятности, что онъ воръ; надобно поймать его на дѣлѣ и представить свидѣтелей; иначе вамъ же бѣда, естьли приведете его безъ неоспоримыхъ законныхъ доказательствъ.

═

Театръ.

Лѣтомъ бываетъ здѣсь только одинъ Гемеркетской Театръ, на которомъ однакожь играютъ всѣ лучшіе Ковентгарденскіе и Друриленскіе акторы *. Зрителей всегда множество: и въ ложахъ и въ партерѣ; народъ бываетъ въ галлереяхъ. Въ первый разъ видѣлъ я Шекспирова Гамлета — и лучше, естьли бы не видалъ! Акторы говорятъ, а не играютъ; одѣты дурно, декораціи бѣдныя. Га-

* Два главные Лондонскіе Театра.

млетъ былъ въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ толстымъ пучкомъ и въ голубой лентѣ; Королева въ робронде, а Король въ Гишпанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносятъ на сцену декорацію, одну ставятъ, другую берутъ на плеча, тащатъ — и это дѣлается во время представленія! Какая розница съ Парижскими театрами! Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, которые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали; нерѣдка даже хлопали. Угадайте, какая сцена живѣе всѣхъ дѣйствовала на публику? та, гдѣ копаютъ могилу для Офеліи, и гдѣ работники, играя словами, говорятъ, что первый дворянинъ былъ Адамъ, the first that ever bore arms, и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса *, прекрасно одѣтая, и трогательная въ сценахъ безумія; она напомнила мнѣ Догазонъ въ Нинѣ; и поетъ очень пріятно. — Я видѣлъ еще Оперу Инкле и Ярико (которую играли не очень хорошо, но гораздо лучше Гамлета) и еще три Комедіи или *буфонады*, въ которыхъ зрители очень смѣялись. — Говорятъ, что у Англичанъ есть Мельпомена: госпожа Сиддонсъ, рѣдкая трагическая актриса; но ее теперь нѣтъ въ Лондонѣ. Гораздо болѣе нашелъ я удовольствія въ здѣшней Италіянской Оперѣ. Играли Андромаху. Маркези и Мара пѣли; музыка пре-

* Биллингтонъ, естьли не ошибаюсь.

красная. Дни два отзывался въ ушахъ моихъ трогательный дуэтъ:

Quando mai, astri tiranni,
Avran fine i nostri affanni?
Quando paghi mai sarete
Della vostra crudelta?

Въ театрѣ я купилъ эту Оперу, поднесенную Принцу Валлисскому при слѣдующемъ Англійскомъ письмѣ, которое перевожу для васъ какъ рѣдкую вещь:

«Странно покажется, что я осмѣливаюсь «поднести Италіянскую Оперу Вашему Коро-«левскому Высочеству. Хотя Юпитеръ прини-«малъ въ жертву быковъ но никто не смѣлъ «дарить его мухами. Принцъ столь искусный, «какъ Ваше Высочество, во всѣхъ отвлечен-«ныхъ наукахъ и самой изящнѣйшей Литте-«ратурѣ, не можетъ дорожить Оперною без-«дѣлкою. Восхитительныя прелести музыки, «разсыпанныя въ сей Оперѣ, *озлащаютъ* нѣко-«торымъ образомъ сей малый трудъ; но я «имѣю нѣчто важнѣйшее для моего оправда-«нія. Славный Понтифексъ, Леонъ X, не пре-«зрѣлъ поднесенной ему книги о *поваренномъ* «*искусствѣ*, и мы читаемъ въ Вал. Максимѣ, «что Персидской Монархъ принялъ въ даръ «старой кафтанъ съ такимъ снисхожденіемъ, «что наградилъ дателя Самоскимъ островомъ. «Первый былъ самый остроумнѣйшій изъ вла-«дыкъ земныхъ, а вторый сильнѣйшій: два

«качества, которыя чудесно соединяются въ «Вашемъ Высочествѣ. Лучезарное свѣтило не «отказываетъ въ улыбкѣ своей ни червячку, «ни былинкѣ; а высокая благодѣтельность «вашего сердца не имѣетъ другаго примѣра. «— Вашего Высочества покорнѣйшій слуга К. «Ф. Бадини.»

Послѣ такого письма я хотѣлъ бы лично узнать господина Бадини.

═

Лондонъ, Іюля. . 1790.

Я хотѣлъ итти за городъ, въ прекрасную деревеньку Гамстедъ; хотѣлъ взойти на холмъ *Примрозъ*, гдѣ благоухаетъ скошенное сѣно; хотѣлъ оттуда посмотрѣть на Лондонъ, возвратиться къ ночи въ городъ и ѣхать въ Воксалъ . . . но нигдѣ не былъ, и не жалѣю. День не пропалъ: сердце мое было тронуто!

Подлѣ самаго Cavendish Square встрѣтился мнѣ старой, слѣпой нищій, котораго вела . . . собачка, привязанная на снуркѣ. Собачка остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій сказалъ томнымъ голосомъ: «добрый господинъ! сжалься надъ бѣднымъ и слѣпымъ! my dear sir. I am poor and blind!» Я отдалъ ему шиллингъ. Онъ поклонился, тро-

нулъ снурокъ, и собачка побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его серединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ отверстій, чтобы слѣпой старикъ не упалъ; часто останавливалась, ласкала людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась физіогномистомъ!) и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собачка остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая противъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на лютнѣ и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасной мальчикъ, также бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ нѣсколько печатныхъ листочковъ, стоялъ прислонившись къ стѣнѣ и умильно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ старика, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «добрый Томасъ! здоровъ ли ты?» — *Слава Богу! а мать твоя? . . . Какъ она хорошо поетъ! послушаю.* — Сынъ началъ ласкать собачку; а мать, поговоривъ съ старикомъ, снова заиграла и запѣла. . . Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пенсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подалъ мнѣ печатной листокъ. Это былъ гимнъ, который пѣла мать его. Вмѣсто того, чтобы итти за городъ, я возвратился домой и перевелъ гимнъ. Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель;
Всевышній зритъ, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ

Пошлетъ въ свой часъ отраду.
Отдастъ ли насъ Онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли Отецъ дѣтей?
Прохожій сжалится надъ нами
(Есть сердце у людей!)
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего отмѣннаго; но есть либъ вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина пѣла, то не удивились бы, что я переводилъ ихъ — со слезами.

Ранела.

Нынѣшнюю ночь карета служила мнѣ спальнею! — Въ 8 часовъ отправились мы Русскіе въ Ранела пѣшкомъ; не шли, а бѣжали, боясь опозданья; устали до смерти, потому что отъ моей улицы до Ранела конечно не менѣе пяти верстъ, и въ десятомъ часу вошли въ большую круглую залу, прекрасно освѣщенную, гдѣ гремѣла музыка. Тутъ въ лѣтніе вечера собирается хорошее Лондонское общество, чтобы слушать музыку и гулять. Въ ротондѣ сдѣланы въ два ряда ложи, гдѣ женщины и мущины садятся отдыхать, пить чай и смотрѣть на множество людей, которые вертятся въ залѣ. Мы взглянули на собраніе,

на украшенія залы, на высокой оркестръ, и пошли въ садъ, гдѣ горѣлъ фейерверкъ; но любуясь имъ, чуть было не подвергнулись судьбѣ Семелеиной: искры осыпали насъ съ головы до ногъ. — Возвратясь въ ротонду, я сѣлъ въ ложѣ подлѣ одного старика, который насвистывалъ разныя пѣсни, какъ Стерновъ дядя Тоби, но впрочемъ не мѣшалъ мнѣ молчать и смотрѣть на публику. Можетъ быть дѣйствіе свѣчь обманывало глаза мои: только мнѣ казалось, что я никогда еще не видывалъ вмѣстѣ столько красавицъ и красавцевъ, какъ въ Ранела; а вы согласитесь, что такое зрѣлище очень занимательно. Къ нещастью у меня страшно болѣла голова, и я во второмъ часу, оставивъ товарищей своихъ веселиться, пошелъ искать кареты; съ трудомъ нашелъ, сѣлъ, велѣлъ везти себя въ Оксфортскую улицу, и заснулъ. Просыпаюсь у своего дому — вижу день — смотрю на часы: пять. . . и такъ я три часа ѣхалъ! Кучеръ сказалъ, что мы около двухъ стояли на одномъ мѣстѣ, и что никакъ не льзя было проѣхать за множествомъ каретъ.

═

Лондонъ, Іюля . . ..1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ славномъ Британскомъ Музеумѣ множество древностей Египетскихъ, Этрускихъ, Римскихъ, жертвенныхъ орудій, Американскихъ идоловъ, и проч. Мнѣ показывали одну Египетскую глиняную ноздреватую чашу, которая имѣетъ удивительное свойство: есть ли налить ее водою, и вложить въ которой нибудь изъ ея наружныхъ поровъ салатное сѣмя, то оно распустится и черезъ нѣсколько дней произведетъ траву. Я съ любопытствомъ разсматривалъ еще *Лакриматоріи*, или маленькіе глиняные и стеклянные сосуды, въ которые Римляне плакали на погребеніяхъ; но всего любопытнѣе былъ для меня оригиналъ Магны Харты, или славный договоръ Англичанъ съ ихъ Королемъ Іоанномъ, заключенный въ 13 вѣкѣ, и служащій основаніемъ ихъ конституціи. Спросите у Англичанина, въ чемъ состоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ: *я живу, гдѣ хочу; увѣренъ въ томъ, что имѣю; не боюсь ничего, кромѣ законовъ.* Разогните же Магну Харту: въ ней Король утвердилъ клятвенно сіи права для Англичанъ — и въ какое время? когда всѣ другіе Европейскіе народы были еще погружены въ мрачное варварство.

Изъ Музеума пошелъ я въ домъ Ость-Индской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ огромные магазины ея. Общество частныхъ людей —

дей имѣетъ въ совершенномъ подданствѣ богатѣйшія, обширныя страны міра, цѣлыя (можно сказать) государства; избираетъ Губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержитъ тамъ арміи, воюетъ и заключаетъ миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтѣ. Президентъ и 24 Директора управляютъ дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торгу — и хотя снабжаетъ ими всю Европу; хотя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожь расходы ея такъ велики, что она очень много должна. Слѣдственно ей болѣе славы, нежели прибыли; но согласитесь, что Англійской богатый купецъ не можетъ завидовать никакому состоянію людей въ Европѣ!

═

Семейственная жизнь.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно назвать цвѣтниками — и вопреки Англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли*, или густо осѣнен-

* Видъ прекрасной. Вѣтви съ цвѣтами нарочно поднятые вверхъ, переплетаются, и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ.

ные деревами, такъ что ни одинъ яркой лучь солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго щастія всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какую нибудь загородную церковь слушать правственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Іориковыхъ, и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи — и каждая занимается особливымъ семействомъ. Матери окружены дѣтьми — и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно *кровь съ молокомъ*, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильтонова Эдема; но, къ щастію, нѣтъ нѣтъ змѣя искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ Чичисбеемъ . . . одним словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и щастіе дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдствен-

но мужья щастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состоянiи людей; впрочемъ и самые Англiйскiе Лорды, и самые Англiйскiе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянiя, которое можно назвать стихiею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествiе: объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *сыто быть въ гостяхъ, или принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: *я хочу быть щастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему щастiю*. Какiя же слѣдствiя? Свѣтскiя дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, прiятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, прiобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединенiи, и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или

рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: *теперь я твой! теперь я вашъ!* Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ, и говорю мысленно: «Нещастные! что вы «здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди вашего се-«мейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, «вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ «этомъ пусто-блестящемъ кругу, гдѣ не толь-«ко добрыя свойства сердца, но и самый «умъ едва ли не безъ дѣла; гдѣ званіе какой-«то приличности составляетъ всю науку; «гдѣ *быть не страннымъ* есть верхъ искус-«ства для мущины, и гдѣ двѣ, три женщи-«ны бываютъ для того, чтобы удивлялись «красотѣ ихъ, а всѣ прочія. . . Богъ знаетъ, «для чего; гдѣ съ большими издержками и «хлопотами люди проводятъ нѣсколько часовъ «въ утомительной игрѣ ложнаго веселья? «Естьли у васъ нѣтъ дѣтей, мнѣ остается «только жалѣть, что вы не умѣете наслаж-«даться другъ другомъ, и не знаете, какъ «мило проводить цѣлые дни съ любезнымъ «человѣкомъ, дѣля съ нимъ дѣло и бездѣлье, «въ полной душевной свободѣ, въ мирномъ «расположеніи сердца. А естьли вы родите-«ли, то пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ «обязанностей человѣчества. Въ самую ту

«минуту, когда ты, безпечная мать, прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая дочь твоя «падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь «сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, «оставленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой нибудь дурной примѣръ, «который сѣетъ въ его сердце порокъ и нещастіе. Сидя за клавесиномъ, среди блестящаго общества, ты, красавица, хочешь нравиться, и поешь какъ малиновка; но малиновка не оставляетъ птенцовъ своихъ! Одна «попечительная мать имѣетъ право жаловаться на судьбу, естьли не хороши дѣти ея; а «та, которая свѣтскія удовольствія предпочитаетъ семейственнымъ, не можетъ на«зваться попечительною.»

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣтѣ добродѣтель молодой женщины? Скажите, не виновна ли она передъ своимъ мужемъ, какъ скоро хочетъ нравиться другимъ? Что же иное можетъ питать склонность ея къ свѣтскимъ обществамъ? Слабости имѣютъ свою постепенность, и переливы едва примѣтны. Сперва молодая супруга хочетъ только заслужить общее вниманіе или красотою или любезностію, чтобы *оправдать выборъ ея мужа*, какъ думаетъ: а тамъ родится въ ней желаніе нравиться какому нибудь *знатоку* болѣе, нежели другому; а тамъ — надобно хитрить, заманивать, подавать надежду; а тамъ. . . не увидишь, какъ и сердце вмѣ-

шается въ планы самолюбія; а тамъ — бѣдный мужъ! бѣдныя дѣти!

Всего же нещастнѣе она сама. Хорошо, естьли бы до конца можно было жить въ упоеніи страстей; но есть время, въ которое все оставляетъ женщину, кромѣ ея добродѣтели; въ которое одна благодарная любовь супруга и дѣтей можетъ разсѣять грусть ея о потерянной красотѣ и многихъ пріятностяхъ жизни, увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ прелестей. Что, естьли оскорбленный мужъ убѣгаетъ тогда ея взоровъ; естьли дурно воспитанныя дѣти, не обязанныя ей ни чѣмъ, кромѣ нещастной жизни и пороковъ своихъ, всякой часъ растравляютъ раны ея сердца знаками холодности, нелюбви, самаго презрѣнія? . . . Обратится ли къ свѣту? Но тамъ время переломило ея скипетръ, угодники исчезли — Зефиръ опахала ея не принимаетъ уже Сильфовъ — и развѣ подобная ей нещастная кокетка сядетъ подлѣ нее, чтобы излить желчь свою на умы и на сердца людей.

Говорю о женщинахъ для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими; но главная вина безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ мущинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго щастія, и лучше хотятъ быть сговорчивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что ст-

ла не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о *мужѣ*, но о *мужьяхъ* никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и естьли бы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной Философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ Натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ?

Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобъ пустить другова на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая *принужденіемъ*, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. — Не пріятностію об-

щастія наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама Натура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть, между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ — и есть ли я въ чемъ нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольтеръ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа * говоритъ: *друзья! пойдемъ работать въ саду!* слова, которыя часто отзываются въ душѣ моей послѣ утомительнаго размышленія о тайнѣ рока и щастія. Можно еще примолвить: «пойдемъ любить своихъ домашнихъ, родственниковъ и «друзей; а прочее оставимъ на произволъ «судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются, и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Ост-Индской Компаніи, и даже не

* Кандида.

въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества говорю я: *Англичане просвѣщены!* нѣтъ; но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семейственнымъ щастіемъ, твержу сто разъ: *Англичане просвѣщены!*

Литтература.

Литтература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много *особенности*, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество *живописной* Поэзіи (Poésie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его

душу, что изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. — Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожидаемыхъ вещей. — Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку. Любопытно знать то, что Поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ: кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякой Авторъ ознаменованъ печатію сво-

его вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній *не можетъ взять мѣръ своихъ*. Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности: современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *открытіе* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго Поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой: а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе Трагики только что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировской *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова Генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлъ истины и Натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное,

то есть истинное, мало трогатъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенія, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Катонъ говоритъ и дѣйствуетъ; но любовныя сцены несносны. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ: Grecian Daughter, Fair penitent, Jean Shore и проч., трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта. — Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и каррикатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ Романистовъ и лучшихъ Историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцовъ писать романы какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ Исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Өукидида и Тацита ничто не можетъ сравниться съ Историческимъ Тріумвиратомъ Британіи *.

Новѣйшая Англійская Литтература со-

* Т. е. съ Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ.

всѣмъ не достойна вниманія: теперь пишутъ здѣсь только самые посредственные романы, а Стихотворцы нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ, гроза щастливыхъ и утѣшитель нещастныхъ, и Стернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авторовъ.

А я заключу это письмо двумя, тремя словами объ Англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ Грамматики, и кто знаетъ частицы of и to, знаетъ склоненія; кто знаетъ will и shall, знаетъ спряженія; всѣ неправильные глаголы можно затвердить въ одинъ день. Но вы, читая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ Англичанами нѣмы и глухи; то есть ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ труденъ Англійской выговоръ, и столь мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать. Кажется, что у Англичанъ рты связаны, или на отверстіе ихъ положена Министерствомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводятъ зубы, свистятъ, намекаютъ, а не говорятъ. Вообще Англійской языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма — богатъ *краденымъ*, или (чтобъ не оскорбить Британской гордости) *отнятымъ* у другихъ. Всѣ ученыя и по большой части правственныя слова взяты изъ Фран-

цузскаго или изъ Латинскаго, а коренные глаголы изъ Нѣмецкаго. Римляне, Саксонцы, Датчане истребили и Бриттанской народъ и языкъ ихъ; говорятъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его остатки. Пестрота Англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ; а смѣлость Стихотворцевъ удивительна; но гармоніи, и того, что въ Реторикѣ называется *числомъ*, совсѣмъ нѣтъ. Слова отрывистыя, фразы короткія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ. — Да будетъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, естьли надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

Лондонъ, Августа . . 1790.

Въ 8 часовъ вечера я позвонилъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, и вмѣсто моей Дженни (которая, сказать правду, не очень крас-

ва собою) вошла ко мнѣ прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати. Я удивился, и смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Она спрашивала: «что угодно господину?» краснѣлась, присѣдала, глядѣла въ землю, и наконецъ изъяснила мнѣ, что Дженни, пользуясь Воскресеньемъ, гуляетъ за городомъ, а она взялась на нѣсколько часовъ заступить ея мѣсто въ домѣ. Я хотѣлъ знать имя красавицы? — Софія — Ея состояніе? — Служанка въ пансіонѣ. — Ея забавы, удовольствія въ жизни? — Работа, милость госпожи, хорошая книжка. — Ея надежды? — Накопить нѣсколько гиней и возвратиться въ Кентское Графство къ старику отцу, которой живетъ въ большой нуждѣ. — — Софія принесла мнѣ чай, налила, по усильной прозьбѣ моей сама выпила чашку, но ни какъ не хотѣла сѣсть, и при всякомъ словѣ краснѣлась, хотя я остерегался нескромности въ разговорѣ съ нею. Впрочемъ, къ моему удивленію, Англинскія фразы сами собою мнѣ представлялись, и естьли бы я всякой день могъ говорить съ прелестною Софіею, то черезъ мѣсяцъ заговорилъ бы какъ — Ораторъ Парламента! Съ чувствомъ скажу вамъ, друзья мои, что Англичанки и въ самомъ низкомъ состояніи чрезвычайно любезны своею кротостію.

Въ нынѣшнее Воскресенье поговорю о Воскресеньи. Оно здѣсь свято и торжественно; самый бѣдный поденщикъ перестаетъ работать; купецъ запираетъ лавку, биржа пу-

стветъ, Спектакли затворяются, музыка молчитъ. Всѣ идутъ къ обѣднѣ; люди, привязанные своими упражненіями и дѣлами къ городу, разъѣзжаются по деревнямъ; народъ толпится на гульбищахъ, и бѣдный по возможности наряжается. Что у Французовъ *Генгеты*, то здѣсь Thea-gardens или сады, гдѣ народъ пьетъ чай и пуншъ, ѣстъ сыръ и масло. Тутъ-то во всей славѣ являются горничныя дѣвушки, въ длинныхъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ вѣерами; тутъ ищутъ онѣ себѣ жениховъ и щастья; видятся съ своими знакомыми, угощаютъ другъ друга, и набираются всякаго рода анекдотами, замѣчаніями, на цѣлую недѣлю. Тутъ, кромѣ слугъ и служанокъ, гуляютъ ремесленники, сидѣльцы, Аптекарскіе ученики — однимъ словомъ, такіе люди, которые имѣютъ уже нѣкоторый вкусъ въ жизни, и знаютъ, что такое хорошій воздухъ, пріятный сельской видъ, и проч. Тутъ соблюдается тишина и благопристойность; тутъ вы любите Англичанъ.

Но естьли хотите. чтобы у васъ помутилось на душѣ, то загляните ввечеру въ подземельныя Таверны или въ *питейные домы*, гдѣ веселится подлая Лондонская чернь! — Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ срединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бываютъ столь же противны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ.

Дурное напоминаетъ дурное: скажу вамъ

еще, что на Лондонскихъ улицахъ, ввечеру, видѣлъ я болѣе ужасовъ разврата, нежели и въ самомъ Парижѣ. Оставляя другое (о чемъ можно говорить, а не писать) вообразите, что между нещастными жертвами распутства здѣсь много двенадцатилѣтнихъ двушекъ! вообразите, что есть Мегеры, къ которымъ наверги матери приводятъ дочерей на смотръ и торгуются!

Я началъ письмо свое невинностію, а кончилъ предметомъ омерзѣнія! — Любезная Софія! прости меня.

Вестминстеръ.

Славная *Вестминстерская* зала (Westminsterhall) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые Историки утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ, и сводъ ея держится самъ собою, безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація Англійскихъ Монарховъ: въ ней бываютъ и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента, когда онъ судитъ Государственнаго Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гастингса, Hasting's trial, который уже 10 лѣтъ продолжается, и который былъ для меня любопытенъ. Доставъ билетъ черезъ

нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлереѣ, среди множества зрителей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ кипою бумагъ; а за нимъ Боркъ, сухощавой старикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній Парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гастингса, бывшаго Губернатора Ость-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ, и выбралъ Адвокатами Борка, Фокса и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отверились большія двери — и судьи, Члены Верхняго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мантіяхъ, а Духовные, то есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сталъ напротивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые . . . четыре часа! Онъ исчислялъ всѣ доказательства Гастингсова корыстолюбія, всѣ его беззаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникѣ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Риторъ садился на стулъ, утираясь бѣлымъ платкомъ, и черезъ 5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лордовъ — слушать, по крайней мѣрѣ сидѣть

столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ нихъ не бездѣлки, а жизни Гастингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присутствіи его самого. Гастингсъ, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, сѣдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго Ритора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный старикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прилѣжностію записывали обвиненія, сидя подлѣ Кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ человѣчества, виноватъ; противъ Англіи, нѣтъ. Гастингсъ не злодѣй въ сердцѣ своемъ; но зная тайную политику Англійскаго Министерства, зная выгоды Остъ-Индской Компаніи, жертвовалъ, можетъ быть, собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его въ Индію; стратствовалъ, чтобы утвердить тамъ власть Англичанъ, и стараясь умножать доходы Компаніи, умножилъ, можетъ быть, и свои — за что однакожъ Министры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ человѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, въ Африкѣ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится тамъ какъ съ звѣрями;

накопитъ денегъ, возвратится домой, и кричитъ: *не трогь меня; я человѣкъ!* Торжество Англійскаго правосудія состоитъ единственно въ томъ, что Гастингса бранятъ, разоряютъ, именемъ закона; Риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ Публику, Журналистовъ; Лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякой дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежитъ до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостію*, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Ораторскихъ движеній; много разительной Логики, только много и лишняго. Въ Шериданѣ болѣе пінтическаго жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ Критики; а славный Боркъ уже старѣется. — — Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ каѳедры. Одинъ изъ Гастингсовыхъ Адвокатовъ сказалъ Перамъ: «Милорды! Генералъ N. N. не успѣлъ «представить вамъ отзыва въ пользу нашего «Кліента; уѣхалъ въ свое отечество, въ «Швейцарію, для поправленія здоровья; но «онъ скоро возвратится.» . . Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожелаемъ Господину «Генералу щастливаго пути и лучшаго здо«ровья!» Всѣ Лорды, всѣ зрители засмѣялись; встали — и пошли домой.

═

Подлѣ Вестминстерской залы, въ останкахъ огромнаго дворца, который сгорѣлъ * при Генрихѣ VIII, собирается обыкновенно Верхній и Нижній Парламентъ. Въ засѣданіяхъ перваго не бываетъ никого, кромѣ Членовъ; я могъ видѣть только залу собранія, украшенную богатыми обоями, на которыхъ изображено разбитіе Гишпанской Армады. Въ концѣ залы возвышается Королевской тронъ, а подлѣ два мѣста для старшихъ Принцовъ крови; за трономъ сидятъ молодые Лорды, которые не имѣютъ еще голоса; на правой сторонѣ Епископы, противъ Короля Перы, Герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что Канцлеръ и Ораторъ сидятъ на *шерстяныхъ шарахъ:* древнее и, какъ увѣряютъ, символическое обыкновеніе! Шаръ означаетъ важность торговли (не знаю, почему), а шерсть суконныя Англійскія фабрики, требующія вниманія Лордовъ.

Зала Нижняго Парламента соединяется съ первою длиннымъ коридоромъ; она убрана деревомъ. Тутъ для зрителей сдѣланы галлереи. Каѳедры нѣтъ. Президентъ, называемый Ораторомъ, сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ Клерковъ или Секретарей, за столомъ, на которомъ лежитъ золотой скипетръ; они трое должны быть всегда въ Шпанскихъ парикахъ и въ мантіяхъ; всѣ про-

* Едва ли въ какомъ нибудь городѣ было столько пожаровъ, какъ въ Лондонѣ.

чіе въ обыкновенныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ, сидятъ на лавкахъ, изъ которыхъ одна другой выше. Кто хочетъ говорить, встаетъ, и снимая шляпу, обращаетъ рѣчь свою къ Президенту, то есть къ Оратору, который, подобно дядькѣ, унимаетъ ихъ, естьли они заговорятъ не-дѣло, и кричитъ: to order! *въ порядокъ!* Члены могутъ всячески бранить другъ друга, только не именуя, а на примѣръ такъ: «почтенный господинъ, который «говорилъ передо мною, есть глупецъ» — и проч. Министрамъ часто достается; они иногда отбраниваются, иногда отмалчиваются; а когда войдетъ дѣло на голоса, большинство всегда на ихъ сторонѣ. Кто говоритъ хорошо, того слушаютъ; въ противномъ случаѣ каплютъ, стучатъ ногами, шумятъ; а при всякомъ важномъ словѣ кричатъ: hearken! *слушайте*! Засѣданіе открывается въ 3 часа по полудни, молитвою, и продолжается иногда до двухъ за полночь. Розница между Парижскимъ Народнымъ собраніемъ и Англинскимъ Парламентомъ есть та, что первое шумнѣе; впрочемъ и Парламентскія собранія довольно безпорядочны. Члены безпрестанно встаютъ; поклонясь Оратору, какъ школьному Магистру, бѣгаютъ вонъ, ѣдятъ и проч. — Ихъ числомъ 558; на лицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человѣкъ говорятъ когда нибудь; всѣ прочіе нѣмы; иные, можетъ быть, и глухи — но дѣла идутъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Ум-

ные Министры правятъ; умная публика смотритъ и судитъ. Членъ можетъ говорить въ Парламентѣ все, что ему угодно; по закону онъ не даетъ отвѣта.

==

Вестминстерское Аббатство.

Церковныя Англійскія Хроники наполнены чудесными сказаніями о семъ древнемъ Аббатствѣ. На примѣръ, онѣ говорятъ, что тамъ Апостолъ Петръ, окруженный ликами Ангеловъ, освятилъ его въ началѣ седьмаго вѣка, при Королѣ Себертѣ. Какъ бы то ни было, оно есть самое древнѣйшее зданіе въ Лондонѣ, нѣсколько разъ горѣло, разрушалось и снова изъ праха возставало. Славный Ренъ, строитель Павловской церкви, прибавилъ къ нему двѣ новыя готическія башни, которыя, вмѣстѣ съ сѣвернымъ портикомъ, называемымъ *Соломоновыми вратами*, Solomon's Gate, всего болѣе украшаютъ внѣшность храма. Внутренность разительна; огромный сводъ величественно опускается на рядъ гигантскихъ столповъ, между которыми свѣтъ и мракъ разливаются. Тутъ всякой день бываетъ утреннее и вечернее служеніе; тутъ вѣнчаются Короли Англійскіе; тутъ

стоятъ и гробы ихъ! . . . Я вспомнилъ Французской стихъ:

Не льзя безъ ужаса съ престола — въ гробъ ступить!

Тутъ сооружены монументы Героямъ, Патріотамъ, Философамъ, Поэтамъ; и я назвалъ бы Вестминстеръ храмомъ безсмертія, естьли бы въ немъ не было многихъ именъ, совсѣмъ недостойныхъ памяти. Чтобы думать хорошо объ людяхъ, надобно читать не Исторію, а надгробныя надписи: какъ хвалятъ покойниковъ! — Замѣчу важнѣйшіе монументы и переведу нѣкоторыя надписи.

На черномъ и бѣломъ мраморномъ памятникѣ Лорда Кранфильда подписано женою его: «Зависть воздвигала бури противъ моего славнаго и добродѣтельнаго супруга; но онъ, съ чистою душею, смѣло стоялъ на кормѣ, «крѣпко держался за руль совѣсти, разсѣкалъ «волны, спасся отъ кораблекрушенія, въ глубокую осень жизни своей бросилъ якорь и «вышелъ на тихій берегъ уединенія. Наконецъ сей изнуренный мореходецъ отправился на тотъ свѣтъ, и корабль его щастливо «присталъ къ небу.»

На гробѣ славнаго Поэта Драйдена стоитъ его бюстъ, съ простою надписью: «Іоаннъ «Драйденъ родился въ 1632, умеръ въ 1700 «году. Герцогъ Букенгамъ соорудилъ ему сей «монументъ.» — Подлѣ, какъ нарочно, вырѣзана самая пышная эпитафія на памятникѣ

*

Стихотворца Кауле (Cowley): «Здѣсь лежитъ «Пиндаръ, Горацій и Виргилій Англіи, утѣ«ха, красота, удивленіе вѣковъ,» и проч. — На гробѣ самаго Герцога Буккингама, друга Попова, читаете: «Я жилъ и сомнѣвался; «умираю и не знаю: что ни будетъ, на все «готовъ.» — А ниже: «За Короля моего ча«сто, за отечество всегда.»

Готической монументъ древнѣйшаго Англійскаго стихотворца Часера почти совсѣмъ развалился. Часеръ жилъ въ четвертомъ-надесять вѣкѣ, писалъ неблагопристойныя сказки, хвалилъ своего родственника, Герцога Ландкастерскаго, и помогъ ему стихами своими взойти на престолъ.

Нещастный Графъ Эссексъ посвятилъ бѣлый мраморный памятникъ Бену Джонсону, современнику Шекспирову, съ надписью: O rare Ben Johnson! *О рѣдкой Джонсонъ!*

На гробѣ Спенсера подписано: «Онъ былъ «царь Поэтовъ своего времени, и божествен«ный умъ его всего лучше виденъ въ его «твореніяхъ.»

Ботлеръ сочинилъ славную Поэму Годибраса, осмѣивая въ ней Кромвелевскихъ Республиканцевъ и Фанатизмъ. Дворъ и Король хвалили Поэму, но Авторъ умеръ съ голоду. Барберъ, Лондонской Меръ, сказалъ: «кто въ «жизни не имѣлъ пристанища, тому сдѣлаемъ «хотя по смерти достойный его монументъ» — сказалъ и сдѣлалъ.

Подъ Мильтоновымъ біюстомъ сооруженъ

памятникъ Стихотворцу Грею. Лирическая Муза держитъ въ рукѣ медальйонъ его, и указывая другою рукою на Мильтона, говоритъ: *у Грековъ Гомеръ и Пиндаръ; здѣсь Мильтонъ и Грей!*

Преклоните колѣна . . . вотъ Шекспиръ!... стоитъ какъ живой, въ одеждѣ своего времени, опершись на книгу, въ глубокой задумчивости. . . Вы узнаете предметъ его глубокомыслія, читая слѣдующую надпись, взятую изъ его Драмы The Tempest:

Колоссы гордые, вѣковъ произведенье,
И храмы славные, и самой шаръ земной,
Со всѣмъ, что есть на немъ, исчезнетъ какъ творенье
Воздушныя мечты, развалинъ за собой
Въ пространствахъ не оставивъ!

Четыре времени года изображены на гробницѣ Томсоновой. Отрокъ указываетъ на нихъ и подаетъ вѣнокъ Поэту.

Герцогъ и Герцогиня Кьинсберри почтили прекраснымъ монументомъ Гея, творца Оперы *Нищихъ* *. Эпитафія сочинена самимъ Геемъ:

Все въ свѣтѣ есть игра, жизнь самая ничто:
Такъ прежде *думалъ я*, а нынѣ *знаю* то.

Музыкантъ Гендель, изображенный слав-

* Самое остроумнѣйшее произведеніе Англійской Литтературы . . . и самое противное человѣку съ нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ.

нымъ Рубильякомъ, слушаетъ Ангела, который въ облакахъ, надъ его головою, играетъ на арфѣ. Передъ нимъ лежитъ его Ораторія, Мессія, разогнутая на прекрасной аріи: I know that my Redeemer lives: *знаю, что живъ спаситель мой!*

На гробницѣ Томаса Парра написано, что онъ жилъ 152 года, въ царствованіе десяти Королей, отъ Эдуарда IV до Карла II. Извѣстно, что сей удивительный человѣкъ, будучи ста тридцати лѣтъ, не оставлялъ въ покоѣ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, и присужденъ былъ всенародно, въ церкви, каяться въ любовныхъ грѣхахъ.

Авторъ *Вакефильдскаго Священника, Запустѣлой деревни и Путешественника*, Голдсмитъ расхваленъ до крайности. «Онъ былъ «великой Поэтъ, Историкъ, Философъ; занимался почти всякимъ родомъ сочиненій, и «во всякомъ успѣвалъ; владѣлъ нѣжными чувствами, и по волѣ заставлялъ плакать и «смѣяться. Во всѣхъ его рѣчахъ и дѣлахъ об«наруживалось рѣдкое добродушіе. Умъ острый, «замысловатый и великой вливалъ душу, си«лу и пріятность въ каждое слово его. Лю«бовь товарищей, вѣрность друзей и уваже«ніе читателей воздвигли ему сей памятникъ.»

Я остановился съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ Невтона. Херувимы держатъ передъ нимъ развернутый свитокъ; онъ указываетъ на него пальцомъ, оперлись рукою на книги, съ заглавіемъ: Божество, Оптика,

Хронологія; вверху большой шаръ, на которомъ сидитъ *Астрономія;* внизу прекрасной барельефъ, гдѣ изображены всѣ Невтоновы открытія. Въ Латинской надписи сказано, что онъ «почти божественнымъ умомъ своимъ опредѣлилъ движеніе и фигуру свѣтилъ «небесныхъ, путь Кометъ, приливъ и отливъ «моря; узналъ разнообразіе солнечныхъ лучей «и свойство цвѣтовъ, былъ мудрымъ изъяснителемъ Натуры, древности и Св. Писанія; «доказалъ своею Философіею величіе Бога, а «жизнію святость Евангелія.» Надпись заключается сими словами: «Какъ смертные дол«жны гордиться Невтономъ, славою и красою «человѣчества!»

Нѣкоторые памятники сооружены Парламентомъ и Королемъ, отъ имени благодарной Англіи, за важныя услуги; на примѣръ, Капитану Корнвалю, Генералу Вольфу, Маіору Андре, которые пожертвовали жизнію отечеству. Трогательное и достойное геройства воздаяніе!

Монументъ Гаскона Найтингеля и жены его, посвященный любовію сына ихъ, есть самый лучшій въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, какъ художествомъ, такъ и мыслію. Прекрасная женщина умираетъ въ объятіяхъ супруга. Смерть выползаетъ изъ гроба, смотритъ ужасными глазами на супругу и мѣтитъ въ нее копьемъ своимъ. Супругъ видитъ грозное чудовище, и въ страхѣ, въ отчаяніи, стре-

мится отразить ударъ. — Это работа славнаго Рубильяка.

Придѣлъ Генриха VII назывался *чудомъ міра.* Въ самомъ дѣлѣ тутъ много удивительнаго въ готическомъ вкусѣ; особливо же въ рѣзьбѣ на мѣди и на деревѣ. — Въ этомъ придѣлѣ погребаютъ Королевскую фамилію, и вы видите подлѣ нещастной Маріи Стуартъ Елисавету! Гробъ всѣхъ примиряетъ.

Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного Англичанина о Вестминстерскомъ Аббатствѣ.

«Съ живымъ меланхолическимъ удовольствіемъ былъ я во всѣхъ мрачныхъ сокровенностяхъ сего послѣдняго жилища славы; разсуждалъ о жизни человѣческой, ея бѣдствіяхъ и краткости. Милліоны (думалъ я), подобно тебѣ размышляли здѣсь о трофеяхъ смерти, на которые теперь смотришь; и ты, подобно милліонамъ, будешь прахомъ, уступишь мѣсто новымъ людямъ, и слѣдовъ твоихъ не останется. Сіе святое хранилище славы и величія будетъ и впредь наполняться почтенными останками дарованій и заслугъ, украшаться новыми великолѣпными памятниками и служить предметомъ удивленія; а наконецъ, по неизбѣжному закону судьбы, со всѣмъ богатствомъ древностей погребется во тьмѣ временъ, и будетъ *памятникомъ собственнаго своего разрушенія!*»

═

Окрестности Лондона.

Видя и слыша, какъ скромно живутъ богатые Лорды въ столицѣ, я не могъ понять, на что они проживаются; но увидѣвъ сельскіе домы ихъ, понимаю, какъ имъ можетъ недоставать и двухъ сотъ тысячь дохода. Огромные замки, сады, которыхъ содержаніе требуетъ множества рукъ; лошади, собаки, сельскіе праздники: вотъ обширное поле ихъ мотовства! Русской въ столицѣ и въ путешествіяхъ разоряется, Англичанинъ экономитъ. Живучи въ Лондонѣ только заѣздомъ, Лордъ не считаетъ себя обязаннымъ звать гостей; не стыдится въ старомъ фракѣ итти пѣшкомъ обѣдать къ Принцу Валлисскому и ѣхать верхомъ на простой наемной лошади; а естьли вы у него по короткому знакомству обѣдаете, служатъ два лакея — простой сервисъ — и много, что пять блюдъ на столѣ. Здѣсь живутъ въ городѣ какъ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какъ въ городѣ; въ городѣ простота, въ деревнѣ старомодная пышность — разумѣется, что я говорю о богатомъ дворянствѣ.

И сколько сокровищъ въ живописи, въ антикахъ, разсѣяно по сельскимъ домамъ! Давно уже Англичане имѣютъ страсть ѣздить въ Италію и скупать все превосходное, чѣмъ славится тамъ древнее и новое Искусство; внукъ умножаетъ собраніе дѣда, и картина, статуя, которою любовались художники въ

Италіи, навѣки погребается въ его деревенскомъ замкѣ, гдѣ онъ бережетъ ее какъ *златое руно* свое: почему, теряясь въ лабиринтѣ сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можетъ воображать себя Язономъ.

Я наименую вамъ только самые лучшіе изъ видѣнныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* Лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрытую кораблями — замокъ Графа Минсфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней Архитектуры — Герцога Девонширскаго, можетъ быть самый огромнѣйшій въ Англіи, построенный среди темныхъ кедровыхъ аллей — Графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ паркомъ, гдѣ множество звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасный готической эрмитажъ съ искусственными развалинами — Графа Букингамшира съ миловидными каштановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоуханными кустами — Sion-House Герцога Нортумберландскаго съ большими садами, всего болѣе украшенными текущею въ нихъ Темзою — Вальполя въ готическомъ вкусѣ—Графа Тильнея, откуда съ террасы видны рѣка, каналы, безчисленныя аллеи, пустыни, лѣсочки, которые составляютъ необозримой амфитеатръ — Алдермана Томаса, называемый naked beauty — господина Бинга и Карю (Carew), гдѣ обширные сады,

а въ садахъ столѣтнія померанцовыя деревья (что безпримѣрно въ Англіи). — Въ каждомъ изъ сихъ домовъ богатая картинная галлерея со множествомъ другихъ произведеній Искусства; при каждомъ большія оранжереи, гдѣ собраны плоды и растенія всѣхъ частей міра; при каждомъ огромныя конюшни, гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе; помните, что онъ заѣхалъ въ царство лошадей, у которыхъ люди были въ рабствѣ, и которыя, разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя твари могли служить слабодушному человѣку. Эта выдумка Свифтова казалась мнѣ странною, но пріѣхавъ въ Англію, я понялъ Сатирика: онъ шутилъ надъ своими земляками, которые, по страсти къ лошадямъ, ходятъ за ними по крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣзвые скакуны здѣсь только-что не Члены Парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей. — Вообще Архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ Англійскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны; но смотрѣть на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все

обгорожено: поля, луга; и куда не взглянешь, вездѣ заборъ — это непріятно.

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ Темзѣ; самые лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, который въ древнія времена былъ столицею Британскихъ Королей, и назывался *Шенъ*: что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая прекраснѣйшая деревня въ свѣтѣ, и называется *Англійскимъ Фраскати*. Тамошній дворецъ не достоинъ большаго вниманія; садъ также — но видъ съ горы, на которой Ричмондъ возвышается амфитеатромъ, удивительно прелестенъ. Вы слѣдуете глазами за Темзою верстъ 30 въ ея блистательномъ теченіи сквозь богатыя долины, луга, рощи, сады, которые всѣ вмѣстѣ кажутся однимъ садомъ. Тутъ прекрасно видѣть восхожденіе солнца, когда оно, какъ будто бы снимая туманный покровъ съ равнинъ, открываетъ необозримую сцену дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько разъ ночевалъ въ Ричмондѣ, но только однажды видѣлъ восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингстона есть большой паркъ, называемый New-Park, котораго хотя и не льзя сравнить съ Виндзорскимъ, но который однакожъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Англіи. Величественныя дерева, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамошняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ — Лондонъ — Виндзоръ. . . .

Я одинъ разъ былъ въ славномъ, Кьюскомъ саду, Kew-Garden, мѣсто, которое нынѣшній Король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоитъ того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало, низко, безъ видовъ. Тамъ Китайское, Арабское, Турецкое перемѣшано съ Греческимъ и Римскимъ. Храмъ Беллоны и Китайскій павильйонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; Арабская *Алгамра* и *Пагода!*

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твитнамъ (Twickenham). миловидную деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ Философъ и Стихотворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ сельскихъ домиковъ; но мнѣ надобенъ былъ домъ Поэта (принадлежащій теперь Лорду Стапону). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла — мѣсто, обсаженное деревами, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера — гротъ, гдѣ стоитъ мраморный бюстъ его, и откуда видна Темза — наконецъ столѣтнюю иву, которая чуднымъ образомъ раздвоилась, и подъ которою любилъ думать Философъ и мечтать Стихотворецъ; я сорвалъ съ нее вѣточку на память.

Въ церкви сдѣланъ Поэту мраморный монументъ, другомъ его, Докторомъ Варбуртономъ. На верху бюстъ, а внизу надпись, самимъ Попомъ сочиненная:

Heros and Kings! your distance keep!
In peace let one poor Poet sleep,

Who never flatterd folks like you.
Let Horace blush, and Virgile too *!

Правда ли? — Въ этой же церкви погребенъ безсмертный Томсонъ, безъ монумента, безъ надписи.

Я любопытствовалъ видѣть, близъ городка Барнета, то мѣсто, гдѣ въ 1471 году, въ Свѣтлое Воскресенье, кровопролитное сраженіе рѣшило судьбу фамиліи Іоркской и Ланкастерской. Сія война составляетъ ужаснѣйшую эпоху въ Англійской Исторіи; славная Magna Charta, права, законы, все было подъ спудомъ. Народъ не зналъ, къ кому обратиться, и въ мертвой безчувственности служилъ орудіемъ безпрестанныхъ злодѣяній. — На семъ мѣстѣ сооруженъ каменный столпъ.

Въ деревнѣ Бромтонѣ показывали мнѣ развалины Кромвелева дому.

Мѣстечко Чарлтонъ достойно примѣчанія по красивому своему положенію, а еще болье по *роговой ярмонкѣ*, Horn-fair, которая ежегодно тамъ бываетъ, и на которой всѣ жители украшаютъ свой лобъ рогами! Разсказываютъ, что Король Іоаннъ, будучи на звѣриной ловлѣ, утомился и заѣхалъ въ Чарлтонъ отдохнуть; вошелъ въ крестьянскую избу, полюбилъ хозяйку и началъ ласкать ее

* «Прочь, Цари и Герои! дайте покойно спать бѣдному Поэту, который вамъ никогда не ласкалъ, къ стыду Горація «и Виргилія!»

такъ нѣжно, что хозяинъ разсердился, и такъ разсердился, что хотѣлъ убить его; но Король объявилъ себя Королемъ, обезоружилъ крестьянина, и желая наградить его за маленькую досаду, подарилъ ему мѣстечко Чарлтонъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ ярмонку, на которой бы всѣ купцы и продавцы являлись съ рогатыми лбами. — Оставляю вамъ сказать на этотъ случай множество острыхъ словъ.

Гамптонъ-Кауртъ, построенный Кардиналомъ Вольсеемъ, верстахъ въ 17 отъ Лондона, на берегу Темзы, удивлялъ нѣкогда своимъ великолѣпіемъ, такъ что Гроцій назвалъ его въ стихахъ своихъ *дворцомъ міра*, и прибавилъ: «вездѣ *властвуютъ* боги; но *жить* имъ прилично только въ Гамптонъ-Кауртѣ!» — Пишутъ, что въ немъ сдѣлано было 280 раззолоченныхъ кроватей съ шелковыми занавѣсами для гостей, и что всякому гостю подавали ѣсть на серебрѣ, а пить въ золотѣ. Англійской Ришельё и Дюбуа — такъ можно назвать Вольсея — наконецъ самъ испугался такой пышности, зная хищную зависть Генриха VIII, и рѣшился подарить ему сей замокъ, въ которомъ послѣ жила умная и добродѣтельная Королева Марія, дочь Іакова II. Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна. Внутри множество картинъ, изъ которыхъ лучшія Веронезова Сусанна и Бассановъ *потопъ*. Кабинетъ Маріи

украшенъ ея собственною работою. — Гамптонскіе сады напоминаютъ старинный вкусъ.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можетъ быть, сельская Природа такъ не украшена, какъ въ Англіи; нигдѣ не радуются столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачной флегматической Британецъ съ жадностію глотаетъ солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, сплина. Однимъ словомъ: дайте Англичанамъ Лангедокское небо — они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ Французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идете на почтовой дворъ, гдѣ стоитъ всегда множество каретъ; смотрите, на которой написано имя той деревни, въ которую хотите ѣхать; — садитесь, не говоря ни слова, и карета въ положенный часъ скачетъ, хотя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, платите бездѣлку, и увѣрены, что для возвращенія найдете также карету. Вотъ дѣйствіе многолюдства и всеобщаго избытка!

Лондонъ, Сентября. . . 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Британскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть . . . быть Англичаниномъ — великодушнымъ, тоже — чувствительнымъ, тоже; истиннымъ человѣкомъ, тоже. Романы, естьли не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу Англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ — но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Вопервыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климата, сырагo, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть щастливымъ, когда сердце довольно и радостно; но веселой климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочется застрѣлиться. Рощи, парки, луга, сады: все это прекрасно въ Англіи; но все это покрыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянетъ солнце, и то не на-долго; а безъ него худо жить

на свѣтъ. *Кланяйся отъ меня солнцу*, писалъ нѣкто отсюда къ своему пріятелю въ Неаполь: *я уже давно не видался съ нимъ.* Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ зимою бываютъ красные дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣть Сентябремъ?

Вовторыхъ — холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. *Это Волканъ, покрытый льдомъ*, сказалъ мнѣ разсмѣявшись одинъ Французской Эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любитъ изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ; любитъ игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоритъ какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя потрясаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажется глубокомысленнымъ? не потому ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе, и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса, ничего не доказываетъ. Геніи родятся во всѣхъ земляхъ; вселенная отечество ихъ — и можно ли по справедливости сказать, чтобы (на примѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщены и разсуди-

тельны, соглашаюсь : здѣсь ремесленники читаютъ Юмову Исторію, служанка Йориковы проповѣди и Клариссу ; здѣсь лавошникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества , и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ краснорѣчіи ; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ не льзя выразить смысла Англійскаго слова humour, означающаго и *веселость*, и *шутливость* , и *замысловатость* : изъ чего заключаетъ , что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость Англичанъ видна развѣ только въ ихъ каррикатурахъ , шутливость въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ* , а веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя каррикатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей , столь же мрачные , какъ туманы , которые носятся надъ стихіею славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Французамъ , всякую игривость ума. Будьте разсудительны , есть ли вамъ угодно; но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, пріятности разума и того живаго сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны ! . . . Сохрани меня Богъ , чтобы

я тоже сказалъ объ Англичанкахъ! Онѣ милы своею красотою и чувствительностію, которая столь выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и щастія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мущинъ.

Англичане любятъ благотворить, любятъ удивлять своимъ великодушіемъ, и всегда помогутъ нещастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется нещастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Ж*, нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ Лондона во Фландрію, и на возвратномъ пути долженъ былъ остановиться въ Кале. Сильный, холодный вѣтеръ окружилъ гавань множествомъ льду, и пакетъ-боты никакъ не могли выттти изъ нее. Ж* издержалъ всѣ свои деньги, грустилъ и не зналъ, что дѣлать. Трактиры были наполнены путешественниками, которые, въ ожиданіи благопріятнаго времени для переѣзда черезъ Каналъ, веселились безъ памяти, пили, пѣли и танцовали. Землякъ нашъ съ пустымъ кошелькомъ и съ печальнымъ сердцемъ не могъ участвовать въ ихъ весельи. Въ одной комнатѣ съ нимъ жили богатый Англичанинъ и молодой Парижской купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый Англичанинъ? дивился его безразсудности, и повторивъ нѣ-

сколько разъ: *какъ можно на всякой случай не брать съ собою лишнихъ денегъ?* вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой Французъ? высыпалъ на столъ свои луидоры и сказалъ: *возьмите, сколько вамъ надобно; будьте только веселѣе.*— «Государь мой! вы меня не знаете.» — Все одно; я радъ услужить вамъ; въ Лондонѣ мы увидимся. — Ж* взялъ съ благодарностію луидоровъ 10 или 15, и хотѣлъ дать ему свой Лондонской адресъ. Французъ не принялъ его, говоря: *ваше дѣло сыскать меня на биржѣ. Я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человѣкъ.* — — Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха быть обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ земляхъ гораздо щедрѣе на благодѣянія, нежели въ своей, думая, что въ Англіи, гдѣ всякаго роду трудолюбіе по достоинству награждается, хорошій человѣкъ не можетъ быть въ нищетѣ: изъ чего вышло у нихъ правило: *кто у насъ бѣденъ, тотъ недостоинъ лучшей доли* — правило ужасное! Здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпитъ, и должна таиться! Ахъ! естьли хотите еще болѣе угнести того, кто угнетенъ нищетою, пошлите его въ Англію: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилія и кучами разсыпанныхъ гиней, узнаетъ онъ муку Тантала! . . . И какое ложное правило! Развѣ стеченіе бѣдъ не можетъ и самаго трудолюбиваго довести до сумы? На примѣръ, болѣзнь. . . .

Англичане честны; у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы. . . Позавидуемъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго *духа торговли*, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея оттѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, политикѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть . . . личная выгода. Замѣтьте, что холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, *безразсуднаго* сердца. На примѣръ, Г. Пар*, мой здѣшній знакомецъ, всякое утро въ 11 часовъ является ко мнѣ и спрашиваетъ: «куда хотите итти? что видѣть? съ кѣмъ познакомиться? я къ вашимъ услугамъ.» Отецъ его, будучи Консуломъ въ Архипелагѣ, женился на Гречанкѣ, которая воспитала сына своего въ нашемъ Исповѣданіи. Г. Пар* считаетъ за должность быть покровителемъ Русскихъ и по возможности дѣлать имъ услуги. Имѣя привычку бродить всякое утро пѣшкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, который иногда смѣшитъ его своими простосердечными вопросами и замѣчаніями, и который, разставаясь съ нимъ,

всякой разъ искренно говоритъ ему *спасибо!* Англичане всегда готовы одолжать васъ такимъ образомъ.

Они горды — и всего болѣе гордятся своею Конституціею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были щастливы. На примѣръ, Англійской Министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно: сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно то, что Министръ всегда долженъ быть отмѣнно умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скораго отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и есть ли бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конституція, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для*

доинъ. Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Вы слыхали о грубости здѣшняго народа въ разсужденіи иностранцевъ: съ нѣкотораго времени она посмягчилась, и учтивое имя frenchdog (Французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-Англичанъ, уже вышло изъ моды. Мнѣ случилось ѣхать въ каретѣ съ однимъ поселяниномъ, который, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: «хорошо быть Англичаниномъ, «но еще лучше быть добрымъ человѣкомъ. «Французъ, Нѣмецъ — мнѣ все одно; кто честенъ, тотъ братъ мой.» Мнѣ крайне полюбилось такое разсужденіе; я тотчасъ записалъ его въ дорожной своей книжкѣ. Однакожь не всѣ здѣшніе поселяне такъ разсуждаютъ; это былъ конечно вольнодумецъ между ими! Вообще Англійской народъ считаетъ насъ чужеземцевъ какими-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его,* говорятъ здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ* — что значитъ: «это бѣдный человѣкъ или младенецъ.»

Кто думаетъ, что щастье состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душею. Вотъ Англійской *сплинъ!* Эту нравственную болѣзнь можно назвать и Русскимъ именемъ: *скукою,*

извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣетъ, безпеченъ и — зѣваетъ. Богатый Англичанинъ отъ скуки путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотаетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бываютъ нещастливы отъ щастья! Я говорю о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а *дѣятельные*, управляя всемірною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходятъ и многочисленныя Англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называются только своенравіемъ или whim? Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ щастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Я могъ бы выписать изъ Англійскихъ газетъ и журналовъ множество странныхъ анекдотовъ; на примѣръ, какъ одинъ богатый человѣкъ построилъ себѣ домикъ на высокой горѣ въ Шотландіи, и живетъ тамъ съ своею собакою; какъ другой, ненавидя, по его словамъ, землю, поселился на водѣ; какъ третій, по антипатіи къ свѣту, выходитъ изъ

дому только ночью, а днемъ спитъ или сидитъ въ темной комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвертой, отказывая себѣ все, кромѣ самаго необходимаго, въ началѣ каждой весны дастъ деревенскимъ сосѣдямъ своимъ великолѣпной праздникъ, который стоитъ ему почти всего годоваго доходу. Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ досыта дурачиться, не давая никому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: «естьли въ Англіи позволено *дурачиться*, у насъ не запрещено *умничать*: а послѣднее не рѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго.»

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочетъ, дѣлать что хочетъ во всѣхъ случаяхъ, не противныхъ благу другихъ людей, производитъ въ Англіи множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для Романистовъ. Другія Европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видите ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, въ нравственномъ смыслѣ, растутъ какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хотя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ — естьли бы однимъ словомъ надлежало означать народное свойство Англичанъ — я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ

какъ Французовъ * легкомысленными, Италіянцевъ коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствій общежитія, есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ — въ чемъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нее безъ сожалѣнія.

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалѣю! Таково мое сердце: ему трудно разставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ! скорѣе, нежели думалъ! Отъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя

* Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: *Англичане слишкомъ сложны, Италіянцы слишкомъ сухи, а Французы только сочны.*

ощупала въ немъ только двѣ гинеи. . . . Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль его, и снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону. — Меня провожалъ Руской парикмахеръ Ѳедоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ, написалъ надъ своею лавкою, Fedor Ooshakof. салитъ голову Лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи Экономическимъ крестьяниномъ, и служитъ всѣмъ Рускимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно-прибранную; указалъ мнѣ постелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Йорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ гробомъ! — Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому что другую отдалъ парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ!

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу. . . солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ, и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. На-

родъ, матрозы желали Капитану щастливаго пути, и маханiемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучной вѣтеръ. Я смотрѣлъ на прекрасные берега Темзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими — скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостiю пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостiю человѣческою. Берега Англiи темнѣли. . .

Но у меня самого въ глазахъ темнѣетъ; голова кружится. . .

═

Здравствуйте, друзья мои! я ожилъ! . . . Какъ мучительна, ужасна морская болѣзнь! Кажется, что душа хочетъ выпрыгнуть изъ груди; слезы льются градомъ, тоска несносная. . . а Капитанъ заставлялъ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разъ ложился на постелю, сто разъ садился на палубѣ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это реторическая фигура; нѣтъ, волны были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, что иногда переливались черезъ корабль. Одна изъ нихъ чуть было не сшибла меня въ то глубокое отверстiе корабля, гдѣ лежатъ острые якори.

Болѣзнь моя продолжалась три дни. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ сномъ — открываю глаза, не чувствую никакой тоски — едва вѣрю себѣ — встаю, одѣваюсь. Входитъ Капитанъ съ печальнымъ видомъ и говоритъ: «вѣтеръ утихъ; «нѣтъ ни малѣйшаго вѣянія! корабль ни съ «мѣста: страшная тишина!» — — Я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море стояло какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; парусы висѣли безъ дѣйствія: корабль не шевелился; матрозы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня; я веселился какъ ребенокъ, и здоровьемъ своимъ и картинною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство водъ и безконечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта! . . . Вотъ зеркало, достойное бога Феба! — Казалось, что въ мірѣ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ нашли легкія облака; повѣялъ вѣтерокъ, море заструилось, и парусы вспорхнули.

Намъ встрѣтились Норвежскіе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою — и черезъ двѣ минуты вся палуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не ѣвъ три дни, и крайне не любя соленаго мяса и гороховыхъ пудинговъ, которыми Англійскіе мореходцы подчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большіе пьяницы, хотѣли сверхъ денегъ рому; пили его

какъ воду, и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ. — Въ сію минуту приносятъ намъ два блюда рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго! . . .

Опять страшный вѣтеръ, но попутной. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль, что всякую минуту приближаюсь къ отечеству, живитъ и радуетъ мое сердце. Слушаю шумъ моря; смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны; читаю Оссіана и перевожу его Картона *. Нынѣшняя ночь была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь которыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на милліоны волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хотѣлось увидѣть Норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой терялся во мракѣ. Вдругъ слышимъ вдали пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у Капитана. «Можетъ быть какой нибудь «нещастный корабль погибаетъ,» отвѣчалъ онъ: «здѣшнее море ужасно для плавателей.» Бѣдные! кто поможетъ имъ во мракѣ? Можетъ быть страшный вѣтеръ сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть нашли они на мель; можетъ быть вода

* Самый этотъ переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Московскомъ Журналѣ.

заливаетъ уже корабль ихъ! . . . Мы слышали еще два выстрѣла, и кромѣ шума волнъ уже ничего не слыхали. . Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пути, и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ. — Всѣ наши матрозы спали, кромѣ одного карраульнаго. Когда хотя мало перемѣнится вѣтеръ, караульной закричитъ; въ минуту всѣ выбѣгутъ, бросятся къ мачтамъ, и другіе парусы вьютъ. Корабль нашъ очень великъ; но матрозовъ только 9 человѣкъ. — Я легъ спать въ три часа, и сильное качаніе корабля въ первый разъ показалось мнѣ роскошью. Такъ качаютъ дѣтей въ колыбели!

═

Море.

Марія В* родилась въ Лондонѣ. Отецъ ея былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ Министерства — возненавидѣлъ Англію, и продавъ свое имѣніе, переселился въ Новый Іоркъ. Марія, жертва его политическаго упрямства, оставила въ Лондонѣ свое сердце и щастіе: у нее былъ тайной любовникъ и женихъ, молодой, добродѣтельный человѣкъ. Пять лѣтъ жила она въ Америкѣ — лишилась отца, искренно оплакивала

смерть его, и спѣшила возвратиться въ отечество, будучи увѣрена въ постоянствѣ своего друга. Опасности моря не устрашали ее; она сѣла на корабль, одна съ своею любовію и съ милою надеждою — но въ самый первый день плаванія занемогла жестокою болѣзнію. Капитанъ совѣтовалъ ей возвратиться. «Нѣтъ,» говорила Марія: «я хочу умереть «или быть въ Англіи; каждой день для меня дорогъ.» Болѣзнь усилилась и повредила ея разсудокъ. Ей казалось, что она сидитъ уже подлѣ жениха своего и разсказываетъ ему о горестяхъ прошедшей разлуки. «Теперь «я щастлива,» говорила Марія въ безпамятствѣ: «теперь могу спокойно умереть въ «твоихъ объятіяхъ.» Но другъ ея былъ далеко, и Марія скончалась на рукахъ служанки своей. Вообразите, что нещастную бросили въ море! вообразите, что я сплю на ея постелѣ! . . . «Такъ и меня бросите въ море «(говорю Капитану), естьли умру на кораблѣ «вашемъ?» — *Что дѣлать!* отвѣчаетъ онъ, пожимая плечами. Это ужасно! Земля, земля! приготовь въ тихихъ нѣдрахъ своихъ укромное мѣстечко для моего праха! Довольно, что мы и живые по волнамъ носимся; а то быть еще и по смерти игралищемъ бурной стихіи! . . .

Нынѣшній день море въ самомъ дѣлѣ едва не поглотило насъ. Корабельный мастеръ выпилъ стакана четыре водки; не примѣтилъ флага, поставленнаго на мели для предостере-

женія мореплавателей — и Капитанъ увидѣлъ бѣду въ самую ту минуту, когда мы были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ подводныхъ камней; поблѣднѣлъ, закричалъ — матрозы бросились на мачты — парусы упали, и корабль пошелъ въ другую сторону. Чудное проворство! Съ Англичанами весело и умереть на морѣ! Это подлинно ихъ стихія. — Мастеру досталось отъ Капитана. Онъ хотѣлъ его бить; хотѣлъ перекинуть его черезъ бордъ. Пьяница залился горькими слезами и сказалъ: «Капитанъ! я виноватъ; утопи «меня, но не бей. Англичанину смерть легче «безчестья.»

Между тѣмъ, друзья мои, я въ восемь дней удивительнымъ образомъ привыкъ къ Нептунову царству, и радъ плыть, куда угодно. — Буря не утихаетъ; корабль безпрестанно плыветъ бокомъ, и на палубѣ не льзя ступить шагу безъ того, чтобы не держаться за веревки. Въ каютѣ всѣ вещи (посуда, сундуки) прибиты гвоздями; но часто, отъ сильныхъ порывовъ, гвозди вылетаютъ, и дѣлается страшный стукъ. — Я уже различаю флаги всѣхъ націй; и какъ скоро встрѣтится намъ корабль, кричу въ трубу? From whence you come? Это забавляетъ меня.

Вчера ночевали мы передъ самымъ Копенгагеномъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ городъ! Жестокой Капитанъ не далъ лодки.

==

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! . . . Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-Руски и слышать Рускихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

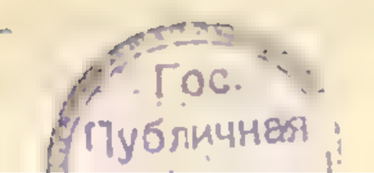
Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ, (естьли столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя? . . . Но чему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ *эскизахъ*: можетъ быть и другіе. . . но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовь-

те мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться *Китайскими тѣнями* моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

Письма Русскаго Путешественника.

	Стран.
Письмо изъ Парижа Маія.	1
„ „ — — — — —	9
„ „ — — — — —	11
„ „ — — — — —	16
„ „ — — — — —	18
„ „ — — — — Іюня	33
„ „ — — — — —	40
„ „ — — — — —	43
„ „ — — — — —	57
„ „ — Деревни Отель, Іюня.	59
„ „ — Сен - Дени.	60
„ „ — Парижа, Іюня	63
„ „ — — — — —	69
„ „ — — — — —	71
„ „ — Эрменонвиля	76
„ „ — Шантильи.	86
„ „ — Парижа, Іюня 1790.	88
„ „ — — — — — — —	95
„ „ — — — — — — —	97
„ „ — Го-Бюиссона, въ 4 часа по полудни.	103
„ „ — Кале, въ час по полуночи	105
„ „ — —— въ 10 часовъ утра	109
„ „ съ Пакетъ - Бота	—
„ „ изъ Дувра	112
„ „ — Лондона	116
„ „ — — — Іюля 1790.	121

Письмо изъ Лондона, Іюня 1790 128
„ „ — — — — — — 132
„ „ — — — — — — 140
„ „ — — — — — — 150
Биржа и Королевское Общество . 152
„ „ — Лондона, Іюля 1790. 155
Виндзоръ 167
Виндзорскій паркъ 173
„ „ — Лондона, Іюля 1790 176
Выборъ въ парламентъ 182
Театръ. 188
„ „ изъ Лондона, Іюля 1790 191
„ „ — Ранела 193
„ „ — Лондона, Іюля 1790 195
Семейственная жизнь 196
Литтература 204
„ „ изъ Лондона, Августа 1790. 209
Вестминстеръ. 212
Вестминстерское Аббатство . . 218
„ „ изъ Лондона, Сентябрь 1790 233
Море . . . . 243 и 248
Кроншпатъ 251

18.47.6.7/5